

Председатель Редакционного совета

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович – ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса. Заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, почетный работник науки и техники Российской Федерации.

Заместитель председателя Редакционного совета

СИНЮКОВ Владимир Николаевич – проректор по научной работе Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России.

Главный редактор журнала

ЧУЧАЕВ Александр Иванович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Ответственный секретарь

ПРУГЛОВА Марина Николаевна – эксперт отдела научно-издательской политики управления организации научной деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

БАРАБАШ Юрий Григорьевич – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного права Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого», член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины.

БЕКЯШЕВ Камилль Абдулович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ.

БЕШЕ-ГОЛОВКО Карин – доктор публичного права, Франция.

БОНДАРЬ Николай Семенович – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ.

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой финансового права, первый проректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ.

ДМИТРИЕВА Галина Кирилловна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный юрист города Москвы.

ЗОЙЛЬ Отмар – доктор права, почетный доктор права, Emeritus профессор Университета Paris Ouest-Nanterre-La Defense (Франция).

ИСАЕВ Игорь Андреевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ.

КОМОРИДА Акио – профессор Университета Канагава (Япония).

КОЛЮШИН Евгений Иванович – доктор юридических наук, профессор, член Центризбиркома России, заслуженный юрист РФ.

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович – кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса.

ПАН Дунмэй – кандидат юридических наук, профессор юридического института Хэйлунцзянского университета КНР, приглашенный исследователь Центра славянских исследований университета Хоккайдо (Япония).

ПИЛИПЕНКО Юрий Сергеевич – доктор юридических наук, вице-президент Федеральной палаты адвокатов России, председатель Совета коллегии адвокатов Московской области «Юридическая фирма “ЮСТ”».

РАДЬКО Тимофей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ.

РАРОГ Алексей Иванович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный юрист города Москвы.

РАССОЛОВ Илья Михайлович – доктор юридических наук, профессор кафедры правовой информатики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главный редактор журнала «Судебная и правоохранительная практика».

РЫБАКОВ Олег Юрьевич – проректор по научной работе Северо-Кавказского федерального университета, доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, член квалификационной коллегии судей Ставропольского края, член Совета УМО по юридическому образованию вузов Российской Федерации.

ТУМАНОВА Лидия Владимировна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского процесса и правоохранительной деятельности, декан юридического факультета Тверского государственного университета, заслуженный юрист РФ.

ХЕЛЛЬМАНН Уве – Dr. iur. habil, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета (Германия).

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович – заместитель председателя Следственного комитета Российской Федерации, генерал-полковник, кандидат юридических наук, профессор, главный редактор журнала «Наркоконтроль».

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и административного права, декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

ШУГРИНА Екатерина Сергеевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права, председатель редакционно-издательского Совета Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главный редактор журнала «Актуальные проблемы российского права».

ДЕ ЗВААН Яап – профессор Роттердамского университета (Голландия), профессор кафедры Жана Монне (Европейский Союз).

2014 (published in 1948)

RESEARCH PAPERS KUTAFIN MOSCOW STATE LAW UNIVERSITY. THAT LXXXVV (№ 5)

Chairman of the Council of Editors

BLAZHEEV, Victor Vladimirovich – Rector of the Kutafin Moscow State Law University, PhD in Law, Professor, Head of the Department of Civil Process, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Specialist in Science and Technology of the Russian Federation.

Vice-Chairman of the Council of Editors

SINYUKOV, Vladimir Nikolaevich – Vice-Rector on Scientific Work of the Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor, Merited Scientist of the Russian Federation, Merited Officer of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Editor-in-Chief of the Journal

CHUCHAEV, Aleksandr Ivanovich – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Executive Editor

PRUGLOVA, Marina Nikolaevna – expert of the Division for the Scientific and Publishing Policy of the Department for the Organization of Scientific Work of the Kutafin Moscow State Law University

BARABASH, Yuri Grigorievich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional Law of the National University Legal Academy of Ukraine named after Yaroslav the Wise, Correspondent Member of the National Academy of Legal Sciences of Ukraine.

BEKYASHEV, Kamil Abdulovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Scientist of the Russian Federation.

BECHET-GOLOVKO, Karine – Doctor of Public Law, France.

BONDAR, Nikolay Semenovich – Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Scientist of the Russian Federation.

GRACHEVA, Elena Yurievna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Financial Law, First Vice-Rector of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Specialist in Science and Technology of the Russian Federation.

DMITRIEVA, Galina Kirillovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of the International Private Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Scientist of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education, Merited Lawyer of the City of Moscow.

ISAEV, Igor Andreevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Scientist of the Russian Federation.

KOMORIDA , Akio – Professor of the Kanagawa University (Japan).

KOLYUSHIN, Evgeniy Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Merited Lawyer of the Russian Federation.

MALINOVSKIY, Vladimir Vladimirovich – PhD in Law, Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councillor of Justice.

SEUL, Otmar – Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Ouest-Nanterre-La Defense (France).

PILIPENKO, Yuri Sergeevich – Doctor of Law, Vice-President of the Federal Chamber of Advocates of Russia, Chairman of the Council of the Bar Associations of Advocates of the Moscow region, Legal Firm «JUST».

RADKO , Timofey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Lawyer of the Russian Federation.

RAROG , Aleksey Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Scientist of the Russian Federation, Merited Lawyer of the City of Moscow.

RASSOLOV, Ilya Mikhailovich – Doctor of Law, Professor of the Department of Legal Information Science of the Kutafin Moscow State Law University, Editor-in-Chief of the Journal «Judicial and Law-Enforcement Practice».

RYBAKOV, Oleg Yurievich – Vice-Rector on Scientific Work of the North Caucasian Federal University, Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Member of Qualification Board for the Judges of the Stavropol Region, Member of the Scientific and Methodological Association on Legal Education of the Higher Education Institutions of the Russian Federation.

TUMANOVA, Lidia Vladimirovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Process and Law-Enforcement Activities, the Dean of the Law Faculty of the Tver State University, the Merited Lawyer of the Russian Federation.

HELLMANN, Uwe – Dr. iur. habil, Professor, Head of the Department of the Criminal and Economic Criminal Law of the Law Faculty of the Potsdam University (Germany).

FEDOROV, Aleksandr Vyacheslavovich – vice-Chairman of the Investigation Committee of the Russian Federation, Colonel General, PhD in Law, Professor, Editor-in-Chief of the Journal «Drug Enforcement» (Narcocontrol).

SHEVELEVA, Natalia Aleksandrovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State and Administrative Law, the Dean of the Law Faculty of the St. Petersburg State University.

SHUGRINA , Ekaterina Sergeevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Head of the Division for the Scientific and Publishing Policy, Head of the Editorial Advisory Board of the Kutafin Moscow State Law University, the Editor-in-Chief of the journal «Topical Problems of Russian Law».

DE ZWAAN, Jaap Willem – Professor of the Rotterdam University (Holland), Professor of the Jean Monnet Chair (the EU).

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Т.И. Демченко

О законных основаниях
правового сознания 523

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Е.А. Мишина

Хроника грузинских реформ 535

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА

И.О. Краснова

Экологическая безопасность
как правовая категория. 543

А.В. Шигуров

Закрытая форма предварительного
слушания по уголовным делам:
критический взгляд 556

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Н.А. Чернядьева

Вестфальский мирный трактат:
проблемы противодействия
зарождающемуся терроризму 564

ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

С.А. Насонов

Особенности пределов судебного
разбирательства при рассмотрении
уголовного дела судом с участием
присяжных заседателей 575

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

М.А. Риэкиннен

Конструктивный протест
в конституционном праве:
идеализированный миф или
потенциальная реальность? 587

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

Л.В. Готчина

Международное законодательство
в сфере предупреждения
наркопреступлений, совершаемых
несовершеннолетними,
молодежью и в отношении них 594

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Е.Э. Попова

Истоки становления общественного
воздействия как основного средства
исправления осужденных 607

ИМЯ В НАУКЕ

О.А. Славгородская

Комиссаров: вектор жизни 618

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Т.В. Кашанина

Гражданское общество:
всесторонний взгляд 622

ABOUT THE AUTHORS, ANNOTATIONS AND KEYWORDS . . . 627

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ И ТРЕБОВАНИЯ

К ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ МАТЕРИАЛАМ И ИХ ОФОРМЛЕНИЮ 632

PHILOSOPHY OF LAW

- Demchenko, T.I.*
On the lawful grounds
of legal conscience 523

POLITICS AND LAW

- Mishina, E.A.*
Chronicles of the Georgian reforms . . . 535

**THEORETICAL PROBLEMS
OF BRANCHES OF LAW**

- Krasnova, I.O.*
Environmental security as
a legal category 543

- Shigurov, A.V.*
Closed form of preliminary hearings on
criminal cases: a critical evaluation . . . 556

INTERNATIONAL PUBLIC LAW

- Chernyadieva, N.A.*
The Westphalian Peace Treaty:
the problems of fighting the
emerging terrorism 564

ISSUES OF LEGAL PRACTICE

- Nasonov, S.A.*
Specific features for the limits to the
judicial proceedings in criminal cases
involving trial by jury 575

DISCUSSION STAND

- Riekkinen, M.A.*
Constructive protest in constitutional
law: an idealized myth or a potential
reality? 587

FIGHTING CRIME

- Gotchina, L.V.*
International legislation in the sphere
of prevention of drug crimes committed
by juveniles or against juveniles 594

HISTORY OF STATE AND LAW

- Popova, E.E.*
The sources for the formation of public
influence as the main force for the
correction of the sentenced persons . . 607

NAME IN SCIENCE

- Slavgorodskaya, O.A.*
Komissarov: life vector 618

BOOK SHELF

- Kashanina, T.V.*
Civil society: a comprehensive view . . 622

**ABOUT THE AUTHORS,
ANNOTATIONS AND KEYWORDS . . . 627****PUBLISHING CONDITIONS
AND THE REQUIREMENTS
TO THE MATERIALS
FOR THE JOURNAL 632**

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Т.И. Демченко*

О ЗАКОННЫХ ОСНОВАНИЯХ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена характеристике законных оснований правового сознания, с которыми связано постижение истины правового сознания, целостное его понимание. В соответствии с открытиями, сделанными представителями отечественных и зарубежных естественных и гуманитарных наук, касающихся законов квантовой механики, голографического состояния Вселенной, информационного и микролептонного полей, делаются следующие выводы: эти законы выступают наиболее фундаментальной основой сознания вообще, правового сознания, в частности, и его взаимодействия с государственно-правовыми явлениями; государственно-правовые явления, как составная часть материального мира, признанного, согласно этим законам, наименее фундаментальной областью бытия, находятся на более низком уровне, они вторичны по отношению к правовому сознанию; – о необходимости признания юридической наукой и практикой самого правового сознания как тончайшей энергии, информации, как полевой структуры. Это должно способствовать более полному, целостному пониманию, качественному совершенствованию правового сознания и активному использованию его в постановке и решении государственно-правовых задач.

Ключевые слова: условное правовое сознание, законные основания правосознания, безусловное правовое сознание, целостное понимание правосознания, целостность правосознания, правовое сознание, ложное знание, истинное знание, правосознание как информация.

DOI: 10.7256/1729-5920.2014.5.8945

Проблема законных оснований правового сознания – проблема его понимания. И. Кант писал, что для полного понимания того, что дано в явлении, нужны, конечно, основания, а не следствия¹. Решение этой проблемы связано с переосмыслением существующего знания, обусловленным проблемами науки и потребностями практики. Переосмысление постоянная и очень значимая познавательная задача, сформулированная Конфуцием в его принципе изменения имен. Переосмысление направлено на приращение знания и поиск объективной истины. Вопрос об истине, о различии между сущностью (скрытым) и явлением (явным), внутренним

и внешним был важнейшим для мыслителей разных эпох².

Приращение знания, поиск истины с рациональной позиции осуществляются путем устранения ошибок, заблуждений, распознавания ложных знаний, которые, говорит Пла-

² Согласно Гераклиту, например, об истинной природе, о сущности вещей нельзя судить по их внешнему проявлению, они не выступают на поверхности, скрыты за явлениями. Существует всеобщая истина, которая постигается через понимание того, что за внешним расхождением существует внутреннее согласие, за борьбой противоположностей – их единство и гармония (при этом скрытая гармония признается лучше явной), за прерывным и отдельным – непрерывное, целое, за изменением – постоянство, за преходящим – вечное (Кессиди Ф. Гераклит. СПб. 2004. С. 68, 69, 88, 107, 144).

¹ Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 260.

© Демченко Тамила Ивановна

* Кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета [tamila-d23@mail.ru]

355000, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1.

тон, существуют среди людей³. Называются разные источники ложных знаний, ошибок, заблуждений. Гераклиту, Платону они видятся в чувственных ощущениях, в непонимании относительного характера человеческих знаний, в утрате связи сознания с истиной, в ориентации его на соответствие изучаемому предмету. По мнению Платона, ложное знание коренится в отображении предмета в понятии. Постичь истину можно через познание истины как таковой⁴. У Канта причины ошибок коренятся в опыте, который является основой и критерием разума. Номинальная дефиниция истины, говорит он, согласно которой истина есть соответствие знания с его предметом, допускается и предполагается заранее. Но весь вопрос в том, чтобы найти всеобщий и верный критерий истины для всякого знания⁵.

Ложное знание, полагает Е.Н. Трубецкой, есть либо неудавшаяся попытка сознать что-либо, либо пустая видимость, или симуляция сознания⁶. По мнению К. Поппера, ложное знание обнаруживается легче, чем устанавливается истина⁷. Ложные знания, ошибки, заблуждения не всегда очевидны, говорит О.Э. Лейст, и потому ими часто оперируют как истинными⁸.

Такая ситуация не является исключением для современного состояния научных знаний, которые, в силу многих причин, в том числе – удаленности от истины, приобретают кризисный характер. Так ставился вопрос на второй Международной конференции, посвященной проблемам пространства и времени в современном естествознании, состоявшейся в Санкт-Петербурге в 1991. Участники ее отмечали, что кризисная ситуация сложилась в физике, биологии, медицинской науке и практике, говорили о необходимости кардинальных изменений в педагогике. Современная

педагогика обучает и воспитывает на основе внешних правил, воздействует главным образом на внешние проявления человеческого бытия. Она не формирует у человека целостное представление о жизни и к самому человеку относится не как к целостной психофизиологической и духовной субстанции⁹.

Такая ситуация, по мнению представителей разных наук, сложилась в силу кризиса классической рациональности, ставшего очевидным во второй половине XX века. К ней привело возвеличивание разума, логического мышления, дедуктивного пути, односторонней ориентации на познавательную-преобразующую деятельность, научно-технический прогресс, породивший технократическую цивилизацию, агрессивную по отношению к биосфере и поэтому опасную для человеческого бытия.

Отмечается кризисное состояние отечественной юридической науки, выделяются «симптомы кризиса» современного российского теоретического сознания¹⁰. «Симптомы» кризиса, отмечает М.Н. Марченко, применительно к проблеме правопонимания появились многие сотни лет назад и остаются до сих пор¹¹. Говорится о необоснованности претензий рационального аспекта науки на исключительную роль в познании государственно-правовой действительности. Утверждается, что юридическая наука не выполняет надлежащим образом не только прогностические, но и аналитические функции, по многим вопросам не обладает истинными знаниями¹².

О неистинности, порочности, неполноте юридического знания, правового сознания в частности, говорили русские мыслители в связи с недооценкой социальной роли права¹³. Сегодня порок связывается с переоцен-

³ Платон. Собр. соч. в четырех томах. Т. 1. Кратил. М., 1990. С. 643.

⁴ Платон. Кратил. Собр. соч. в четырех томах. Т. 1. М., 1990. С. 643, 679; Его же: Тезет. Т. 2. С. 7, 14, 18 и др.

⁵ Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 7, 74.

⁶ Трубецкой Е.Н. Смысл жизни // Избранные произведения. Ростов-на-Дону. 1998. С. 27–28.

⁷ У К.Р. Поппера истина есть регулятивная идея. Истинные знания, теории и законы носят гипотетический характер, а все ошибочные знания и теории, основанные на здравом смысле, происходят от плохого интеллектуального пищеварения (Поппер К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2002. С. 20, 23, 38, 51, 67 и др.).

⁸ Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 9.

⁹ Материалы Международной конференции «Проблемы пространства и времени в современном естествознании». Сер. «Проблемы исследования Вселенной». Вып. 15. СПб., 1991.

¹⁰ Поляков А.В. Петербургская школа философии права и задачи современного правоведения // Правоведение. 2000. № 2. С. 4; Его же: Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. СПб., 2003; Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001.

¹¹ Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права (право). Учебник в 2 томах. Т. 2. М., 2007. С. 13.

¹² Поэтому, видимо, юридическая наука иногда называется техникой (Немыгина М.В. Выступление на научно-методологическом семинаре «Актуальные проблемы методологии юридической науки» // Правовая политика и правовая жизнь. 2001. № 1. С. 189).

¹³ Козлихин И.Ю. О соотношении права и морали // Материалы Международной научной конференции

кой права, с ограниченным, узконормативным пониманием права и правосознания.

Ставится вопрос о том, что для постижения предмета правоведения и решения собственных правовых проблем необходим выход за сферу политического и правового. Необходим выход в экономику, психологию, педагогику, иные сферы социальной жизни, необходимо познание и использование их закономерностей¹⁴.

Для целостного понимания, решения теоретических и практических проблем правового сознания необходимо признание необычайной сложности и значимости этого социального явления и соответствующего понятия. Это признание должно увести правовое сознание от юридизации, нацелить на выход его за пределы не только политического, юридического, но и иных сфер социальной жизни, пребывающих в конкретно-историческом проявлении и постоянном изменении. Оно позволит использовать способности правового сознания пребывать за пределами материального, проявленного, условного мира и постигать истинный смысл собственного и всего государственно-правового бытия.

История политических и правовых идей свидетельствует о том, что в трактовках государственно-правовых явлений очень часто наблюдался у зарубежных и отечественных мыслителей выход далеко за пределы материального, рационального, позитивного, условного, юридического в сферу безусловного, вечного, божественного. Эта традиция таилась в подсознательной сфере у философов и ученых советского периода, она начала проявляться в настоящее время¹⁵.

Выход за пределы проявленного, условного бытия изначально осуществлялся космологическим и теологическим сознанием. Первые из людей, говорил платоновский Сократ, видели солнце, луну, звезды, небо и то, что все это постоянно бежит, совершая круговорот. В этой их природе постоянного бега,

«Нравственные основы теории государства и права». М., 2005. С. 129.

¹⁴ Сырых В.М. История и методология юридической науки. М., 2012. С. 45–46.

¹⁵ Ковлер А.И. Антропология права. М., 2002; Мордовцев А.Ю. Юридическое мышление в контексте сравнительного правоведения: культурантропологические проблемы // Правоведение. 2003. № 2; Овчинников А.И. Правовое мышление: теоретико-методологический анализ. Ростов н/Д., 2003; Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М., 2003; Исаев И.А. Власть и закон в контексте иррационального. М., 2006 и др.

повторяемости, рождающих постоянство, стабильность, усматривалась особая закономерность, которая определялась законами ритма, меры, порядка. С этой закономерностью им связывалось название бога (бег-бог)¹⁶.

Согласно праславянскому сознанию Богом-Творцом создано все сущее, духовный и материальный мир, в том числе человек. Творец един, но проявления его духа, энергии множественны и бесконечны. Они представлены в законах Бытия, Развития, Коловращения – законе циклического движения, в образах многочисленных богов, служивших законным основанием мировоззрения, правового сознания, государственно-правовой, всей социальной жизни. Для научного исследования, писал Д.Я. Самоквасов, важны не все Боги, а только те, значение которых признавалось в государственно-правовой жизни.

Система богов сначала была представлена небесными, земными и родовыми богами¹⁷. Государственными богами назывались: Бог-Творец, Бог огня, войны и физической силы – Перун, Бог, олицетворявший жизнь животных, дававших людям пищу – Волос. Особое место занимали небесные боги – солнца и света. Поклонение им получало государственное значение¹⁸. В дальнейшем, в процессе исключения из государственной религии многих богов, предметом поклонения становился один небесный Бог, умершие цари и пророки¹⁹.

На основе космических, божественных законов устанавливался первичный порядок. Образом существования его, с точки зрения мыслителей древности, признавалось постоянное чередование противоположностей –

¹⁶ Платон. Собр. соч. в четырех томах. Т. 1. Кратил. М., 1990. С. 630. По мнению Р.А. Папаяна, неизменной величиной является мораль, поскольку она не придумана человеком, а дана ему Богом (Папаян Р.А. Христианские корни современного права. М., 2002. С. 156).

¹⁷ К земным богам относились духи земли, воды, лесов, гор. Олицетворением родовых богов был домовладыка, огнищанин. Во главе пантеона богов стоял Великий Триглав, представленный тремя ликами: Богом-Творцом, Богом-Духом Святым и Богом, олицетворявшим явленный, материальный мир – Свентовитом. Аналогичный тройственный образ Бога существует в христианстве – Святая Троица: Бог-Отец, Бог-Сын, Бог-Дух Святой.

¹⁸ Свидетельством этого являются указания в договорах князя Игоря 944 г., Святослава 970 г. О том, что договоры эти действуют «пока светит солнце и стоит мир» (Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. II. Кн. I. Войны и мирные договоры. Справочник. М., 1995. С. 28–36).

¹⁹ Самоквасов Д. Я. Курс истории русского права. М., 1908. С. 98–104.

беспорядка, хаоса, синонимом которого является нарушение стабильности, изменимость, и порядка, который олицетворяет неизменность, стабильность. Вторичный порядок, говорит И.А. Исаев, связан с переходом «из Космоса в Историю, с появлением человека и человеческого закона»²⁰.

Анализируя позицию античных мыслителей, И.А. Исаев говорит, что архаическое мышление сначала отмечает закономерности на небе и на земле, потом стремится приспособиться к ним в соответствии с требованием законосообразности, затем, когда космический, вечный закон уступает место установленным Богом и человеком законам, оно переходит к их комментированию.

Переноса законы неба на землю, древнее сознание не разрывало связи с истоками, видело в них неизменную основу, определяющую принципы, устройство, владение и порядок земной жизни²¹. Даже Сократ, о котором говорится, что он осуществил переход от космологического к антропологическому мышлению, подверг критике Протагора, утверждавшего, что «мера всех вещей есть человек». Он говорил о причастности божественному уделу людей, достигших великого успеха в словах и делах, в том числе государственных. Вопреки софистам, Сократ, Платон полагали, что величайшие человеческие добродетели – мудрость и знание даны человеку не природой, не воспитанием, значение которых не отрицалось, а Богом, который является источником и основанием человеческого законодательства и его понимания²².

Эта связь с космическими, божественными истоками земного бытия присутствует в древнекитайской²³, древнерусской поли-

тико-правовой мысли²⁴. Она не утрачивается в последующие эпохи. И сегодня, в условиях господства рационализма, представители разных отраслей научного знания, в том числе – юриспруденции, обращаются к этим истокам²⁵.

В космических и божественных законах заключаются безусловные, метафизические²⁶ основания правового сознания, всех государственно-правовых явлений. И. Кант считал, что природа человеческого разума такова, что он не может обойтись без метафизики. Метафизика способствует расширению знаний, для этого она должна пользоваться такими основоположениями, которые уводят от опыта и дают априорные синтетические знания²⁷. А.А. Бергсон утверждал, что теория познания должна зависеть от метафизики²⁸.

Другой вариант характеристики законных оснований правового сознания связан с естественно-правовой моделью понимания права. Различные определения естественного права сделали затруднительной однозначную формулировку законного основания правового сознания. Естественное право рассматривалось как извечный мировой порядок; как единый, справедливый и разумный закон, которому подчиняется природа человека; как

²⁴ Рассматривая государство, право, их истинное назначение, Иларион утверждает, что высшая истина их заключена в Боге-Творце, что истинный закон дан Богом. Закон, как рациональная мера, как внешнее установление права, есть тень высшей истины, он дается людям, которые не постигли истину и потому нуждаются во внешнем регуляторе (Иларион. Слово о Законе и Благодати. М., 1994. С. 13, 29, 31, 33, 37).

²⁵ Папаян Р.А. Христианские корни современного права. М., 2002.

²⁶ Существуют различные определения метафизики. У И. Канта метафизика есть надопытное познание разума, основанное на априорном знании (Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 17, 21 и др.). С априорными знаниями связывается метафизика у А. Бергсона. Он говорит, что а priori, независимо от всяких гипотез о сущности материи, очевидно, что материальность тела не ограничивается той точкой, в которой мы прикасаемся к нему (Бергсон А. Творческая эволюция // Творческая эволюция. Материя и память. Минск, 1999. С. 208–209); С.Л. Франк считает, что метафизика – это учение о душе и человеческой жизни (Франк С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию // Предмет знания об основах и пределах отвлеченного знания. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. СПб., 1995. С. 428); М. Хайдеггер определяет метафизику как вопрошание о мире предельного, сверхсущего (Хайдеггер М. Что такое метафизика // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 41).

²⁷ Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 25, 41.

²⁸ Бергсон А. Творческая эволюция // Творческая эволюция. Материя и память. Минск, 1999. С. 198.

²⁰ Исаев И.А. Метафизика власти и закона. М., 1998. С. 11, 15–22, 25–28. См. также: Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1999. С. 49; Самоквасов Д.Я. Курс истории русского права. С. 76; Чистяков О.И. Введение // Российское законодательство X–XX вв.: Законодательство Древней Руси. Т. 1. М., 1984. С. 19 и др.

²¹ Исаев И. А. Метафизика власти и закона. М., 1998. С. 16–28.

²² Платон. Собр. соч. в четырех томах. Т. 1. М., 1990. С. 612, 616; Его же: Собр. соч. в трех томах. Т. 3. Ч. 2. Законы. М., 1972. С. 85.

²³ По мнению Мо-цзы, Небо является идеальным образцом для Поднебесной империи. Если следовать воле Неба, в правлении страной будет порядок. Согласно даосистской позиции, таким образом является дао, которое, следуя самому себе, породило и Небо, и Землю (Древнекитайская философия. М., 1972. Т. 1. С. 194, 195, 263).

неписаное право, отождествляемое с божественным законом; как часть разумного начала божественного происхождения, доступная человеческому пониманию; как идеальное право; как представление о справедливости, как сила природы, как свобода использовать свои силы для сохранения собственной природы, как прирожденные свойства человека заботиться о себе и других людях.

Думается, что истинная природа естественного права в его неизменности, постоянстве, которые с рациональной позиции определяются природной закономерностью человеческого бытия, с теологической – его соотносительностью с Богом, создавшим человека по образу своему и определившим свойства и направления его жизнедеятельности. Это своеобразная установка на сохранение и обеспечение жизнедеятельности человека, которая требует постоянного совершения определенных действий – движения, питания, размножения, реагирования на окружающий мир, познание его. Деятельность человека должна быть направлена на обеспечение своего физического, психического, душевно-духовного состояния, на добычу пищи, на возделывание и сохранение условий своего бытия, на самозащиту, на продолжение рода в форме сожительства мужчины и женщины и воспитание потомства. Для осуществления этой деятельности человеку необходимо определенное жизненное пространство²⁹. Этот своеобразный природный код и можно назвать естественным правом. Основы такого понимания заложены мыслителями древности, последующих эпох³⁰. Этой позиции придерживаются некоторые современные авторы³¹.

Полагаем, что в соответствии с естественно-правовой моделью в качестве законного основания правового сознания выступает природная закономерность человеческого бытия и заложенная в ней жизненная программа, содержащая природную установку на должное поведение человека, направленное на его самосохранение и обеспечение жизнедеятельности.

Современные сторонники этой модели отождествляют естественное право с неотчуждаемыми правами человека, но круг их

расширяют за счет многочисленных проявлений собственно естественных прав или их социализации, окультуривания и даже политизации. К ним можно отнести следующие права: право на признание правосубъектности человека; на равную защиту закона; на эффективное восстановление в правах человека компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом; на гражданство; на свободу мирных собраний и ассоциаций; на участие в управлении своей страной; право равного доступа к государственной службе в своей стране и другие³².

В природный код, программирующий жизнедеятельность людей, не вписывается право на заключение однополых браков, получающее все более широкое распространение в западном мире. В него не вписывается многое другое. Например действия, направленные на разрушение природной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов России, о чем говорилось на VII Съезде коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Там отмечалось, что из Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов исключен порядок закрепления оленеводческих пастбищ на основе бессрочного пользования, а также – территорий для использования объектов животного мира за этими народами. Что изъяты нормы из Земельного, Лесного и Водного кодексов РФ о бесплатном пользовании землями различных категорий для коренных народов, из Федерального закона о рыболовстве нормы о получении рыбопромысловых участков для традиционного рыболовства без проведения конкурса. Это привело к тому, что многие общины лишились возможности вылавливать рыбу, являющуюся важнейшим продуктом их питания, на своих исконных землях, поскольку не могли выиграть конкурсы у коммерческих предприятий³³.

В процессе исторического развития, возмещения человеческого разума, ориентации на проявленный социальный, в том числе государственно-правовой мир, на смену космическим, божественным и природным законам пришли юридические законы. Они отделились от своих предельных оснований, сами выступили в качестве законного основания правового сознания.

²⁹ Бытие. 1. 26–29, 2. 2, 9, 15, 22.

³⁰ Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М., 1956. С. 52.

³¹ Папаян Р.А. Христианские корни современного права. С. 148–155 и др.; Юсов П.А. Содержание и смысл права. Южно-Сахалинск, 2001. С. 30–35.

³² Всеобщая декларация прав человека // Права человека. Основные международные документы. М., 1989.

³³ Смольякова Т. Малые народы крупным планом // Российская газета. 2013. 5 апр.

Согласно утвердившейся модели юридического позитивизма законное основание, социальное и юридическое содержание правового сознания, его понимание и назначение в обществе, роль в решении государственных задач, в определении направлений и пределов деятельности связываются с позитивным правом, представленным законодательством и отождествленным с ним³⁴.

Возвеличивание позитивного права и, соответственно, законодательства в определенной степени основано на детерминистском подходе к рассмотрению всех государственно-правовых явлений. В советское время господствовал экономический детерминизм, в постсоветское время определяющим является юридический детерминизм.

Законодательство создается, действует в конкретно-исторических условиях и изменяется в соответствии с изменением этих условий. И это изменчивое законодательство, создаваемое в отсутствие устойчивых, безусловных критериев, предлагается считать правильным, причем без доказательств, говорит Г.В. Мальцев³⁵. При этом допускается, что общетеоретических и специальных юридических знаний, полученных рациональным путем на основе анализа законодательства, содержащего государственные веления, имеющие временный, преходящий характер, достаточно для понимания правового сознания. Иная точка зрения выражается в том, что признание разума в качестве высшей ступени сознания ограничивает возможности и останавливает его развитие³⁶.

Несмотря на то, что законодательство есть переменная величина, его анализ, комментирование, толкование опосредованно могут служить делу истины. Однако при условии, что его изменения не будут противоречить праву, которое проистекает из законов природы, космоса, неба, и потому является незыблемой основой государственного закона, правового и

юридического сознания, всех государственно-правовых явлений. Законодательство может служить делу истины, если государственные задачи, законодательные и иные способы их решения будут обосновываться не только факторами, определяемыми в качестве необходимых в пределах данного, конкретно-исторического этапа, хотя это очень важно, но и сущностными особенностями национального бытия государственно-правовых явлений.

Оно будет служить делу истины, если познавательные задачи, направленные на изучение законодательства, причин его появления, изменения, условий действия, и способы их решения станут обосновываться не только внешней логикой государственно-правового развития, но и внутренней, закономерной логикой строения, функционирования, совершенствования правового сознания. Логикой, играющей важнейшую роль в определении внешних государственно-правовых форм, динамики и характера движения, равно как и сохранения их в определенном качестве.

В отсутствие этих условий законодательство, признанное главным законным основанием правового сознания, юридизирует и ограничивает его понимание³⁷, ведет к неполноте, односторонности знаний о нем и, соответственно, о других государственно-правовых явлениях. Ориентация на позитивное право дает условную, историческую истину правового сознания, ограничивает его способности. В этой ориентации русские мыслители видели опасность для юридической науки в целом, которая может привести ее к банкротству³⁸.

Понимание, способности правового сознания ограничиваются господствующим способом получения знания о явлениях настоящего и прошлого его бытия. Они ограничиваются кажущейся очевидностью значения термина «правосознание», его отождествлением с юридическим сознанием. Есть позитивное право, известно кем созданное, где содержащееся есть мысль о нем. Между тем мысль, являющаяся формой психической деятельности, способ возникновения и движения ее от восприятия права-закона, представления о нем, понятия, являющегося рациональной формой отражения его, вряд ли можно ото-

³⁴ Этот вопрос все чаще ставят современные исследователи: Нерсесянц В.С. Наш путь к праву. От социализма к цивилизму. М., 1992. С. 286; Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. Саратов, 1994; Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999; Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России. Введение в общую теорию. Саратов, 2001; Цыбулевская О.И. Нравственные основания современного российского права. Саратов, 2004; Мордовцев А.Ю., Попов В.В. Российский правовой менталитет. Ростов-на-Дону, 2007 и др.

³⁵ Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999. С. 149.

³⁶ Мальцев Г.В. Развитие права: к единению с разумом и наукой. М., 2005. С. 73, 78.

³⁷ Характеризуя сущность права, О.Э. Лейст ставил вопрос об ограниченности предмета при безграничности объекта в пространстве и времени (Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 12).

³⁸ Гамбаров Ю. С. Задачи современного правоведения. СПб., 1907. С. 42.

ждествлять с правовым сознанием в целом. Многие мыслители сомневались в полноте чувственной формы, подчеркивая ее ограниченность. И. Кант писал: то, что может существовать как представление раньше всякого акта мышления, есть форма созерцания, которое осуществляется в душе, является способом ее воздействия на себя своей деятельностью – внутренним чувством. Все, что представляется посредством чувства, есть явление. Всякое созерцание есть только представление о явлении, и созерцаемые вещи сами по себе не таковы, как мы их созерцаем. Каковы предметы сами по себе и обособленно от этой восприимчивости нашей чувственности, нам совершенно неизвестно. Платон, говорит Кант, покинул чувственно воспринимаемый мир, потому что этот мир ставит узкие рамки рассудку, и отважился пуститься за пределы его на крыльях идей в пространство чистого рассудка. Идея полноты у Канта (для ее выражения он употребляет термин абсолютной целокупности) заложена в разуме независимо от возможности или невозможности сочетать эмпирические понятия адекватно ей³⁹.

Понимание сознания ограничивается ориентацией на рациональный процесс познания, хотя сегодня даже психологи признают, что не только рациональным процессом является мышление и не столь уж рационально сознание. Утверждается, что сознание есть нечто такое, о чем мы как люди знаем все, а как ученые не знаем ничего и что сама суть сознания остается глубочайшей тайной⁴⁰.

Применительно к юридической сфере 70-х годов прошлого столетия говорилось о том, что не изученным было понятие правовой психологии, неясным оставалось содержание понятия «знание права»⁴¹. Эта ситуация сохраняется и сегодня, до сих пор неясно содержание понятия правового сознания.

Сегодня предпринимаются различные попытки уйти от ограниченного понимания правового сознания. В.М. Сырых, например, видит расширение границ в ориентации пра-

вового сознания на государство⁴². Он говорит, что правосознание отражает не только законодательство и содержащиеся в нем нормы. Оно отражает деятельность компетентных органов государства, направленную на подготовку, принятие нормативно-правовых актов, на реализацию норм права, на борьбу с правонарушениями⁴³.

Представляется, что ограниченность в понимании правового сознания связана с тем, что не учитывается вся сложность окружающего мира, в условиях которого оно существует, роль открытий в естественных науках, а также – закономерности его собственного бытия, элементного состава, строения, функционирования⁴⁴.

В соответствии с моделью классической физики, Вселенная рассматривалась как состоящая из плотной материи, основу которой образуют неделимые атомы, существующие в трехмерном пространстве. Считалось, что материальные объекты делятся на вещество и силовое поле, обладающие энергией, что вещество обладает корпускулярностью, дискретностью, инертной массой и электрическим зарядом. В каждый момент времени тело пребывает в строго определенном состоянии, и две вещественные частицы не могут находиться одновременно в одном месте. Дальнейшее изменение тела, эволюция материи осуществляется непрерывно, от прошлого к настоящему, от него – к будущему. Согласно этой модели в сознании виделся результат поступательного развития материи.

Исследования XX в. привели к открытию новых свойств материи, к иному пониманию реальности. Выяснилось, что атомы состоят из более мелких элементарных частиц – электронов, протонов, нейтронов. Было открыто огромное количество этих частиц и их свойство волнового характера. Установлено, что отрицательно заряженные электроны, элементы частиц, вращающиеся вокруг положительно заряженного ядра атома, излучают фотоны. Это

³⁹ Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 36, 61–68, 91, 258, 262, 263.

⁴⁰ Мамардашвили М.К. Необходимость себя. М., 1996; Аллахвердов В.М., Воскресенская Е.Ю., Науменко О.В. Сознание и когнитивное бессознательное // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2008. № 2. С. 10–19; Аллахвердов В.М. Симфоническая мощь сознания // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2008. № 3. С. 4–7.

⁴¹ Сырых В.М. Логические основания общей теории права. В двух томах. Том 1. Элементный состав. М., 2000. С. 343.

⁴² Соколова Н.С. Правосознание, правовая культура и правовое воспитание: Проблемы общей теории права и государства / под ред. В.С. Нерсисянца. М., 1999. С. 384.

⁴³ Сырых В.М. Теория государства и права. М., 1998. С. 115. Характеристику практики см. также: Сырых В.М. История и методология юридической науки. М., 2012. С. 37–41.

⁴⁴ Философский анализ особенностей элементов явления и структуры как закона связи элементов содержится в работах В. И. Свидерского (Свидерский В.И., Зобов Р.А. Новые философские аспекты элементно-структурных отношений. Л., 1970. С. 5–21 и др.).

излучение не непрерывно, оно осуществляется определенными дискретными порциями излучения – квантами. Была положена основа квантовой механики⁴⁵. Физическим основанием квантовой механики признан корпускулярно-волновой принцип, который позволил отказаться от детерминированности движения, совместить волновые и корпускулярные свойства материи, установить, что пространство не трехмерно, а время не линейно, что Вселенная есть одно, непрерывное поле переменной плотности.

Позже физиками было установлено, что вещество и поле – суть одно и то же. Вещество (корпускулярная форма материи) есть конденсированная форма поля. Частицы (корпускулы) это сгустки поля, волновые объекты. Поэтому два различных объекта могут занимать одновременно одно и то же место в пространстве, если они (или один из них) имеют полевую (волновую) природу. Это привело к выводу о том, что все частицы, имеющие полевую природу, взаимодействуют между собой, имеют информационные отношения⁴⁶.

С 1947 г. выдвигаются идеи, формируются теории, положившие начало голографическому рассмотрению реальности, согласно которому каждая частица содержит информацию о целом, отражает суть Вселенной (Денис Гарбор, Дэвид Бом, Карл Прибрам). На их основе утверждается, что мозг – голограмма, сознание – неотъемлемое качество Вселенной (Тиллер, физик – «Наука и трансформация человека»; Кен Вилбер, философ – «Трансформация сознания»; Дэвид Бом, физик, философ – «Квантовая теория»; Джон Кехо, писатель – «Подсознание может все»).

⁴⁵ Первые квантовые представления были изложены в 1900 г. М. Планком при объяснении тепловых излучений черного тела. Высказано предположение, что свет излучается не непрерывно (как следует из классической теории излучения), а определенными дискретными порциями излучения – квантами. Эти представления получили развитие во взглядах Никольсона, Бора и др.

⁴⁶ Ильянюк А. Квантовая астрономия. М., 2003; Кацман А. Этериальный мир; Менский М.Б. Концепция сознания в контексте квантовой механики // УФН. 2005. № 4; Менский М.Б. Странности квантового мира и тайна сознания // Физика. 2007. № 20; Мозговой А. Доказательство существования души и нематериальности сознания. М., 2011; Моисеев В.И. Квантовая модель сознания. М., 2004; Околотин В.С. Корпускулярная концепция полевых взаимодействий. Материалы Международной конференции «Проблемы пространства и времени в современном естествознании». Сер. «Проблемы исследования Вселенной». Вып. 15. СПб., 1991; Юзвизин И. Информациология. М., 1996; Хазен А.М. Разум природы и разум человека. М., 2000.

Дэвид Бом – физик-теоретик, ученик Энштейна ставит вопрос о квантовой взаимосвязанности, которая позволяет считать, что индивиды взаимосвязаны не в результате непосредственного общения и влияния друг на друга, а в силу того, что они подвергаются влиянию общих фундаментальных физических законов. Каждый пространственно-временной участок воспринимаемого нами мира, говорит он, содержит полную информацию о структуре Вселенной и включает в себя прошлое, настоящее и будущее. Сознание у него является более тонкой материей, влияющей на бытие в целом, информация о котором содержится в каждой составляющей и воздействует на все его составляющие⁴⁷.

На целостное восприятие мира нацеливает открытый в 1955 году академиком П.К. Анохиным в высшей нервной системе «акцептор действия», который получил название «опережающего отражения». По мнению автора, оно осуществляется специфическим нейрофизиологическим механизмом, действующим в соответствии со способностью живой материи к самоорганизации, к управлению своим электромагнитным полем. Суть опережающего отражения в том, что совершению любого действия должно предшествовать предвидение его последствий, психологической основой которого является установка на будущее⁴⁸.

Изучение волновой генетики⁴⁹, эксперименты с микролептонными полями⁵⁰ привели к выводу о том, что сознание, обладающее голографической структурой, воздействует на материальный мир, оно способно влиять на ДНК и изменять ее структуру. Они привели к открытию микролептонных полей, состоящих из сверхлегких частиц, которые взаимодействуют с другими полями, живыми организмами, веществами и несут информацию, не знающую физических преград.

Математик и философ А. Н. Паршин, анализируя теорему Гёделя⁵¹, показал значение ее

⁴⁷ Бом Дэвид. ru.science.wikia.com/wiki; Кехо Джон. Psyday.ru/2010/04/podsoznanie-mozhet-vse-dzhon-kexo.

⁴⁸ Анохин П.К. Избранные труды. Кибернетика информационных систем. М., 1998.

⁴⁹ Оно осуществлялось Петром Петровичем Горяевым, доктором биологических наук, Алексеем Николаевичем Паршиным, доктором физико-математических наук и др.

⁵⁰ Они проводились Кирой Валентиновной Асиповой, медиком, Анатолием Федоровичем Охатриным, доктором технических наук, академиком, членом РАЕН и др.

⁵¹ Курт Гёдель (1906–1978) – австрийский математик в 1931 году доказал существование высказываний, не выводимых дедуктивным путем из аксиом математики.

не только для математики, но и для всей человеческой культуры. В его представлении эта теорема нарушает уверенность во всеохватывающем характере формального мышления, показывает не просто ограниченность логических средств, но говорит о каком-то глубинном свойстве мышления и, может быть, жизни вообще⁵².

В 1982 г. группой исследователей Парижского университета было обнаружено, что элементарные частицы, например электрон, в определенных условиях способны мгновенно сообщаться друг с другом, независимо от расстояния.

Открытия квантовой теории, голографического состояния Вселенной, всепроникающего информационного поля, микролептонных полей, закона сохранения информации существенно меняют взгляд на материальный мир, на Вселенную. Они позволяют рассматривать материю как равнозначную и взаимозаменяемую с энергией, информацией, Вселенную – как сложную систему колебательных процессов. Они меняют взгляд на возникновение жизни, сознания, правового сознания в частности, на их понимание и законные основания. Они дают основание говорить о том, что жизнь пришла из космоса вместе с информацией, позволяют утверждать, что только небольшая часть реальности подлежит непосредственному наблюдению, рациональному анализу, понятийному мышлению.

Дэвид Бом предположил, что мир, воспринимаемый нами посредством органов чувств, представляет собой лишь крошечный фрагмент реальности. Что любое восприятие, познание реальности, включая научную работу, не есть объективное воссоздание ее, а скорее творческая деятельность, которую можно сравнить с художественным выражением⁵³.

Эти открытия привели к выводу о том, что сознание не сводится к деятельности мозга, излучения которого имеют не только электромагнитный, но и некий иной характер, что человек есть часть информационного поля⁵⁴, его

мозг имеет информационно-кодovou структуру⁵⁵, а сознание является энергией в тончайшей форме.

Сознание и психика человека, по мнению Станислава Грофа, есть выражение и отражение космического разума, пронизывающего всю Вселенную и все сущее. «Мы не просто высокоразвитые животные со встроенными в черепа биологическими компьютерами, говорит он, мы еще и беспредельные поля сознания, превосходящие время, пространство, материю и линейную причинность»⁵⁶.

Новейшие открытия позволяют видеть в правовом сознании нечто большее, чем только продукт отражения закономерностей исторического развития ограниченных, дискретных государственно-правовых явлений, которые, согласно сложившимся представлениям, определяют характер юридического мышления⁵⁷. Они позволяют говорить о сложном взаимодействии правового сознания с государственно-правовой действительностью, являющейся частью материального мира. Они позволяют видеть в правовом сознании не только способность отражать настоящее, воспроизводить в памяти прошлое, но и предвидеть будущее.

На основе квантовой теории утверждается, что способность предвидеть и моделировать будущее в определенной степени заложена в каждом живом организме, без нее невозможна сама жизнь, в том числе разумная. Она определяется взаимодействием сознания и мозга человека с информационным полем,

⁵⁵ Президент Международной Академии информатизации И. Юзвизин утверждает, что во Вселенной все имеет информационно-кодovou основу и сотовую структуру. Все тела (органические и неорганические) своими атомами, многочисленными частицами и античастицами, импульсами, излучениями, возбуждениями, световыми, акустическими, электрическими, магнитными полями вплетаются в локализованные или делокализованные, близкие или далекие такие же области аналогичных или других тел, создавая, таким образом, единую корреляционную первооснову природы и общности в целом. Человек является частью этой структуры. Его информационно-кодovou структура (сотовая сеть) своими элементами (атомами, электронами, фотонами и другими частицами или их сетью) взаимодействует с атомами, электронами, нейтрино, другими частицами и античастицами близлежащих слоев среды обитания человека и далеких сред пространства Вселенной (Юзвизин И. Информациология. М., 1996).

⁵⁶ Гроф Станислав. Холотропное сознание. М., 2002. С. 29.

⁵⁷ Каждой эпохе присуща некая общая форма мышления. В ней можно обнаружить глубокое космическое воззрение, неявно понимаемое (Уайтхед А.Н. Приключение идей. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 401).

Позже было установлено, что выводимые высказывания составляют лишь малую часть всех высказываний.

⁵² Паршин А.Н. Путь. Математика и другие миры. М., 2002. С. 70–71.

⁵³ Цит. по: Гроф Станислав. Холотропное сознание. М., 2002. С. 20.

⁵⁴ Гераклит говорил о том, что человеческая душа, носитель жизни и знания, есть часть космического огня, являющегося живой душой Вселенной, что качество души человека, представленной частицами космического огня, определяет степень его познавательной способности и уровень знания (Кессиди Ф. Гераклит. СПб., 2004. С. 132–144).

из которого идут какие-то сигналы, пока не зарегистрированные физическими приборами.

Степень и скорость восприятия этих сигналов у разных людей различна. Но в целом для процессов, происходящих в сознании, имеющих чрезвычайную подвижность, нет ограничений: в одно мгновение мысль может перенестись из настоящего в прошлое и будущее, в любую точку пространства, создать модель того или иного объекта, комбинацию его взаимодействий. А обострение восприятия информационного излучения мозга в очень узком информационном диапазоне, максимальная концентрация его, по мнению П.К. Анохина, открывают возможность считывать информацию⁵⁸.

Все изложенное позволяет сделать следующие выводы:

- законы квантовой механики, голографического состояния Вселенной, информационного и микролептонного полей, сохранения информации-энергии, законы духовного бытия выступают наиболее фундаментальной основой сознания вообще, правового сознания, в частности, и его взаимодействия с государственно-правовыми явлениями;
- государственно-правовые явления, как составная часть материального мира, признанного, согласно этим законам, наи-

менее фундаментальной областью бытия, находятся на более низком уровне, они вторичны по отношению к правовому сознанию;

- о необходимости признания юридической наукой и практикой самого правового сознания как тончайшей энергии, информации, как полевой структуры.

Такой подход к правовому сознанию меняет сложившиеся представления о нем. Он должен привести к принципиально иному, более глубокому, целостному пониманию правового сознания и активному использованию его в постановке и решении государственно-правовых задач. Признание иной природы, состояния, определяющей роли правового сознания должно послужить основой понимания того, что без качественного изменения правового сознания невозможны никакие преобразования общества, государства, права.

Это определяет первостепенную значимость совершенствования правового сознания, которое, будучи включенным в информационное, энергетическое поле, может возрастать от локального до глобального, универсального состояния сознания и качественно влиять на современную государственно-правовую жизнь, на ее будущее состояние.

Библиография:

1. Анохин П.К. Избранные труды. Кибернетика информационных систем. – М., 1998.
2. Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России. Введение в общую теорию. – Саратов, 2001.
3. Бергсон А. Творческая эволюция // Творческая эволюция. Материя и память. – Минск, 1999.
4. Гамбаров Ю.С. Задачи современного правоведения. – СПб., 1907.
5. Гроф Станислав. Холотропное сознание. – М., 2002.
6. Древнекитайская философия. – М., 1972.
7. Иларион. Слово о Законе и Благодати. – М., 1994.
8. Исаев И.А. Метафизика власти и закона. – М., 1998.
9. Исаев И.А. Власть и закон в контексте иррационального. – М., 2006.
10. Кант И. Критика чистого разума. М., 1994.
11. Кессиди Ф. Гераклит. – СПб., 2004.
12. Ковлер А.И. Антропология права. – М., 2002.
13. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М., 1999.
14. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. – М., 2002.
15. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. – М., 1999.
16. Мальцев Г.В. Развитие права: к единению с разумом и наукой. – М., 2005.
17. Мамардашвили М.К. Необходимость себя. – М., 1996.
18. Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права (право). Учебник в 2 томах. Т. 2. – М., 2007.
19. Моисеев В.И. Квантовая модель сознания. – М., 2004.

⁵⁸ Анохин П.К. Избранные труды. Кибернетика информационных систем. М., 1998.

20. Мордовцев А.Ю. Национальный правовой менталитет. Введение в проблему. – Ростов-на-Дону, 2002.
21. Овчинников А.И. Правовое мышление: теоретико-методологический анализ. – Ростов-на-Дону, 2003.
22. Околотин В.С. Корпускулярная концепция полевых взаимодействий: материалы Международной конференции «Проблемы пространства и времени в современном естествознании». Сер. «Проблемы исследования Вселенной». Вып. 15. – СПб., 1991.
23. Папаян Р.А. Христианские корни современного права. – М., 2002.
24. Паршин А.Н. Путь. Материальный и другие миры. – М., 2002.
25. Платон. Кратил. Собр. соч. в четырех томах. Т. 1. – М., 1990.
26. Платон. Законы. Собр. соч. в трех томах. Т. 3. Ч. 2. – М., 1972.
27. Поляков А.В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. – СПб., 2002.
28. Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. – М., 2002.
29. Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. II. Кн. I. Войны и мировые договоры. Справочник. – М., 1995.
30. Самоквасов Д.Я. Курс истории русского права. – М., 1908.
31. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. – Саратов, 1994.
32. Сырых В.М. Логические основания общей теории права. В двух томах. Том 1. Элементный состав. – М., 2000.
33. Сырых В.М. История и методология юридической науки. – М., 2012.
34. Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. – М., 2003.
35. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни // Избранные произведения. – Ростов-на-Дону, 1998.
36. Франк С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. – СПб., 1995.
37. Хайдеггер М. Время и бытие. – Харьков, 2003.
38. Цыбулевская О.И. Нравственные основания современного российского права. – Саратов, 2004.
39. Юзвшин И. Информациология. – М., 1996.
40. Юсов П.А. Содержание и смысл права. – Южно-Сахалинск, 2001.

References:

1. Anokhin P.K. Izbrannye trudy. Kibernetika informatsionnykh sistem. – М., 1998.
2. Bainiyazov R.S. Pravosoznanie i pravovoi mentalitet v Rossii. Vvedenie v obshchuyu teoriyu. – Saratov, 2001.
3. Bergson A. Tvorcheskaya evolyutsiya //Tvorcheskaya evolyutsiya. Materiya i pamyat'. – Minsk, 1999.
4. Gambarov Yu.S. Zadachi sovremennogo pravovedeniya. – SPb., 1907.
5. Grof Stanislav. Kholotropnoe soznanie. – М., 2002.
6. Drevnekitaiskaya filosofiya. – М., 1972.
7. Ilarion. Slovo o Zakone i Blagodati. – М., 1994.
8. Isaev I.A. Metafizika vlasti i zakona. – М., 1998.
9. Isaev I.A. Vlast' i zakon v kontekste irratsional'nogo. – М., 2006.
10. Kant I. Kritika chistogo razuma. – М., 1994.
11. Kessidi F. Geraklit. – SPb., 2004.
12. Kovler A.I. Antropologiya prava. – М., 2002.
13. Levi-Bryul' L. Sverkh'estestvennoe v pervobytnom myshlenii. – М., 1999.
14. Leist O.E. Sushchnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava. – М., 2002.
15. Mal'tsev G.V. Ponimanie prava. Podkhody i problemy. – М., 1999.
16. Mal'tsev G.V. Razvitie prava: k edineniyu s razumom i naukoj. – М., 2005.
17. Mamardashvili M.K. Neobkhdimost' sebya. – М., 1996.
18. Marchenko M.N. Problemy obshchei teorii gosudarstva i prava (pravo). Uchebnik v 2 tomakh. Т. 2. – М., 2007.
19. Moiseev V.I. Kvantovaya model' soznaniya. – М., 2004.
20. Mordovtsev A.Yu. Natsional'nyi pravovoi mentalitet. Vvedenie v problemu. – Rostov-na-Donu, 2002.

21. Ovchinnikov A.I. Pravovoe myshlenie: teoretiko-metodologicheskii analiz. – Rostov-na-Donu, 2003.
22. Okolotin V.S. Korpuskulyarnaya kontseptsiya polevykh vzaimodeistvii. Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii «Problemy prostranstva i vremeni v sovremennom estestvoznanii». Seriya «Problemy issledovaniya Vselennoi», vyp. 15. – SPb., 1991.
23. Papayan R.A. Khristianskie korni sovremennogo prava. – M., 2002.
24. Parshin A.N. Put'. Material'nyi i drugie miry. – M., 2002.
25. Platon. Kratil. Sobr. soch. v chetyrekh tomakh. T. 1. – M., 1990.
26. Platon. Zakony. Sobr. soch. v trekh tomakh. T. 3. Chast' 2. – M., 1972.
27. Polyakov A.V. Obshchaya teoriya prava: fenomenologo-kommunikativnyi podkhod. – SPb., 2002.
28. Popper K.R. Ob"ektivnoe znanie. Evolyutsionnyi podkhod. – M., 2002.
29. Pokhlebkina V.V. Vneshnyaya politika Rusi, Rossii i SSSR za 1000 let v imenakh, datakh, faktakh. Vypusk II. Kn. I. Voiny i mirovye dogovory. Spravochnik. – M., 1995.
30. Samokvasov D.Ya. Kurs istorii russkogo prava. – M., 1908.
31. Sinyukov V.N. Rossiiskaya pravovaya sistema. Vvedenie v obshchuyu teoriyu. – Saratov, 1994.
32. Syrykh V.M. Logicheskie osnovaniya obshchei teorii prava. V dvukh tomakh. T. 1. Elementnyi sostav. – M., 2000.
33. Syrykh V.M. Istoriya i metodologiya yuridicheskoi nauki. – M., 2012.
34. Ter-Akopov A.A. Prestuplenie i problemy nefizicheskoi prichinnosti v ugovornom prave. – M., 2003.
35. Trubetskoi E.N. Smysl zhizni // Izbrannye proizvedeniya. – Rostov-na-Donu, 1998.
36. Frank S.L. Dusha cheloveka. Opyt vvedeniya v filosofskuyu psikhologiyu. – SPb., 1995.
37. Khaidegger M. Vremya i bytie. – Khar'kov, 2003.
38. Tsybulevskaya O.I. Nравstvennye osnovaniya sovremennogo rossiiskogo prava. – Saratov, 2004.
39. Yuzvishin I. Informatsiologiya. – M., 1996.
40. Yusov P.A. Soderzhanie i smysl prava. – Yuzhno-Sakhalinsk, 2001.

Материал поступил в редакцию 27 июня 2013 г.

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Е.А. Мишина*

ХРОНИКА ГРУЗИНСКИХ РЕФОРМ

Аннотация. Статья посвящена ключевым вехам развития Грузии после ее выхода из состава СССР. Последовательно анализируются периоды правления З. Гамсахурдиа, Э. Шеварднадзе и М. Саакашвили. Дается обзор конституционного становления независимого грузинского государства. Основное внимание уделяется грузинским реформам после прихода к власти М. Саакашвили. Подробно рассматриваются этапы реформирования действующей Конституции, анализируются тенденции изменений в балансе ветвей власти. Безусловными успехами стали реформа полиции (милиция советского образца была трансформирована в полицейскую службу, ориентированную на обслуживание населения), реформа ГАИ (вместо которой теперь функционирует патрульная полиция), антикоррупционные преобразования в системе МВД, а также решение проблемы воров в законе, проведенное с активным использованием международного опыта. Результатами реформ стали резкое снижение уровня коррупции, заметное повышение уровня доверия населения к полиции, демократизация политического режима.

Ключевые слова: Гамсахурдиа, Шеварднадзе, Саакашвили, Грузия, политический режим, выборы, независимость, правление, Конституция, конституционная реформа, разделение властей.

DOI: 10.7256/1729-5920.2014.5.10191

Период правления З. Гамсахурдиа

После провозглашения независимости 9 апреля 1991 г. Грузия пережила болезненный период перехода к демократии. Но связанные со стремлением к независимости и последующим ее обретением сложности начались еще до формального выхода Грузии из состава СССР. В первую очередь это касалось резко обострившихся межэтнических конфликтов в автономных республиках Абхазия и Южная Осетия, результатом чего стала так называемая война в Цхинвали, столице Южной Осетии. Осетины требовали республиканского статуса для своего региона и, не найдя понимания и поддержки у властей Грузии, приняли решение бойкотировать выборы в Верховный Совет тогда еще Грузинской ССР. Грузия нанесла ответный удар и аннулировала автономный статус Южной Осетии в декабре 1990 г.

Именно в это время ведущую роль в политике страны вообще и в обострении межэтнических конфликтов в частности начал

играть Звиад Гамсахурдиа. В отличие от подавляющего большинства первых президентов бывших республик СССР, Гамсахурдиа никогда не был коммунистическим руководителем регионального уровня. Напротив, он находился по другую сторону баррикад, был правозащитником и диссидентом и даже отбыл 2-летний срок лишения свободы за публикацию информации о пытках в грузинских следственных изоляторах. Происходивший из кругов грузинской интеллигенции, Гамсахурдиа получил хорошее образование и имел ученую степень доктора филологических наук. Казалось бы, его стремительная карьера на политической арене Грузии в 1990 г. должна была приветствоваться представителями местной интеллектуальной элиты. Но националистические и порой экстремистские высказывания Гамсахурдиа грузинская интеллигенция восприняла крайне негативно. Хорошо известно высказывание великого грузинского философа и мыслителя Мераба Мамардашвили: «Если мой народ выберет Гамсахурдиа, то я буду

© Мишина Екатерина Августовна

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права факультета права национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» [e.mishina@gmail.com]

119017, г. Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17.

против своего народа»¹. Стóбит ли удивляться, что политика, проводившаяся Гамсахурдиа на высоких руководящих постах, ничуть не напоминала реализацию идеи Платона о философе на троне. Гораздо уместнее будет сказать, что деятельность Гамсахурдиа сначала в качестве Председателя Верховного Совета Грузинской ССР, который он возглавил в 1990 г., и затем в качестве Президента Грузии являла собой убедительный пример того, **каким не должен быть** глава молодого независимого государства, испытывающего серьезные экономические трудности и раздираемого межэтническими конфликтами.

Национальные президентские выборы состоялись в мае 1991 г. Избранный в апреле того же года Президентом Грузии на чрезвычайной сессии Верховного Совета, Гамсахурдиа пожелал получить подтверждение своих полномочий от электората. Помимо него, на президентский пост претендовали еще пять кандидатов, в том числе писатель Ираклий Шенгелия и адвокат, выпускник юрфака МГУ им. Ломоносова Картлос Гарибашвили, на жизнь которого было совершено покушение в разгар предвыборной кампании.

Авторитарные методы правления и отсутствие способности к компромиссу, особенно в сфере межэтнических конфликтов, не исчерпывают перечень изъянов управленческого стиля Гамсахурдиа. Неверным шагом стало также игнорирование важности экономических вопросов. Сам президент не слишком хорошо разбирался в экономике; не было экономистов и в его правительстве. В июне 1991 г. в национальной экономике появились первые признаки частного предпринимательства, однако этим инициативы нового правительства и ограничились. Гамсахурдиа предпочел уклониться от таких сложных решений, как либерализация цен и массовая приватизация. Эта стратегия невмешательства лишь ненадолго отсрочила коллапс грузинской экономики.

Уход от решения экономических проблем и эскалация политического конфликта неизбежно вылились в нарастание акций протеста по всей стране. Политические партии одна за другой заявляли о том, что находятся в оппозиции действующему президенту. К декабрю 1991 г. ситуация стала критической; в центре столицы начались беспорядки. Оппозиция сделала несколько попыток инициировать пе-

реговоры, но президент жестко отклонил саму идею компромисса. Точка невозврата была пройдена. В самом начале 1992 г. Гамсахурдиа и некоторые из его приближенных покинули страну.

Период правления Э. Шеварднадзе

С начала 1992 г. Грузией управлял триумvirат, именовавший себя Государственным советом. В его состав входили бывший министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе и два главных политических оппонента свергнутого президента – Тенгиз Китовани и Джаба Иоселиани.

В первые же недели пребывания триумvirата у власти возник вопрос о новой Конституции. При 3. Гамсахурдиа действовала старая, советская Конституция 1978 г., в которую были внесены многочисленные поправки. Но даже для опытного советского аппаратчика Шеварднадзе она стала неприемлемой.

В феврале 1992 г. Национальный конгресс Грузии (орган, сформированный на альтернативных выборах, проведенных оппозицией, которая бойкотировала парламентские выборы 1990 г.) формально провозгласил действующую Конституцию Грузии, принятую 21 февраля 1921 г. Эта Конституция не предусматривала должности президента республики, исполнительную власть согласно ей осуществляло правительство, председатель которого избирался сроком на 1 год. Документ примечателен также тем, что, будучи принят Конституционной ассамблеей в Тбилиси в качестве первой конституции демократической Республики Грузия, он действовал всего лишь несколько дней – до утраты Грузией независимости 25 февраля 1921 г.

В октябре 1992 г. Шеварднадзе был избран председателем недавно сформированного грузинского парламента. Восстанавливать должность президента республики на тот момент сочли нецелесообразным, и парламент наделил Э. Шеварднадзе статусом главы государства в соответствии с Законом о государственной власти от 6 ноября 1992 г. Таким образом, Шеварднадзе возглавил высший орган законодательной власти страны и одновременно с этим стал главой государства; в его руках сосредоточились значительные полномочия. В качестве председателя парламента он обладал правом объявлять регулярные и специальные сессии парламента, председательствовать во время парламентских дебатов, вносить проекты законодательных актов и поправок к Конституции. В качестве главы государства

¹ Цит. по: Маркедонов С.М. Земля и воля Звиада Гамсахурдиа // Институт политического и военного анализа. 2007. 4 апреля.

Э. Шеварднадзе с согласия парламента назначал премьер-министра и вице-премьеров, главу службы разведки и председателя Национального банка Грузии. К компетенции главы государства относилось также назначение военачальников высокого ранга, а также региональных руководителей (мэров и префектов), причем одобрения парламента такие назначения не требовали. Кроме того, Шеварднадзе возглавил такие ключевые ведомства, как Совет по национальной безопасности и обороне и Чрезвычайный экономический совет. В итоге глава государства контролировал всю систему государственной власти.

Вскоре Шеварднадзе стал настойчиво продвигать идею широкомасштабного пересмотра Конституции 1921 г., утверждая, что полная преемственность на данный момент невозможна и отдельные положения Основного закона неприемлемы для начала 1990-х гг.² В марте 1993 г. была создана Конституционная комиссия, перед которой стояла задача разработать новую конституцию. Этот масштабный орган насчитывал 118 членов, председателем был назначен сам Шеварднадзе (что неудивительно). В первую очередь Комиссия организовала дискуссии и семинары для обсуждения идеи разработки новой конституции, параллельно активно привлекались эксперты. Несколько политических партий и экспертов-конституционалистов разработали и представили Комиссии собственные проекты. Итоговая версия была вынесена на рассмотрение парламента, и 24 августа 1995 г., после не слишком существенной корректировки проекта, была принята новая Конституция Грузии.

Существует точка зрения, что эта Конституция в известной степени имела временный характер, в некоторых аспектах сохраняющийся и по сей день. В частности, специалисты из Института имени Макса Планка полагают, что такой вывод можно сделать на основании анализа положений первой и последней глав Конституции, в особенности статей 2, 4 и 108, из которых следует, что Грузия пока находится «в режиме ожидания» полного восстановления суверенитета в масштабе всей страны³. По их мнению, только после этого возможно окончательное формирование парламентской системы, территориальной организации и системы местного самоуправления.

Период правления М. Саакашвили

Конституционная реформа. Первый этап

Первый этап масштабного пересмотра Конституции 1995 г. стартовал в 2004 г. – менее чем через 10 лет после ее принятия. Спусковым механизмом для этого процесса послужила Революция роз в ноябре 2003 г., в результате которой могущественный Шеварднадзе был отстранен от власти, и президентом страны стал Михаил Саакашвили. 6 февраля 2004 г. был принят конституционный закон, внесший значительные изменения в Конституцию. Краеугольным камнем реформы стало включение в Конституцию главы 4-1, определявшей роль правительства и его взаимоотношения с президентом и парламентом. Согласно новой формулировке «Правительство гарантирует осуществление исполнительной власти и проводит внутреннюю и внешнюю политику государства в соответствии с законодательством Грузии». Однако было бы некоторым преувеличением утверждать, что правительство осуществляло свои полномочия независимо: изначальная редакция ст. 69, ч. 2 которой трогательно напоминает ч. 3 ст. 80 Конституции России, гласила, что «Президент Грузии определяет и направляет внутреннюю и внешнюю политику государства». То есть правительство должно было функционировать в тех рамках, которые для него устанавливал президент. Президенту отводилась весьма активная роль в работе правительства: несмотря на то, что формально он не был его главой (эту функцию, в силу ст. 79, исполнял премьер-министр), согласно букве Конституции президент обязан был проводить заседания органа исполнительной власти по важным государственным вопросам и председательствовать на этих заседаниях. Решения, вынесенные на таких заседаниях, облекались в форму президентских актов, а нормы, регулирующие структуру, полномочия и деятельность правительства, должны были в обязательном порядке согласовываться с президентом (ст. 78). Иными словами, президент являлся безусловным лидером кабинета, правительство же было подотчетно как главе государства, так и парламенту.

Назначал правительство также президент, который выбирал кандидата на пост премьер-министра и назначал иных членов правительства. До назначения главы правительства на должность президент должен был провести консультации с руководителями парламентских фракций. Завершив процедуру назна-

² Constitutions of the World, Release 2011-2 issued March 2011. Oceana, New York.

³ Constitutions of the World, Release 2011-2 issued March 2011. Oceana, New York.

чения премьер-министра, президент должен был представить на утверждение парламента список членов кабинета. Если парламент трижды отказывался утвердить представленный список (который, впрочем, не требовал изменений и мог быть вынесен на рассмотрение парламента в первоначальном виде все три раза), президент должен был распустить парламент.

Согласно ст. 81 Конституции, парламент наделялся правом в любой момент выразить недоверие правительству. Обычно в таких случаях правительство обязано уйти в отставку. Но не в грузинской конституционной конструкции образца 2004 г. Согласно ей, президент наделялся правом проигнорировать вотум недоверия парламента и сохранить действующий состав правительства. В такой ситуации парламент мог либо принять тот факт, что правительство в отставку не уходит, либо вторично вынести на голосование вопрос о доверии правительству. Это надлежало сделать в течение 10 дней между 90-м и 100-м днями, следующими за первым вотумом недоверия правительству. Целью этого конституционного положения, по мнению д-ра Райнера Грота⁴ из Института имени Макса Планка, было предоставление парламента возможности «остыть» в течение трех месяцев и взвесить все pro et contra вторичного вынесения вотума недоверия правительству. Тем более что повторное выражение парламентом недоверия исполнительной власти ни в коей мере не налагало на президента обязанность отправить правительство в отставку. Напротив, он может распустить парламент (ст. 81). Только если три пятых от общего числа депутатов парламента примут резолюцию о так называемом безусловном отказе в доверии правительству, президент обязан отправить правительство в отставку.

Конституционная реформа. Второй этап

В 2009 г. начался второй этап пересмотра положений действующей Конституции, в результате приобретший формат конституционной реформы. Для разработки поправок к Конституции была создана специальная конституционная комиссия, в состав которой вошли члены правящей партии, шести оппозиционных режиму М. Саакашвили политических партий, представители неправительственных организаций и академических кругов.

Совместными усилиями был разработан пакет поправок к Основному закону страны. Они были приняты в октябре 2010 г., а вступят в юридическую силу лишь в декабре 2013 г. – после того, как в стране пройдут президентские и парламентские выборы. Посредством одной из поправок в Конституцию Грузии была включена новая глава, VII-1 «Местное самоуправление». В ней устанавливается, в частности, что правила создания и деятельности представительных и исполнительных органов местного самоуправления (МСУ), правила создания местных самоуправляемых образований и аннулирования их полномочий, равно как правила пересмотра их административных границ, определяются Органическим законом. Исполнительные органы МСУ должны быть подотчетны местным представительным органам. Представительный орган МСУ – городской совет (сакребуло) – избирается грузинскими гражданами, зарегистрированными в данном самоуправляемом образовании, на основе прямого, всеобщего, равного и тайного голосования. Местные самоуправляемые образования обладают как собственными, так и делегированными правами и компетенцией, основные принципы которых должны быть определены в Органическом законе, при этом компетенция местного самоуправляемого образования, установленная в Органическом законе, является исключительной. Новая глава определяет, что органы государственной власти могут делегировать свои права и полномочия самоуправляемому образованию на основании законодательного акта либо соглашения, при этом делегирование в обязательном порядке должно сопровождаться передачей соответствующих материальных и финансовых ресурсов, размер которых определяется законом. В ней содержатся и такие важные положения, как гарантия обязательности исполнения решений, принимаемых самоуправляемыми образованиями в рамках их компетенции, на их территории, и требование осуществления контроля государства за деятельностью самоуправляемых образований в рамках предусмотренной законом процедуры. Часть 3 ст. 101-3 устанавливает, что государственный контроль должен быть пропорционален его целям.

Лейтмотивом конституционной реформы 2010 г. безусловно является ограничение власти президента и значительное усиление полномочий премьер-министра и правительства. Согласно ст. 78 правительство становится высшим органом исполнительной власти, который определяет внутреннюю и внешнюю

⁴ Constitutions of the World, Release 2011-2 issued March 2011. Oceana, New York.

политику государства; правительство более не подотчетно президенту, только парламенту (новый п. 1 ст. 78). Часть 5 ст. 79 закрепляет, что для назначения и освобождения от должности членов правительства премьер-министру не требуется согласие президента. Новые пункты ст. 69 определяют конституционный статус президента следующим образом: «1. Президент Грузии является главой государства Грузии, гарантом национальной независимости и единства страны. Президент Грузии обеспечивает надлежащее функционирование государственных органов посредством осуществления полномочий, отведенных ему Конституцией. 2. Президент Грузии является Главнокомандующим Вооруженных сил страны. 3. Президент Грузии представляет Грузию в международных отношениях». Отменяется изначальная редакция уже упоминавшейся выше ч. 2 ст. 69, предоставлявшая президенту полномочия определять и направлять внутреннюю и внешнюю политику государства. Новая редакция ст. 72 запрещает президенту занимать какие-либо должности в политических партиях.

Еще одним проявлением конституционного ограничения власти президента стало введение института контрасигнатуры. В силу новой редакции ст. 73-1 контрассигнации премьер-министром подлежат правовые акты президента, за исключением изданных в период военного положения. Приказ президента не требует контрасигнатуры, кроме случаев, прямо предусмотренных Конституцией.

Контрасигнатура не нужна для правовых актов, регулирующих следующие сферы:

- назначение выборов и роспуск парламента в соответствии со ст. 80, созыв первого заседания вновь избранного парламента, созыв специальных заседаний или сессий парламента;
- подписание законов и их промульгация, а также возвращение законопроектов с предложенными поправками в парламента;
- назначение, представление и освобождение от должности государственных должностных лиц в случаях, определенных Конституцией;
- обращения в суды или Конституционный суд;
- назначение кандидата на должность премьер-министра и назначение премьер-министра;
- направление требования правительству о временном продлении его полномочий в соответствии с § 1 ст. 80 Конституции;

- награждение государственными наградами и специальными званиями;
- предоставление и лишение гражданства;
- требование созыва заседания правительства в соответствии с процедурой, определенной § 4 ст. 78;
- деятельность Администрации Президента и Национального совета по безопасности;
- объявление и прекращение военного положения;
- помилование осужденных;
- дача согласия в случаях, предусмотренных § 4 ст. 93⁵.

Существенно сузились полномочия президента и в сфере проведения заседаний правительства. До конституционной реформы 2010 г., как уже упоминалось, согласно п. 4 ст. 78, президенту вменялось проводить заседания правительства по вопросам исключительной государственной важности и председательствовать на них. Согласно новой редакции данного пункта «Президент Грузии вправе потребовать обсуждения конкретных вопросов на заседаниях Правительства и участвовать в обсуждении этих вопросов на заседаниях Правительства с участием Секретаря и иных членов Национального совета по безопасности». Новый пункт 2 в ст. 76 методом исключения определяет, какими именно полномочиями не обладает лицо, исполняющее обязанности президента страны. Особо оговаривается невозможность роспуска парламента.

Конституционная реформа 2010 г. преобразила формулировки ст. 80. В первую очередь изменения затронули процедуру определения кандидатуры на пост премьер-министра. Если ранее кандидата выбирал президент по результатам консультаций с парламентскими фракциями, теперь он лишь утверждает кандидатуру, представленную парламентской фракцией, получившей наилучшие результаты на последних парламентских выборах. Согласие президента для назначения кандидатов на министерские должности уже не требуется.

Говорить о результатах конституционной реформы 2010 г. пока преждевременно. Но уже вполне осязаемы ошеломительные результаты реформ команды М. Саакашвили в сфере борьбы с коррупцией и реформирования милиции. И поражают не только результаты, но и головокружительная быстрота, с которой они были достигнуты.

⁵ Ст. 73-1 Конституции Грузии.

Реформа полиции

Коррупционированность грузинской милиции советского образца была притчей во языцех и дала пищу для многих анекдотов. Коррупция, вошедшая в плоть и кровь грузинских милиционеров и гаишников, сочеталась с высочайшей степенью криминализованности этих структур⁶. Когда пришедший к власти Саакашвили назвал реформу полиции и борьбу с коррупцией в качестве первоочередных и важнейших задач внутренней политики страны, вероятность успешного исхода этого начинания представлялась весьма призрачной⁷.

К числу наиболее сложных проблем, с которыми сразу же пришлось столкнуться реформаторам, следует отнести масштаб коррупции в органах милиции. За время правления Шеварднадзе между властью и милицией возникла некая молчаливая договоренность: милиция активно поддерживала режим Шеварднадзе, за что получала негласный карт-бланш на полную свободу действий, в том числе и явно криминального характера⁸. При этом население воспринимало криминализованность органов милиции и постоянное вымогательство взяток как «норму жизни». Все было организовано по принципу пирамиды: желающие занять должность в органах милиции совершали финансовые вливания в карманы офицеров соответствующего ранга и получали искомую должность; освоившись, «новобранцы» приступали к поборам с населения и мелкого бизнеса, дабы обеспечить возвратность инвестиций в занимаемую должность. Официальная зарплата была весьма эфемерна, выплачивалась от случая к случаю и как источник заработка не рассматривалась вовсе⁹.

Второй весомой проблемой была мощь позиций, которые в грузинском социуме занимали воры в законе (этот феномен существовал в масштабе всего советского государства). В грузинском варианте воры в законе представляли собой высокоорганизованную и дисциплинированную мафию, которая

контролировала настолько широкий спектр государственных органов, что многие искренне полагали, что воры в законе были более сильны и влиятельны, нежели государство как таковое¹⁰.

Третья, и весьма серьезная, проблема заключалась в размере и военизированной природе грузинской милиции, представлявшей собой нереформированный вопиюще советский институт, насчитывающий примерно 50 тысяч хорошо вооруженных людей. Данная задача имела двуединый характер – демилитаризовать милицию и сократить ее численность, чтобы привести ее в соответствие с демократическими стандартами полицейской службы.

После трех вышеперечисленных проблем четвертая вряд ли кого-то удивит: даже на фоне коррупционированной, криминализованной и агрессивной милиции резко выделялась дорожная полиция, она же ГАИ. На момент начала реформ эта структура насчитывала около 15 тысяч сотрудников. Именно в отношении ГАИ было принято беспрецедентное по жесткости и степени риска решение – уволить в полном составе. Поскольку имелась информация о связях подавляющего большинства гаишников с преступным миром, им была предложена своего рода сделка: они тихо покидают свои посты, получив зарплату за два месяца, при этом уголовные дела в отношении них не возбуждаются. Президент полностью взял на себя ответственность за этот рискованный шаг и пообещал в течение месяца создать новую патрульную полицию. Почти три месяца движение на грузинских дорогах никем не регулировалось. Но, вопреки ожиданиям, никакого ужаса и беспредела не произошло. А 15 августа 2004 г. начала функционировать патрульная полиция. Сотрудников нового ведомства, созданного по образу и подобию дорожной службы США, отбирали по конкурсу, предложив им зарплату значительно выше средней по стране – минимум 250 долл.

Создание полиции нового типа было определено в качестве одного из приоритетов правительства М. Саакашвили. Силую структуру, ориентированную на охрану государства, а не на защиту прав и законных интересов граждан, предстояло трансформировать в полицейскую службу, работающую для населения. Кроме того, требовалось обеспечить более высокий профессиональный уровень сотрудников. Кандидаты проходили не очень длительную, но весьма интенсивную

⁶ Slade Gavin. No Country for Made Men: The Decline of the Mafia in Post-Soviet Georgia // Law & Society Review. Vol. 46. № 3 (2012). 624.

⁷ Devlin Matthew. Seizing the Reform Moment: Rebuilding Georgia's Police, 2004–2006, Innovations for Successful Societies, Princeton University (2010).

⁸ The World Bank, Fighting Corruption in Public Services: Chronicling Georgia's Reforms (2012).

⁹ The World Bank, Fighting Corruption in Public Services: Chronicling Georgia's Reforms (2012).

¹⁰ Slade Gavin. Op. cit.

подготовку, с тем чтобы как можно скорее приступить к работе в новом качестве. Тренинги проводились при активном содействии Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Совета Европы и ряда посольств. В 2005 г. начала функционировать Полицейская академия. Полицейские нового образца также стали получать гораздо более высокую зарплату, причем не наличными, а посредством перечисления в банк, чтобы минимизировать коррупционные риски.

Создание новой полиции, обеспечение прозрачности ее работы – одна из первоочередных задач реформы, и решена она была буквально. Старые отделения милиции были модернизированы весьма нестандартным образом: двери и стены заменены на стеклянные, что символизировало начало новой эры транспарентности¹¹. По степени психологического воздействия на уставшее от злоупотреблений коррумпированных милиционеров население это не шло ни в какое сравнение с таким способом обновления, как, например, замена униформы (что в Грузии тоже было сделано в рамках реформы). Получив возможность наблюдать со стороны происходящее в полицейских участках, граждане постепенно поверили в реальность перемен и начали менять свое отношение к полиции. Уровень доверия населения медленно, но неуклонно начал расти.

Весьма любопытные данные приводит руководитель Департамента МВД Грузии Шота Утиашвили: «Главным последствием реформ стала реальная борьба с коррупцией в стране. В сфере борьбы со взяточничеством мы предупредили полицейских, что за взятки мы будем их сажать. В итоге только в 2005 г. более 200 сотрудников полиции было посажено за взяточничество. В 2006 г. посажено было еще больше. Только после этого количество полицейских, арестованных за взятки, стало сокращаться.

Второй важный аспект в борьбе с коррупцией заключался в резком повышении зарплат всем сотрудникам МВД. К примеру, в 2004 г. моя зарплата составляла всего 100 лар (около 70 долларов США), а сейчас 2 300 лар (около 1 610 долларов США). То есть моя зарплата за это время выросла в 23 раза. В-третьих, начальники перестали требовать со своих подчиненных дань, часть из которой они раньше оставляли себе, а часть передавали на

верх. Кроме этого, пришлось многих уволить. В частности, если при Шеварднадзе в МВД насчитывалось около 70 тысяч сотрудников, то сейчас в подразделениях полиции и госбезопасности, входящих в состав МВД, насчитывается 16 тысяч сотрудников. На место уволенных брали новых людей – молодых и более мотивированных»¹².

Для решения проблемы воров в законе Грузия пошла по пути применения «наилучших практик» зарубежных стран. В первую очередь было решено изучить итальянский опыт противодействия мафиозным структурам. В течение нескольких месяцев после старта реформы в парламент был внесен пакет законопроектов, при разработке которых, помимо итальянских источников, использовались такие иностранные законодательные акты, как федеральный закон США о подвергающихся рэкету и коррумпированных организациях 1970 г. (RICO), закон Новой Зеландии о притеснениях и криминальных сообществах 1997 г., Акт об уголовном праве Великобритании 1977 г. Для того чтобы мотивировать самих воров в законе и их окружение сотрудничать со следствием, в уголовный процесс Грузии был включен институт сделки о признании вины. Был также произведен ряд изменений в законодательстве, благодаря которым стало возможно содержать воров в законе в местах лишения свободы отдельно от других заключенных. Уже к июню 2006 г. ни одного вора в законе не оставалось на свободе. Это была огромная, быстрая и убедительная победа над организованной преступностью.

Стремительность и жесткость грузинских реформ обеспечили долгосрочные и весьма впечатляющие результаты. Уже в феврале 2007 г. данные социологических опросов показали, что грузины считают реформу полиции основным достижением правительства М. Саакашвили. 66 % респондентов высоко оценили работу реформированной полицейской службы, отметив при этом принципиально иной характер взаимоотношений между населением и полицией нового образца. По данным этих же опросов, сочетание результатов реформы полиции и борьбы с ворами в законе заметно повысило ощущение безопасности у населения страны. Параллельно правительство Саакашвили продолжало проводить курс «нулевой толерантности» по отношению к коррупции и криминалу в полицейской службе. В период между 2004 и 2010 гг. уголовные

¹¹ English Russia, Brand New Georgian Police (2011). URL: <http://englishrussia.com/2011/02/25/brand-new-georgian-police/>.

¹² URL: <http://hvylya.org/reports/28-2011-02-04-12-28-49/9545--q-q-.html>.

дела были возбуждены в отношении 1 064 полицейских, из них только за взяточничество в 2005–2010 гг. к уголовной ответственности было привлечено более 90 полицейских (для сравнения: население страны составляет 4,5 млн человек). Данные международных организаций, включая Transparency International и Freedom House, отражают последовательную положительную динамику показателей страны. Если в 2002 г. в соответствии с Индексом

восприятия коррупции Грузии занимала 85-е место из 105, то в 2012 г. рейтинг Грузии уже 51 из 174. Не менее успешно Грузия продвигается и по пути совершенствования основных демократических институтов. По данным Freedom House, на 2012 г. политический режим Грузии не может быть квалифицирован как авторитарный и является режимом переходного типа. И такие результаты менее чем за 10 лет реформ более чем убедительны.

Библиография:

1. Маркедонов С.М. Земля и воля Звиада Гамсахурдиа // Институт политического и военного анализа. – 2007. – 4 апреля.
2. Буракова Л. Почему у Грузии получилось. – М., 2011.
3. Mishina E. Is Russian police reform Doomed? Lessons from Estonia and Georgia. URL: <http://imrussia.org/en/rule-of-law/214-is-russian-police-reform-doomed-lessons-from-estonia-and-georgia?start=1>.
4. Constitutions of the World, Release 2011-2 issued March 2011. Oceana, New York.
5. Slade Gavin. No Country for Made Men: The Decline of the Mafia in Post-Soviet Georgia // Law & Society Review. Vol. 46, № 3 (2012).
6. Devlin Matthew. Seizing the Reform Moment: Rebuilding Georgia's Police, 2004–2006, Innovations for Successful Societies, Princeton University (2010).
7. The World Bank, Fighting Corruption in Public Services: Chronicling Georgia's Reforms (2012).
8. Lili di Puppo. Police Reform in Georgia: Cracks in an Anti-Corruption Success Story, U4 Practice Insight, Chr. Michelsen Institute, 2010.
9. English Russia, Brand New Georgian Police (2011). URL: <http://englishrussia.com/2011/02/25/brand-new-georgian-police/>.
10. URL: <http://hvylya.org/reports/28-2011-02-04-12-28-49/9545--q-q-.html>

References:

1. Markedonov S. M. Zemlya i volya Zviada Gamsakhurdia // Institut politicheskogo i voennogo analiza, 4 aprelya 2007
2. Burakova L. Pochemu u Gruzii poluchilos'. – M., 2011.
3. Mishina E. Is Russian police reform Doomed? Lessons from Estonia and Georgia. URL: <http://imrussia.org/en/rule-of-law/214-is-russian-police-reform-doomed-lessons-from-estonia-and-georgia?start=1>.
4. Constitutions of the World, Release 2011-2 issued March 2011. Oceana, New York.
5. Slade Gavin. No Country for Made Men: The Decline of the Mafia in Post-Soviet Georgia // Law & Society Review. Vol. 46, № 3 (2012).
6. Devlin Matthew. Seizing the Reform Moment: Rebuilding Georgia's Police, 2004–2006, Innovations for Successful Societies, Princeton University (2010).
7. The World Bank, Fighting Corruption in Public Services: Chronicling Georgia's Reforms (2012)
8. Lili di Puppo. Police Reform in Georgia: Cracks in an Anti-Corruption Success Story, U4 Practice Insight, Chr. Michelsen Institute, 2010.
9. English Russia, Brand New Georgian Police (2011). URL: <http://englishrussia.com/2011/02/25/brand-new-georgian-police/>.
10. URL: <http://hvylya.org/reports/28-2011-02-04-12-28-49/9545--q-q-.html>.

Статья поступила в редакцию 8 ноября 2013 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА

И.О. Краснова*

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Аннотация. Автор раскрывает исторические корни такого правового явления, как экологическая безопасность, определяет проблемы правового регулирования, дает характеристику международно-правовой политике в данной области и ее влиянию на развитие экологического права России в части регулирования отношений экологической безопасности. В статье дана оценка соотношению таких понятий, как промышленная и радиационная безопасность, химическая и биологическая безопасность, экологическая безопасность в чрезвычайных ситуациях. В статье также содержится подробный анализ нормативных правовых актов, регулирующих отношения экологической безопасности, выявлены недостатки правового регулирования. Освещен вопрос о соотношении понятий «охрана окружающей среды» и «экологическая безопасность» в экологическом законодательстве. В итоге автор обосновывает собственное понимание понятия «экологическая безопасность» как наименования института экологического права, определяет его содержание, возможные перспективы его развития.

Ключевые слова: юриспруденция, опасные производственные объекты, радиационная безопасность, экологическая безопасность, чрезвычайные экологические ситуации, охрана окружающей среды, промышленная безопасность, наука экологического права, институт экологической безопасности, генномодифицированные организмы.

DOI: 10.7256/1729-5920.2014.5.9506

1. Проблемы правового регулирования

Сегодня категория «экологическая безопасность» прочно вошла в терминологию экологического права.

В разных контекстах она возникает в Федеральном законе от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»¹. Пreamбула включает обеспечение экологической безопасности в качестве цели и содержания государственной политики в области охраны окружающей среды. В соответствии со ст. 12 пропаганда деятельности в области обеспечения экологической безопасности является правом общественных экологических объединений.

Обеспечение экологической безопасности провозглашается в качестве цели экологического нормирования (ст. 19), экологической сертификации (ст. 31). Она также входит в состав мероприятий, которые обязаны осуществлять субъекты хозяйственной деятельности (ст. 34, 35, 40, 44, 48 и т.д.).

Обеспечение экологической безопасности предусмотрено и другими законами. К примеру, Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе»² в качестве принципа экологической экспертизы предусматривает обязательный учет требований экологической безопасности при проведении экологической экспертизы. Однако уста-

¹ СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

² СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4556.

новить суть этих требований не удастся, так как в самом законе нет ни отсылочных норм, ни расшифровки этих требований.

Без детализации экологическая безопасность упоминается в контексте обязанности ее обеспечения при эксплуатации железнодорожного транспорта, внутреннего водного транспорта, объектов топливно-энергетического комплекса.

Наконец, Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности»³ в качестве предмета своего регулирования называет экологическую безопасность наряду с обеспечением безопасности в других сферах жизни.

Помимо этого, экологическая безопасность как цель и направление деятельности включена в ряд политических документов – стратегии развития регионов, развития энергетики.

Однако можно ли считать, что уровень и качество правового регулирования отношений в области экологической безопасности являются достаточными? Изучение законодательных положений заставляет думать о том, что законодатель пользуется этим термином хаотично, не имея единого представления ни о содержании, ни о смысле правовой категории экологической безопасности.

Нередко меры обеспечения экологической безопасности в разных сферах выборочно воспроизводят общие требования охраны окружающей среды, закрепленные в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» и других экологических законах, называя их, однако, мерами обеспечения экологической безопасности.

К примеру, Кодекс внутреннего водного транспорта РФ⁴ в ст. 39 «Обязанности судовладельцев по охране окружающей среды» на самом деле устанавливает обязанности судовладельцев по обеспечению экологической безопасности, а не охраны окружающей среды, вероятно имея в виду, что данные категории являются синонимами. Здесь предусмотрено, что обеспечение экологической безопасности является обязанностью судовладельцев, которая включает принятие мер по предотвращению загрязнения с судов различными отходами, в том числе нефтью и другими вредными веществами, а также ликвидации последствий такого загрязнения. При этом предотвращение загрязнения является общей мерой и требованием в области охраны окружающей среды в соответствии с Законом «Об охране окружающей среды».

Федеральный закон от 10.01.2003 № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации»⁵, возложив обязанность по обеспечению экологической безопасности на различные железнодорожные организации, вообще не разъясняет суть таких работ.

Законодательство об автомобильном транспорте почему-то не пользуется этим термином, хотя автомобильный транспорт является источником повышенной опасности и экологические проблемы, вызываемые эксплуатацией автомобильного транспорта и транспортной инфраструктуры, не менее серьезны и опасны.

Ни как цель, ни как принцип правового регулирования, ни тем более как система правовых мер обеспечение экологической безопасности не упоминается в законодательстве, устанавливающим порядок эксплуатации опасных производственных объектов, источников радиационного излучения, обращения с опасными химическими и биологическими веществами, хотя именно такая деятельность связана с созданием высоких рисков причинения экологического вреда, равно как и вреда здоровью и имуществу населения.

Федеральный закон от 10.07.2001 № 92-ФЗ «О специальных экологических программах реабилитации радиационно загрязненных участков территории»⁶ в ст. 5 «Обеспечение экологической безопасности» включает в содержание этого понятия требование о наличии положительного заключения государственной экологической экспертизы для проекта внешнеторговой сделки по ввозу в РФ тепловыделяющих сборок атомных реакторов и предусматривает установление ежегодного лимита на такой ввоз. Известно, что экологическая экспертиза является одной из мер охраны окружающей среды, а не специально обеспечения экологической безопасности, хотя и провозглашена в виде принципа ее проведения Федеральным законом «Об экологической экспертизе».

Одной из целей стандартизации согласно Федеральному закону от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании»⁷ является повышение уровня экологической безопасности, а целью принятия технических регламентов, наряду с иными, является охрана окружающей среды, жизни и здоровья животных и растений. Такие формулировки заставляют

⁵ СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 169.

⁶ СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 2947.

⁷ СЗ РФ. 2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5140.

³ СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

⁴ СЗ РФ. 2001. № 11. Ст. 1001.

сделать вывод о том, что смысл понятий «экологическая безопасность» и «охрана окружающей среды» по данному закону различен, хотя ни определений, ни содержания требований в этих сферах не раскрывается. При этом в соответствии с принципами стандартизации стандарты, в отличие от технических регламентов, являются документами добровольного применения, т.е. не обладают обязательной юридической силой. Таким образом, достижение экологической безопасности как цели стандартизации зависит от желания и доброй воли самого производителя продукции и других субъектов этих отношений, и, соответственно, экологическая безопасность становится менее значимой, чем обеспечение охраны окружающей среды.

Для созданной в 2012 г. Президентом РФ Комиссии по вопросам стратегии развития ТЭК и экологической безопасности⁸ были определены задачи, в число которых входит, в частности, рассмотрение нормативных правовых актов по вопросам промышленной безопасности, энергетической безопасности, рациональному использованию и охране недр, а также отдельно экологической безопасности. Можно догадываться, что в последнем случае имеется в виду просто рассмотрение этой Комиссией нормативных правовых актов, устанавливающих для объектов ТЭК требования охраны окружающей среды, поскольку отдельно упоминаются промышленная и энергетическая безопасность. Что остается за пределами этих видов безопасности и может быть отнесено к сфере правового регулирования отношений по экологической безопасности – неясно.

Генеральный план города Москвы⁹ имеет раздел 3.6 «Мероприятия по оптимизации качества окружающей среды и обеспечению социальных гарантий жителям в части экологической безопасности», который содержит перечень таких мероприятий, выборочно воспроизводящий некоторые общие меры охраны окружающей среды. Как и в других случаях, разделить предусмотренные этим документом мероприятия в области охраны окружающей среды и экологической безопасности, невозможно.

⁸ Указ Президента РФ от 15.06.2012 № 859 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам стратегии развития топливно-энергетического комплекса и экологической безопасности» // СЗ РФ. 2012. № 28. Ст. 3879.

⁹ Закон г. Москвы от 05.05.2010 № 17 «О Генеральном плане города Москвы» // Ведомости Московской городской Думы. 2010. № 6. Ст. 137 (без приложения).

Такому бессистемному использованию термина «экологическая безопасность» способствует и сам Закон «Об охране окружающей среды». Надо сказать, что определение понятия «экологическая безопасность» в этом Законе дано, но оно сформулировано настолько абстрактно, что не позволяет из всего многообразия отношений в области охраны окружающей среды выделить отношения именно экологической безопасности, определить особые права и обязанности субъектов, построить эффективный механизм реализации правоотношений, включая меры юридической ответственности. Экологическую безопасность как самостоятельную категорию выделить не удастся.

Экологическая безопасность определена в ст. 1 Закона «Об охране окружающей среды» как состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий. В этом определении отсутствуют критерии оценки состояния защищенности, которые бы позволили в необходимый момент констатировать состояние экологической опасности. Из определения также следует, что достичь и поддерживать такое состояние безопасности можно путем просто надлежащего исполнения экологических требований, т.е. мер охраны окружающей среды в целом, при условии, что такие требования идеально сбалансированы в целой системе права. Кроме того, Закон не содержит ни самостоятельного раздела, ни отдельной статьи, которые бы определяли специальные, дополнительные к иным требованиям в области охраны окружающей среды, требования в области обеспечения экологической безопасности. Все это позволяет констатировать, что экологическая безопасность по замыслу законодателя не имеет самостоятельного значения, не обладает собственным уникальным содержанием, а скорее совпадает с понятием «охрана окружающей среды».

Такая неопределенность понятия «экологическая безопасность», порой смешение его с понятием «охрана окружающей среды» нуждаются в устранении. Свободное жонглирование этими терминами в различных законах засоряет законодательство, создает излишние нормы, исполнение которых по крайней мере непонятно, а в итоге плохо реализуемо, что снижает общую эффективность правовой охраны окружающей среды в условиях экологической опасности.

Вероятно, наиболее простым решением было бы сохранить статус-кво, оставляя законодателю и исполнителю простор для любой конкретизации категории «экологическая безопасность» применительно к тем или иным сферам жизни. Но при такой альтернативе свобода усмотрения государственных органов в отсутствие принципиальной правовой основы понятия экологической безопасности и механизма реализации отношений в этой сфере не позволит создать единую систему регулирования отношений в этой области и в результате будет препятствовать реализации экологического законодательства в целом.

Неприемлемость такой альтернативы подтверждается ясно выраженной политической волей обеспечить экологическую безопасность Российской Федерации, хотя само понятие «экологическая безопасность» в политических актах также выражено нечетко.

Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденные Президентом РФ 30 апреля 2012 г., провозглашают укрепление правопорядка в области экологической безопасности и охраны окружающей среды одной из стратегических целей развития России. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденная Указом Президента РФ от 12.05.2009 № 537¹⁰, экологическую безопасность рассматривает как составную часть национальной безопасности. Примечательно, что в первом документе «экологическая безопасность» и «охрана окружающей среды» являются отдельными, не совпадающими и не поглощающими друг друга понятиями, хотя их содержание не раскрыто. Во втором документе охрана окружающей среды как отдельная сфера национальной безопасности вообще не упоминается, хотя в разделе 8 «Экология живых систем и рациональное природопользование» в число стратегических целей экологической безопасности включено сохранение окружающей среды и обеспечение ее защиты, ликвидация экологических последствий хозяйственной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата. То есть здесь, наоборот, экологическая безопасность как компонент национальной безопасности рассматривается как общее родовое понятие, в содержание которой входит также охрана окружающей среды.

Стратегией развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года, утвержденной Президентом РФ и опубликованной на сайте Правительства РФ 20 февраля 2013 г., обеспечение экологической безопасности объявлено в числе приоритетных направлений развития Арктической зоны. В пункте 16 этого документа дан единый перечень видов деятельности в целях достижения экологической безопасности и одновременно охраны окружающей среды. Он не позволяет разделить мероприятия по охране окружающей среды и мероприятия, направленные на обеспечение экологической безопасности.

В контексте энергетической безопасности в соответствии с Энергетической стратегией России на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ 13.11.2009¹¹, экологическая безопасность функционирования энергетического комплекса рассматривается в качестве одного из главных стратегических ориентиров. Экологическая безопасность здесь включает минимизацию негативного влияния добычи, производства, транспортировки и потребления энергоресурсов на окружающую среду и климат.

Реализация государственной политики по обеспечению экологической безопасности нуждается в адекватном развитии законодательства. Однако какое развитие будет адекватным? Нужно ли идти по пути принятия отдельного закона об экологической безопасности, ограничиться внесением поправок в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» либо вообще отказаться от дальнейшей конкретизации этого термина?

Поиск ответа будет полезно начать с исторических корней.

2. История

Экологическая безопасность как правовая категория – не отечественного происхождения. Впервые этот термин появился в международных отношениях, где экологическая безопасность рассматривалась как фактор обеспечения мира и глобальной безопасности. В 1984 г. на 12-й сессии Совета управляющих ЮНЕП исполнительный директор этой организации в своем заключительном выступлении указал на связь между экологическими проблемами, с одной стороны, и национальной и международной безопасностью – с другой. Он отметил, что глобальной безопасности

¹⁰ СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

¹¹ СЗ РФ. 2009. № 48. Ст. 5836.

угрожает не только сокращение производства продуктов питания, трансграничное загрязнение и даже вооруженные конфликты, но и современная деятельность по социально-экономическому развитию, которая может привести к нехватке и загрязнению важнейших природных ресурсов, что, в свою очередь, может стать причиной международных трений.

7 декабря 1987 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Резолюцию 42/93 «Всеобъемлющая система международного мира и безопасности», в которой подчеркнута, что всеобщая и всеобъемлющая безопасность, которая требует совместных усилий всех без исключения участников международных отношений в имеющих критически важное значение и существенных для международной безопасности и взаимосвязанных областях, включая сохранение окружающей среды. В пункте 10 признано, что «сотрудничество в экологической сфере должно стать неотъемлемой составной частью всеобъемлющей международной безопасности».

Такой же подход к экологической безопасности как возможной причине политической напряженности и военных конфликтов выражен и в докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее»¹². В главе 11 «Мир, безопасность, развитие и окружающая среда» факторами, создающими состояние экологической опасности, названы такие экологические проблемы, как экологическая деградация, истощение ресурсов, необходимых для развития, глобальное потепление. Соответственно, устранение этих источников опасности требует от каждого государства мер по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов. Одновременно средством достижения безопасности в мире является укрепление международного сотрудничества. В Докладе отмечается, что «глобальными общими достояниями человечества невозможно управлять из какого-либо одного национального центра: любое суверенное государство не имеет достаточных возможностей, чтобы эффективно предотвращать угрозу разделяемым границами экосистемам. С угрозами экологической безопасности можно бороться только через совместное управление и многосторонние процедуры и организационные механизмы»¹³. Таким образом, экологическая безопасность в международном контексте, по сути, совпадала с

временным пониманием охраны окружающей среды в России, но обоснованием ее выделения из общего контекста было все же признание экологических проблем как угрозы миру на планете.

Важен и контекст, в котором происходило формирование категории экологической безопасности в международных отношениях и международном экологическом праве. В 80-е гг. на фоне нарастающих проблем загрязнения окружающей среды, истощения природных ресурсов усиливалось ощущение наступления глобального экологического кризиса, катастрофы, способной привести к резкому падению экономики, гибели людей и дестабилизации в мире. Это способствовало тому, что охране окружающей среды в мире стало уделяться особое внимание как средству устранения угрозы экологического кризиса.

В тот период мир потрясли крупные промышленные аварии, повлекшие гибель людей, опасное загрязнение воздуха, воды, продуктов питания. В 1976 г. в городе Севезо (Италия) на химическом предприятии произошел взрыв с выбросом диоксида, в результате загрязнения которым погибли тысячи животных, местные жители получили тяжелые заболевания, а место поражения стало на время непригодным для проживания¹⁴. В 1984 г. произошла крупнейшая по числу жертв (18 тысяч человек) техногенная катастрофа на химическом заводе в городе Бхопал (Индия), производившем инсектициды¹⁵. В 1986 г. уже в СССР, на территории современной Украины, произошла крупнейшая радиационная авария – взрыв энергоблока на Чернобыльской АЭС. В результате погибли и лишились жилища люди, оказались зараженными радионуклидами значительные территории.

Промышленные аварии подтолкнули государство и международное сообщество разработать специальные правовые меры, направленные на предупреждение аварий, устранение их последствий, главным образом в целях защиты окружающей среды и населения от их разрушительных воздействий.

В 1982 г. Советом ЕЭС была принята Директива 82/501/ЕЭС о контроле крупных аварий, связанных с опасными веществами (Севезо), предусматривавшая жесткие меры контроля за деятельностью опасных промышленных предприятий. В целях адаптации

¹⁴ Итальянская Хиросима // Newchemistry. URL: http://www.newchemistry.ru/letter.php?n_id=232.

¹⁵ Бхопальская катастрофа // Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org>.

¹² Наше общее будущее. М.: Прогресс, 1989.

¹³ Наше общее будущее. С. 269.

к меняющимся на территории современного Европейского Союза политическим, экономическим и экологическим условиям данная директива в 1996 г. была принята в новой редакции – Директива 96/82/ЕС (Севезо II), а в 2012 г. заменена Директивой 2012/18/ЕС о контроле крупных аварий, связанных с опасными веществами, изменяющая и впоследствии отменяющая Директиву 96/82/ЕС.

После Чернобыльской катастрофы еще в РСФСР в 1991 г. был принят закон о социальной защите пострадавших граждан.

В 1992 г. заключена Конвенция о трансграничном воздействии промышленных аварий¹⁶, где была предусмотрена система мер безопасной эксплуатации предприятий в целях «предотвращения серьезного вредного воздействия промышленных аварий на людей и окружающую среду». В 1997 г. в России принят Федеральный закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов»¹⁷, в определенной степени заимствовавший положения Директивы Севезо и одновременно нацеленный на исполнение Конвенции о трансграничном воздействии промышленных аварий.

Таким образом, экологическая безопасность приобрела двойное значение. С одной стороны, экологическая безопасность – это, по сути, благоприятное состояние окружающей среды, которое обеспечивается общими мерами охраны окружающей среды, обращенными ко всем субъектам. С другой – это отсутствие риска возникновения опасных нештатных ситуаций на промышленных предприятиях, при осуществлении некоторых видов деятельности, грозящих разрушением экосистем, причинением крупного экологического и имущественного ущерба и, конечно, опасных для жизни и здоровья людей. Соответственно, требования экологической безопасности обращены только к субъектам экологически опасной хозяйственной деятельности.

Эти два направления в развитии экологического права на международном уровне повлияли и на формирование правовой категории экологической безопасности в России, которая сегодня приобрела также двойной смысл.

Впервые экологическая безопасность упоминается еще в постановлении ЦК КПСС и

Совета министров СССР от 07.01.1988 № 32 «О коренной перестройке дела охраны природы в стране», где указано, что «борьба за экологическую безопасность на Земле должна рассматриваться как одна из самых ответственных и благородных задач советских людей»¹⁸.

Затем это понятие появляется в Законе РСФСР от 19.12.1991 № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды»¹⁹, где обеспечение экологической безопасности провозглашается в качестве цели охраны окружающей среды, достижению которой должен способствовать закон. Закон не раскрыл содержания новой правовой категории и не установил требований экологической безопасности, предусмотрев, однако, юридическую ответственность за их нарушение.

Как цель правового регулирования экологических отношений это понятие могло бы, наверно, существовать и далее, но принятие Конституции РФ, ст. 72 которой обеспечение экологической безопасности наряду с охраной окружающей среды включила в сферу совместного ведения Федерации и ее субъектов, потребовало более внимательного отношения к нему.

В этот же период активно развивается законодательство, направленное на решение проблемы техногенных аварий и природных катастроф. В 1994 г. подготовлены концепция и проект закона «Об экологической безопасности», в котором экологическая безопасность понималась как самостоятельная задача и область отношений, связанных с недопущением и реагированием на ситуации «экологической опасности», характеризующиеся вероятностью разрушения, изменения состояния окружающей природной среды под влиянием природных и антропогенных факторов. Таким образом, экологическая безопасность получает новое, более узкое понимание, соответственно требуя развития специального законодательства.

Хотя закон так и не был принят, в последующий период в духе нового подхода принимается ряд действующих ныне законов, устанавливающих требования безопасности к отдельным опасным видам хозяйственной деятельности. Поскольку любая техногенная и природная катастрофа имеет разрушительные последствия для окружающей среды и жизни людей, общие требования безопасности, предъявляемые к соответ-

¹⁶ Бюллетень международных договоров. 2000. № 6. С. 19–46 (Конвенция ратифицирована постановлением Правительства РФ от 04.11.1993 № 1118, вступила в силу для России 19.04.2000).

¹⁷ СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3588.

¹⁸ СП СССР. 1988. № 6. Ст. 14.

¹⁹ Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 10. Ст. 457.

ствующим объектам, стали именоваться в доктрине экологического права экологической безопасностью.

В этой неоднозначной ситуации в системе правового регулирования остается ответить на вопросы – какое место в экологическом законодательстве должны занять отношения экологической безопасности и какого содержания должны быть требования к субъектам этих отношений?

3. Наука

В теории экологического права, которая внимательно анализирует законодательство и тенденции его развития, не утихает дискуссия.

Впервые в 1988 г. к исследованию экологической безопасности обращается известный ученый юрист-эколог профессор О.С. Колбасов в статье «Концепция экологической безопасности (юридический аспект)»²⁰. Экологическая безопасность рассматривается автором как производная категория от международной безопасности. Ее цель – предупредить ослабление положения СССР в мире, которое может быть вызвано резким или даже постепенным ухудшением экологических условий на нашей территории, а также оградить страну, в том числе мерами защиты суверенитета, от внешних экологических дестабилизирующих факторов. Для создания системы экологической безопасности, по мнению О.С. Колбасова, необходимо как развитие международного сотрудничества по охране окружающей среды, так и укрепление экологического правопорядка в целом на территории страны. Хотя автор не выделяет отношения экологической безопасности из общей системы экологических отношений, в статье дан оценочный критерий определения экологической обстановки как экологически опасной. Это – угроза массовой гибели людей. Из чего можно сделать вывод о том, что законодательство об экологической безопасности в системе экологического законодательства должно регулировать отношения по предупреждению экстремальных ситуаций, вызываемых резким ухудшением экологической обстановки и угрожающих жизни людей.

В современной науке сложилось две позиции о месте отношений экологической безопасности в системе российского экологического права. С одной позиции экологическая безопасность рассматривается как деятельность по охране окружающей среды

и рациональному использованию природных ресурсов, т.е. деятельность по реализации общих экологических требований. Существование экологической безопасности как самостоятельной правовой категории отрицается. В частности, А.К. Голиченков определяет экологическую безопасность как «форму экологической деятельности, содержание которой составляют достижение и поддержание такого качества окружающей природной среды, при котором воздействие ее факторов обеспечивает здоровье человека и его плодотворную жизнедеятельность в гармонии с природой, а в практическом смысле – сведение (снижение) до возможно малой вероятности опасности вредного воздействия неблагоприятных факторов окружающей природной среды или вероятности экологических аварий и катастроф с помощью системы адекватных мер экономического, политического организационного, правового и иного характера на здоровье человека и другие объекты экологической безопасности»²¹. Аналогичный смысл в понятие экологической безопасности вкладывает и М.М. Бринчук. Так, обеспечение экологической безопасности – «деятельность по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов, отвечающую интересам сохранения благоприятного состояния окружающей среды, а также по защите экологических прав и законных интересов физических и юридических лиц»²².

Другая позиция, наоборот, исходит из признания экологической безопасности как особой сферы общественных отношений, составляющих предмет отдельного института в системе экологического права. Объектом этих отношений выступает не любая деятельность, а только та, которая обладает высоким риском причинения значительного экологического вреда. Этой точки зрения придерживается Т.В. Петрова, которая отмечает, что «задачи обеспечения экологической безопасности несколько уже, чем задачи охраны окружающей среды, и не связаны с восстановлением природной среды, с обеспечением рационального использования и воспроизводства

²¹ Голиченков А.К. Охрана окружающей среды, обеспечение экологической безопасности, обеспечение рационального использования природных ресурсов: термины, содержание, соотношение // Сборник материалов всероссийских научно-практических конференций «Софрино», 1995–2004. Юбилейный выпуск. М., 2004 Т. 1. С. 125.

²² Бринчук М.М. Роль государства в обеспечении экологической безопасности // Экологическая безопасность, проблемы, поиск, решения. М., 2001. С. 106–119.

²⁰ Советское государство и право. № 12. 1988. С. 47–55.

природных ресурсов. Они в значительной степени сводятся к сохранению такого состояния природной среды, при котором не нарушаются жизненно важные интересы человека, проживающего в этой среде»²³.

Такое узкое понимание категории экологической безопасности поддерживает и Н.Г. Жаворонкова. По ее мнению, «содержание института экологической безопасности не может рассматриваться вне контекста общих требований экологического законодательства, понимаемого достаточно широко и включающего в себя весь спектр нормативных правовых актов, относящихся к проблемам охраны окружающей среды и природопользования.

Экологическое право как отрасль права шире, чем совокупность общественных отношений, составляющих содержание института экологической безопасности, и тем более шире права чрезвычайных ситуаций. Оно включает такие традиционные институты, как право собственности на природные ресурсы, право природопользования, экологическое управление, охрану и использование природных ресурсов (земля, вода, недра, атмосферный воздух и др.). В то же время обеспечение экологической безопасности преследует особые цели и задачи, обусловленные, во-первых, повышенной степенью опасности антропогенной деятельности для окружающей природной среды, жизни и здоровья граждан, во-вторых, чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера. Таким образом, обеспечение экологической безопасности связано с соблюдением экологических требований законодательства в области размещения и эксплуатации хозяйственных и иных объектов, могущих или оказывающих существенное негативное воздействие на окружающую среду, а также обращения с опасными веществами, микроорганизмами, ядерными объектами, объектами генно-инженерной деятельности – т.е. особым предметом правового регулирования, имеющим свою специфику, свой объект, свои особые нормы»²⁴.

Ни одна из предложенных позиций не может быть безоговорочно отвергнута, так как само законодательство подтверждает каждую

из них. Но и сохранять такое положение неразумно, поскольку задача обеспечить экологическую безопасность наряду с охраной окружающей среды остается.

Если попытаться систематизировать уже проделанную титаническую работу наших ученых по этому вопросу, а также действующее законодательство, то можно предложить следующее.

Экологическая безопасность не может быть вычеркнута из системы международного права и должна входить в виде цели международного сотрудничества в области международной безопасности. Концепция национальной безопасности ясно определяет средства и способы решения этой задачи. Но следует исходить из понимания, что экологическая безопасность России – это защита жизненно важных интересов природной среды человека от внешних угроз экологического характера в законодательстве о безопасности страны. Экологическая безопасность становится категорией международного права.

Одновременно существует потребность обеспечить и экологическую безопасность внутри страны, в том числе для укрепления экологической безопасности России в международных отношениях. Эта потребность обусловлена нашими внутренними интересами жить в благоприятных природных условиях и не испытывать чувства опасности от разрушаемой нами природы. В противном случае также возможны крайне негативные экономические, социальные последствия для людей и инфраструктуры, грозящие одновременно ослаблением России как суверенного государства. В этом смысле экологическую безопасность следует рассматривать как принцип развития экологического законодательства в целом.

Реализация этого принципа, однако, должна быть облачена в ясно выраженные юридические формы. Все же само слово «опасность» заставляет из всех видов деятельности выделить именно те, которые несут в себе риск наступления событий, «угрожающих жизни и имуществу человека, его правам и интересам»²⁵. При этом нужно исходить из того, что состояние безопасности не может быть застывшим и единожды достигнутым. Наоборот – это динамичный баланс между масштабами и темпами социально-экономического развития и мерами предотвращения опасной деградации окружающей среды. Поддерживать такой баланс

²³ Петрова Т.В. Техническое регулирование как часть системы правового регулирования отношений в сфере охраны окружающей среды // Экологическое право. Специальный выпуск. 2005. № 1. С. 79.

²⁴ Жаворонкова Н.Г. Эколого-правовые проблемы обеспечения безопасности при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера : дис. ... д-ра юрид.-наук. М., 2007. С. 83–84.

²⁵ Опасность // Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org>.

постоянно в условиях объективных факторов развития общества на неизменном уровне невозможно. Современная жизнь характеризуется резким ростом или падением экономики, постепенным или резким истощением жизненно важных природных ресурсов при ускоренных темпах роста потребностей и, соответственно, стремлением их удовлетворить, фантастическим научно-техническим прогрессом, несущим немислимые когда-то блага для людей и одновременно таящим неизвестные науке угрозы тем же благам.

Поэтому круг субъектов, к которым должны быть обращены особые требования экологической безопасности, не может быть застывшим. Законодатель должен предусмотреть возможность включения в этот круг и исключения из него соответствующих видов деятельности. На данный момент мы можем говорить о том, что в число этих видов деятельности входят эксплуатация опасных производственных объектов, источников ионизирующего излучения, производство опасных химических и биологических веществ, в том числе генномодифицированных организмов, обращение с опасными отходами. Не исключено, что в будущем в число субъектов могут войти некоторые природопользователи, которые сегодня руководствуются общими, а не экстренными правилами природопользования. Например, истощение месторождений энергоресурсов и других полезных ископаемых может стать угрозой энергетической безопасности и потребует от законодателя чрезвычайных мер добычи полезных ископаемых или даже ограничения их экспорта. Одновременно из числа субъектов могут быть исключены некоторые виды деятельности. Так, возможности науки и технологий снять угрозу радиационных аварий, обеспечить полную и долгосрочную изоляцию радиоактивных веществ и отходов, а может, вовсе отказаться от использования радиоактивных веществ для производства энергии снимут проблему радиационной безопасности, позволят исключить эту деятельность из списка экологически опасных. Отказ от производства химического оружия и его полное уничтожение на территории России в соответствии с международными обязательствами по Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожения (13.12.1993, Париж)²⁶ также потребуют

корректировки списков экологически опасных видов деятельности.

Если речь идет об угрозе жизни и развитию, то и требования экологической безопасности, предъявляемые к таким субъектам, должны быть особыми, т.е. должны выходить за пределы требований охраны окружающей среды, предусмотренные для всех. Сегодня это тоже есть в законодательстве. Однако законодатель запутывает нас тем, что объединяет эти особые требования под общими названиями – промышленная безопасность, радиационная безопасность, биологическая безопасность и т.д. Но это не препятствует считать промышленную безопасность составной частью экологической безопасности, так как суть требований, установленных в законе, – в первую очередь именно в предупреждении риска гибели людей, масштабного загрязнения или иной деградации окружающей среды, которая станет непригодной для жизнеобеспечения людей в результате аварии на промышленном предприятии. Окружающая среда, загрязненная радионуклидами вследствие нарушения правил эксплуатации либо аварийной ситуацией на АЭС или иных источниках ионизирующего излучения, становится опасной для жизни и хозяйственной деятельности людей. Поэтому специальные меры обеспечения безопасности АЭС, нацеленные на предупреждение опасного воздействия аварийных ситуаций на окружающую среду, являются мерами экологической безопасности.

Опасны для общества и природные катаклизмы, число и масштабы которых несут все возрастающие угрозы. Здесь тоже действует система чрезвычайных мер как прогнозирования, так и реагирования на эти ситуации.

Все вышесказанное приводит к выводу о том, что нормы, регулирующие отношения экологической безопасности, уже сформировали самостоятельный институт в системе экологического права. По содержанию это особые требования, нацеленные на поддержание такого состояния экологически опасной хозяйственной деятельности, при котором опасность возникновения аварий с разрушительными последствиями для человека и окружающей среды отсутствует либо сведена к минимуму. В систему этого института также входят нормы, определяющие порядок действий при наступлении природных и техногенных катастроф, а также прогнозирование таких ситуаций и обеспечение готовности к действиям по устранению их последствий и снижению их опасности.

²⁶ Бюллетень международных договоров. 1998. № 4 (Конвенция ратифицирована Федеральным законом от 05.11.1997 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 45. Ст. 5138).

4. Экологическая безопасность как институт экологического права

Современное состояние развития института экологической безопасности в системе экологического права можно охарактеризовать следующим образом.

Если исходить из определения экологической безопасности, данного Федеральным законом «Об охране окружающей среды», то источниками экологической опасности и, соответственно, объектами общественных отношений в области экологической безопасности выступают хозяйственная деятельность, которая способна оказать негативное воздействие на окружающую среду и жизненно важные интересы человека, и чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера.

Виды хозяйственной деятельности, представляющие экологическую опасность, как объекты отношений экологической безопасности и требования к их осуществлению определяются специальными законами в каждом конкретном случае. При этом следует подчеркнуть, что основным признаком, позволяющим выделить объекты отношений экологической безопасности в особую группу с установлением особых требований к их осуществлению, является риск возникновения аварий с разрушительными последствиями для окружающей среды и жизни человека. В число таких видов деятельности входит деятельность, связанная с эксплуатацией опасных производственных объектов (включая специально эксплуатацию гидротехнических сооружений), радиационных установок, иных объектов ионизирующего излучения (включая хранилища радиоактивных отходов), связанная с обращением с опасными химическими и биологическими веществами и организмами (включая генномодифицированные организмы), опасными твердыми и радиоактивными отходами. В особую группу отношений в системе экологической безопасности выделяется деятельность по организации действий в чрезвычайных ситуациях при наступлении производственных аварий и природных катастроф. Сама эта деятельность не является экологически опасной, но она органически связана с мерами предупреждения производственных аварий и природных катастроф, а в силу определенной самостоятельности этих мер (реализуются с участием МЧС России) образует еще один вид деятельности по обеспечению экологической безопасности.

Исходя из такой классификации видов деятельности, как объектов отношений экологи-

ческой безопасности в теоретическом плане, можно выделить такие виды экологической безопасности, как промышленная безопасность (включая безопасность в гидроэнергетике), радиационная безопасность, химическая и биологическая безопасность (включая безопасность обращения с опасными отходами производства и потребления, радиоактивными отходами), безопасность в чрезвычайных ситуациях.

Правовые нормы, регулирующие отношения экологической безопасности, закреплены в законодательстве. В составе экологического законодательства они образуют относительно самостоятельную отрасль, которую можно именовать пока в теории законодательством об экологической безопасности. Оно сегодня развивается по пути секторального регулирования, т.е. посредством установления правовых требований экологической безопасности отдельными законами по каждому сектору экономики или виду опасной хозяйственной деятельности. Так, экологическую безопасность в промышленности обеспечивают Федеральные законы от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» и от 21.07.1997 № 117-ФЗ «О безопасности гидротехнических сооружений»²⁷. Меры радиационной безопасности предусмотрены Федеральными законами от 09.01.1996 № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения»²⁸, от 21.11.1995 № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии»²⁹, от 10.07.2001 № 92-ФЗ «О специальных экологических программах реабилитации радиационно загрязненных участков территории»³⁰.

Экологическая безопасность при обращении с опасными химическими и биологическими веществами обеспечивается главным образом подзаконными актами, принимаемыми на основе Федерального закона «Об охране окружающей среды». Одновременно отношения по обращению с отдельными видами химических и биологических веществ регулируются федеральными законами. Например, требования по использованию химических веществ в сельском хозяйстве установлены Федеральными законами от 19.07.1997 № 109-ФЗ «О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами»³¹, по производству генномо-

²⁷ СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3589.

²⁸ СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 141.

²⁹ СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4552.

³⁰ СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 2947.

³¹ СЗ РФ. 1997. № 29. Ст. 3510.

дифицированных организмов – Федеральным законом от 05.07.1996 № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генноинженерной деятельности»³². Деятельность в соответствии с международными обязательствами России по устранению опасности накопленного химического оружия обеспечивается Федеральным законом от 02.05.1997 № 76-ФЗ «Об уничтожении химического оружия»³³. Поскольку закон касается только уничтожения химического оружия, на другие виды деятельности относительно химического оружия (разработку, производство, накопление и применение) распространяется запрет, прямо установленный Конвенцией.

Меры по устранению экологической опасности различных отходов установлены Федеральными законами от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления»³⁴ в части регулирования отношений по обращению с опасными твердыми отходами, и от 11.07.2011 № 190-ФЗ «Об обращении с радиоактивными отходами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³⁵.

Устранение экологической опасности в условиях чрезвычайных ситуаций предусмотрено Федеральным законом от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»³⁶, который определяет функционирование единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Обязанности субъектов, эксплуатирующих опасные объекты, по устранению последствий в случае наступления аварий на таких объектах предусмотрены Федеральными законами «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», «О безопасности гидротехнических сооружений» и «О радиационной безопасности населения».

Как видим, законодательство об экологической безопасности достигло достаточно высокого уровня развития. При этом следует еще раз подчеркнуть, что во многих вышеназванных законах термин «экологическая безопасность» даже не упоминается, хотя само их содержание свидетельствует о том, что они направлены на поддержание состояния защи-

щенности населения и имущества от резкого масштабного негативного воздействия на окружающую среду, а объектом их регулирования выступают источники такого потенциального воздействия – экологически опасные виды деятельности.

С учетом риска наступления опасных экологических последствий (существенное загрязнение окружающей среды, уничтожение или повреждение природных объектов и, как следствие, причинение значительного вреда здоровью и имуществу) в результате аварийных нештатных ситуаций при осуществлении этих видов деятельности законодательство устанавливает для них дополнительные требования. При этом, осуществляя экологически опасные виды деятельности, субъекты обязаны соблюдать и общие требования охраны окружающей среды, такие как нормирование, мониторинг и др.

Несмотря на технические и иные различия в регулируемых видах деятельности и необходимость учета особенностей их осуществления и воздействия на окружающую среду, система требований экологической безопасности обладает и определенным единообразием. Так, подавляющее большинство экологически опасных видов деятельности подлежит государственному лицензированию. Предусмотрен учет экологически опасных объектов путем их государственной регистрации. Для опасных производственных объектов, гидротехнических сооружений и объектов использования атомной энергии установлено обязательное страхование ответственности за причинение вреда здоровью и имуществу граждан. Гражданско-правовая ответственность наступает без вины. По отношению к экологически опасным объектам, потенциально опасной продукции предусмотрены дополнительные меры предупредительного контроля в виде специальных экспертиз, токсиколого-гигиенических и токсикологических исследований, регистрационных испытаний как условия их регистрации. Субъекты, эксплуатирующие экологически опасные предприятия, обязаны разработать и организовать действия в чрезвычайных ситуациях.

Таким образом, признание системы норм, регулирующих отношения экологической безопасности, в качестве института экологического права снимет проблему неопределенности понятия экологической безопасности как правовой категории, ее соотношения с понятием охраны окружающей среды. Это позволит четко определить круг субъектов экологически опасной хозяйственной деятельности,

³² СЗ РФ. 1996. № 28. Ст. 3348.

³³ СЗ РФ. 1997. № 18. Ст. 2105.

³⁴ СЗ РФ. 1998. № 26. Ст. 3009.

³⁵ СЗ РФ. 2011. № 29. Ст. 4281.

³⁶ СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.

их права и обязанности в сфере обеспечения экологической безопасности, а также суть требований, которые они обязаны соблюдать. Государственные меры обеспечения экологической безопасности тоже приобретут опре-

деленность. В целях совершенствования законодательства в этом русле будет полезным кодифицировать имеющиеся правовые нормы в составе отдельной главы Федерального закона «Об охране окружающей среды».

Библиография:

1. Bogoliubov S.A. Kichigin N.V. *Zakonodatelnoe regulirovanie deiatelnosti federalnyh organov ispolnitelnoi vlasti po obespecheniu ekologicheskoi bezopasnosti*. M., 2007.
2. Baidakov S.L. *Stanovlenie i napravleniia razvitiya pravovyh osnov obespecheniia ekologicheskoi bezopasnosti* // Nauchnye trudy MNEPU. 2001. Vyp. 7.
3. Efimova E.I. *Ekologicheskoe pravo Rossii. Bibliografiia (1958–2004)*. M., 2007.
4. Platonov Ju.N. *Ekologicheskaya komponenta natsionalnoi bezopasnosti Rossii* // Zhurnal rossiiskogo prava. # 8. 2011.
5. Bobylev S.N., Girusov E.V., Perelev R.A., Kretsu N.S. *Ekonomika ustoichivogo razvitiia. Uchebnoe posobie*. M., 2004.
6. Kotko A.A. *Vkliuchenie ekosistemnyh uslug v ekonomicheskie otnosheniia* // Izvestia RAN. Geograficheskaya seria. 2009. # 4.
7. *Nashe obschee budushee. Doklad Mezhdunarodnoi komissii po okruzhaiuschei srede i razvitiu (MKOSR). Pervod s angl. / Pod red. S.A. Evteeva, R.A. Pereleta*. M., 1989.
8. Prohozhev A.A. *Strategiia natsionalnoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda i vozmozhnosti ee realizatsii* // Natsionalnaya bezopasnost Rossii v usloviyakh transformatsii mezhdunarodnyh otnoshenii. M., 2009.
9. Brinchuk M.M. *Obespechenie ekologicheskoi bezopasnosti kak pravovaya kategoria* // Gosudarstvo i pravo. 2008. № 9. S. 30–42.
10. Rusin S.N. *Kontseptualinay problem ekologicheskoi bezopasnosti i gosudarstvennaia ekologicheskaya politika (pravovoi aspekt)* // Ekologicheskoe pravo. 2010. # 5.
11. Jarass H.D. *Ekologicheskoe pravo i ekologicheskaya bezopasnost kak osnovy bezopasnosti naseleniia* // Ekologicheskaiia bezopasnost: problem zakonodatel'nogo obespecheniia. Materialy rossiisko-germanskogo teoreticheskogo seminar. Moskva, 15–17 iyunia 1994. S. 22–28.
12. Zhavoronkova N.G. *Ekologo-pravovye problemy obespecheniia bezopasnosti pri chrezvychainykh situatsiakh prirodno i tehnogenno haraktera*. M. : Jurisprudentsia, 2007.
13. Golichenkov A.K. *Ohrana okruzhaiuschei srede, obespechenie ekologicheskoi bezopasnosti, obespechenie ratsionalnogo ispolzovaniia prirodnnykh resursov: terminy, sodержanie, sootnoshenie. Sbornik materialov vserossiiskikh nauchno-prakticheskikh konferentsii "Sofrino" 1995–2004. T. 1. S. 125.*
14. Brinchuk M.M. *Rol gosudarstva v obespechenii ekologicheskoi bezopasnosti. Ekologicheskaya bezopasnost: problemy, poisk, resheniia*. M.
15. Petrova T.V. *Technicheskoe regulirovanie kak chast sistemy pravovogo regulirovaniia otnoshenii v sfere ohrany okruzhaiuschei srede. Ekologicheskoe pravo. Spetsialnyi vypusk*. 2005.
16. Kolbasov O.S. *Kontseptsiia ekologicheskoi bezopasnosti* // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. # 12. 1988. S. 47–55.
17. Ponomarev M.V. *Pravovoe regulirovanie ekologicheskoi bezopasnogo obrascheniia s othodami v gorodakh* // Zakonodatelstvo i ekonomika. 2013. № 2.
18. Patiukov A.V. *Aktualnye voprosy realizatsii prava cheloveka na blagopriatnuiu okruzhaiushchuu sredu i ekologicheskuiu bezopasnost v Poslanii Prezidenta Rossii Federalnomu Sobraniu Rossiiskoi Federatsii* // Ekologicheskoe pravo. 2011. № 5.
19. Платонов Ю.Н. *Экономическая компонента национальной безопасности России* // Журнал российского права. – 2011. – № 8.
20. Гончаров В.В./ *Обеспечение экологической безопасности в Российской Федерации как перспективный приоритетный национальный проект* // Юрист. – 2010. – № 5.

References:

1. Bogoliubov S.A. Kichigin N.V. *Zakonodatelnoe regulirovanie deiatelnosti federalnyh organov ispolnitelnoi vlasti po obespecheniu ekologicheskoi bezopasnosti*. M., 2007.

2. Baidakov S.L. Stanovlenie I napravlenia razvitiya pravovyh osnov obespechenia ekologicheskoi bezopasnosti//Nauchnye trudy MNEPU. 2001. Vyp. 7.
3. Efimova E.I. Ekologicheskoe pravo Rossii. Bibliografia (1958–2004). M., 2007.
4. Platonov Ju.N. Ekologicheskaya komponenta natsionalnoi bezopasnosti Rossii. Zhurnal rossiiskogo prava. # 8. 2011.
5. Bobylev S.N., Girusov E.V., Perelev R.A., Kretsu N.S. Ekonomika ustoichivogo razvitiya. Uchebnoi posobie. M., 2004.
6. Kotko A.A. Vkluchenie ekosistemnyh uslug v ekonomicheskie otnoshenia//Izvestia RAN. Geograficheskaya seria. 2009. # 4.
7. Nashe obschee budushee. Doklad Mezhdunarodnoi komissii po okruzhaiuschei srede b razvitiu (MKOSR). Perevod s angl. / Pod red. S.A. Evteeva, R.A. Pereleta. M., 1989.
8. Prohozhev A.A. Strategia natsionalnoi bezopasnosti Rossiyskoi Federatsii do 2020 goda I vozmozhnosti ee realizatsii // Natsionalnaya bezopasnost Rossii v usloviyah transformatsii mezhdunarodnyh otnoshenii. M., 2009.
9. Brinchuk M.M. Obespechenie ekologicheskoi bezopasnosti kak pravovaya kategorija// Gosudarstvo i pravo. 2008. № 9. S. 30–42.
10. Rusin S.N. Kontseptualinay problem ekologicheskoi bezopasnosti b gosudarstvennaia ekologicheskaya politika (pravovoi aspekt).//Ekologicheskoe pravo. 2010. # 5.
11. Jarass H.D. Ekologicheskoe pravo I ekologicheskaya bezopasnost kak osnovy bezopasnosti naselenia.//Ekologicheskaya bezopasnost: problem zakonodatelnogo obespechenia. Materialy possiisko-germanskogo teoreticheskogo seminar. Moskva, 15-17 ijunia 1994. S.22-28
12. Zhavoronkova N.G. Ekologo-pravovye problem obespechenia bezopasnosti pri chrezvychainyh situatsiah prirodnoho I tehnogennoho haraktera. M., Jurisprudentsia. 2007
13. Golichenkov A.K. Ohrana okruzhaiuschei sredy, obespechenie ekologicheskoi bezopasnosti, obespechenie ratsionaknogo ispolzovania prirodnyh resursov: terminy, sodержanie, sootnoshenie. Sbornik materialov vserossiiskih nauchno-prakticheskikh konferentsii “Sofrino” 1995–2004. T. 1. S. 125.
14. Brinchuk M.M. Rol gosudarstva v obespechenii ekologicheskoi bezopasnosti. Ekologicheskaya bezopasnost: problem, poisk, reshenia. M.
15. Petrova T.V. Technicheskoe regulirovanie kak chast sistemy pravovogo regulirovania otnoshenii v sfere ohrany okruzhaiuschei sredy. Ekologicheskoe pravo. Spetsialnyi vypusk. 2005.
16. Kolbasov O.S. Kontseptsia ekologicheskoi bezopasnosti.//Sovetskoe gosudarstvo I pravo. # 12. 1988. S. 47–55.
17. Ponomarev M.V. Pravovoe regulirovanie ekologicheskoi bezopasnosti obraschenia s othodami v gorodah.//Zakonodatelstvo I ekonomika. 2013. № 2.
18. Patiukov A.V. Aktualnye voprosy realizatsii prava cheloveka na blagopriatnuiu okruzhaiuschuu sredu I ekologicheskuiu bezopasnost v Poslanii Prezidenta Rossii Federalnomy Sobranii Rossiyskoi Federatsii.//Ekologicheskoe pravo.2011. № 5.
19. Platonov Ju.N. Ekologicheskaya komponenta natsionalnoi bezopasnosti Rossii//Zhurnal Rossiiskogo prava. 2011. № 8.
20. Goncharov V.V. Obespechenie ekologicheskoi bezopasnosti v Rossiyskoi Federatsii kak perspektivnyy prioritetniy natsionalnyi proekt//Jurist. 2010. № 5.

Статья поступила в редакцию 5 сентября 2013 г.

А.В. Шигуров*

ЗАКРЫТАЯ ФОРМА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛУШАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Аннотация. Статья посвящена исследованию нормы о проведении предварительного слушания в стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию в форме закрытого судебного заседания. По мнению автора, закрепление в законе запрета для лиц, не участвующих в деле, присутствовать в данном судебном заседании не может быть объяснено секретностью обсуждаемых вопросов. Анализ требований Европейской конвенции о публичности разбирательства дела и категории «правосудие» в российском законодательстве позволил сделать вывод о том, что на предварительном слушании осуществляется правосудие при вынесении решений о прекращении уголовного дела, уголовного преследования и исключения доказательств. Такая позиция обосновывается следующим. Во-первых, по мнению автора, принятием решения о прекращении уголовного дела или уголовного преследования юридически разрешается вопрос о виновности/невиновности подсудимого. Во-вторых, оценка допустимости доказательств виновности и невиновности обвиняемого является элементом деятельности судьи по осуществлению правосудия. Позиция суда по вопросам допустимости доказательств не только излагается в отдельном решении, принимаемом на предварительном слушании, но и подлежит изложению в приговоре суда. Следовательно, разрешение судом на предварительном слушании ходатайства стороны об исключении недопустимого доказательства является одним из этапов правосудия. Автор приходит к выводу о том, что по отношению к предварительному слушанию законодателем должен быть применен такой же подход, как и при регулировании иных судебных заседаний: они, по общему правилу, открыты, но по основаниям, указанным в законе, могут быть закрыты.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предварительное слушание, суд, правосудие, гласность, публичность, прекращение уголовного дела, исключение доказательств, судебное разбирательство, презумпция невиновности.

DOI: 10.7256/1729-5920.2014.5.9347 **УДК:** 343.112

Открытость и гласность – важнейшие требования к процедуре разбирательства дел в российских судах. Необходимость их соблюдения закреплена в целом ряде нормативных актов: Конституции РФ (ч. 1 ст. 123), Федеральных конституционных законах «О судебной системе РФ» (ст. 9), «О судах общей юрисдикции в РФ» (ст. 5), Уголовно-процессуальном кодексе РФ (ст. 241).

В последнее десятилетие очевидна тенденция к расширению форм реализации данного принципа. Существенные изменения были внесены Федеральным законом от

22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в РФ». Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»¹ в качестве основных направлений развития судебной системы называет обеспечение доступа граждан к правосудию и обеспечение его максимальной открытости и прозрачности.

¹ Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 «О федеральной целевой программе “Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы”» // СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 13.

© Шигуров Александр Викторович

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминалистики и криминологии Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева [arshigurov@mail.ru]

430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68.

Такая политика абсолютно оправдана, поскольку гласность судопроизводства важна не только сама по себе, как средство повышения правовой осведомленности граждан о судостроительстве и судопроизводстве. Гласность является еще и гарантией справедливого судебного разбирательства, поскольку создает условия для эффективного общественного контроля за судебной властью. Гласность – это необходимый элемент той системы доверия к государственным институтам в целом и судебным органам в частности, без которого невозможно функционирование демократического государства.

На фоне реформ выделяется предварительное слушание в стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию, всегда проводимое в закрытом от публики режиме.

По общему правилу, установленному ст. 241 УПК РФ, разбирательство уголовных дел во всех судах открытое. Лишь при наличии оснований, закрепленных в ч. 2 ст. 241 УПК РФ, суд может мотивированным решением провести судебное заседание полностью или частично закрытым. Такой порядок распространяется не только на судебное разбирательство и последующие судебные заседания в апелляционной, кассационной и надзорной инстанции².

Верховный Суд РФ обоснованно требует соблюдения норм о гласности даже в ходе досудебного производства, в частности при проведении судебных заседаний, посвященных избранию заключения под стражу, залога и домашнего ареста³. Санкции за нарушение требований о гласности судопроизводства максимально строгие для процессуального законодательства. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» разъясняется: проведение всего разбирательства дела в закрытом судебном заседании при отсутствии к тому оснований, предусмотренных ч. 2 ст. 241 УПК РФ, влечет за собой отмену судебных постановлений в установленном законом порядке.

Законодатель сделал исключение лишь для предварительного слушания, и судье

предписано всегда проводить его в закрытом судебном заседании (ч. 1 ст. 234 УПК РФ). На наш взгляд, такой подход законодателя не только не имеет под собой никаких оснований, но и противоречит требованиям Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее так же Конвенция).

Анализ вопросов, подлежащих выяснению судом в стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию, показывает, что все они могут обсуждаться и разрешаться в ходе судебного разбирательства. Суд по собственной инициативе или по ходатайству сторон, как на предварительном слушании, так и в последующем судебном разбирательстве, может разрешать вопросы подсудности, наличия оснований для исключения доказательств, возвращения уголовного дела прокурору, приостановления или прекращения уголовного дела, избрания, отмены или изменения мер пресечения, принятия мер по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, и возможной конфискации имущества. Таким образом, круг исследуемых на предварительном слушании обстоятельств не отличается какой-либо особой секретностью, которая могла бы объяснить решение законодателя закрыть это судебное заседание.

Подтверждают это положения Закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в РФ». В статье 15 данного Закона, регулиющей особенности размещения в сети Интернет текстов судебных актов, нет запрета на публикацию судебных актов, принятых в ходе закрытого предварительного слушания. Ориентируясь на принцип открытости и доступности информации о деятельности судов, законодатель описал тот круг конкретных сведений, которые должны исключаться из текстов судебных решений, размещаемых в Интернете. К ним, в частности, относятся: сведения, составляющие государственную или иную охраняемую законом тайну, персональные данные определенных участников процесса (свидетелей, потерпевших). Часть 5 ст. 15 Закона однозначно запрещает публиковать лишь решения, принятые на предварительном слушании по делам, затрагивающим безопасность государства, или делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Таким образом, подавляющее большинство решений, принимаемых на предварительном слушании, размещаются в Интернете в открытом доступе. Например, в базе данных судебных решений на сайте [² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов». П. 22 // Российская газета. 2012. 18 декабря.](http://</p>
</div>
<div data-bbox=)

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.10.2009 № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста». П. 17 // СПС «КонсультантПлюс».

rospravosudie.com/ содержится более 50 тыс. подобных судебных решений⁴.

Несогласованность в требованиях УПК РФ и Закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в РФ», на наш взгляд, свидетельствует о том, что норма о закрытой форме предварительного слушания, содержащаяся в ч. 1 ст. 234 УПК РФ, не имеет под собой серьезного научного обоснования и сложившейся позиции депутатского сообщества.

Закрепление принципа гласности (публичности) судопроизводства в ряде международных актов позволяет соотнести нормы российского законодательства с требованиями ратифицированных Россией международных договоров. В силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации имеют приоритет над российским законодательством. Следовательно, нормы УПК РФ подлежат приведению в соответствие с теми требованиями гласности судебного разбирательства, которые закреплены в ратифицированных Россией международных договорах.

Так, ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод устанавливает право каждого при предъявлении ему любого уголовного обвинения на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Данная формулировка обязывает Россию осуществлять разбирательство уголовного дела судом публично.

Распространяется ли данное требование на стадию подготовки уголовного дела к судебному заседанию? На первый взгляд термин «разбирательство уголовного дела судом» является синонимом термину «судебное разбирательство», под которым в российском уголовном процессе понимается самостоятельная стадия уголовного процесса, следующая за стадией подготовки к судебному заседанию.

Однако анализ практики Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) свидетельствует об ошибочности такого буквального толкования ст. 6 Конвенции. Нужно заметить, что в соответствии со ст. 46 Конвенции и ст. 1 Федерального закона от 30.03.1998 № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» Европейский Суд по правам человека является органом, имеющим право принимать

обязательные для исполнения решения по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней. Поэтому применение Конвенции о защите прав человека и основных свобод должно осуществляться с учетом практики ЕСПЧ во избежание любого нарушения Конвенции⁵.

При толковании Конвенции Европейский Суд исходит из необходимости учитывать контекст статьи, предмет и цели, стоящие перед Конвенцией, правила толкования международных договоров, закрепленные в Венской конвенции о праве международных договоров, а также общие принципы права. Это заставляет Европейский Суд не формально подходить к толкованию норм Конвенции, а устанавливать, что скрывается за внешней стороной дела, исследовать реалии, сложившиеся в государстве при применении норм Конвенции. Стремясь обеспечить эффективное функционирование механизма защиты охраняемых Конвенцией прав, Суд часто прибегает к расширительному толкованию статей Конвенции.

Ярким примером такого толкования ст. 6 Конвенции является установление пределов разбирательства уголовного дела при разрешении вопроса о нарушении права на рассмотрение дела в разумный срок. Несмотря на то, что в ст. 6 говорится о «разбирательстве дела судом», Европейский Суд по правам человека учитывает длительность всего разбирательства по уголовному делу и исчисляет рассматриваемый период со дня, когда лицо становится обвиняемым, до постановления окончательного обвинительного или оправдательного приговора⁶. С учетом обстоятельств конкретного дела Европейский Суд может еще более расширить временные рамки разбирательства: оценивая разумность срока судебного разбирательства по делу «Панченко против Российской Федерации», он принял во внимание период со дня возбуждения уголовного дела в отношении заявителя до вынесения судом постановления о прекращении уголовного дела⁷.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». П. 10 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См.: Постановление ЕСПЧ от 24.05.2007 по делу «Городничев против Российской Федерации» // Бюллетень ЕСПЧ. Рос. издание. 2007. № 9. С. 111–133.

⁷ Постановление ЕСПЧ от 08.02.2005 по делу «Панченко против Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ РосПравосудие. URL: <http://rospravosudie.com/> (последнее посещение: 17.08.2013).

Значит ли это, что при рассмотрении требования ст. 6 Конвенции о «публичном разбирательстве дела судом» также следует учитывать расширительное толкование данного термина? Безусловно, нет. Европейский Суд в своих решениях подчеркивает, что именно «разумный срок» согласно п. 1 ст. 6 «по необходимости начинается в тот день, когда лицу предъявлено обвинение», а следовательно, «разумный срок» может при определенных обстоятельствах начать течь и ранее передачи дела для рассмотрения в компетентный суд⁸. В то же время право на справедливое, публичное и скорое судебное разбирательство, естественно, приложимо только к ведущемуся судебному процессу⁹.

Толкуя положения ст. 6 Конвенции о публичности разбирательства дела в суде, ЕСПЧ указывал, что организация публичного судебного разбирательства представляет собой фундаментальный принцип судопроизводства. Публичный характер разбирательства защищает стороны от тайного отправления правосудия в отсутствие общественного контроля; кроме того, это одно из средств поддержания доверия к суду. Законность отправления правосудия, в том числе судебного процесса, вытекает из его публичного характера. Делая отправление правосудия транспарентным, публичность содействует справедливому судебному разбирательству, гарантия которого является одним из фундаментальных принципов демократического общества в значении Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹⁰.

Таким образом, Европейский Суд рассматривает принцип публичности как требование к деятельности судьи по отправлению правосудия. Следовательно, для ответа на вопрос о том, требует ли Конвенция о защите прав человека и основных свобод публичного проведения предварительного слушания, необходимо решить – осуществляется ли на этом этапе правосудие.

В настоящее время в научной литературе можно выделить два подхода к пониманию

термина «правосудие». Одна группа авторов считает, что правосудие является единственной формой реализации судебной власти, а значит, оно включает в себя все виды судебной деятельности, связанные с осуществлением судебной власти¹¹. Указанным видам деятельности присущи следующие признаки: 1) осуществление только судом; 2) реализация не иначе как в детально регламентированной законом процессуальной форме; 3) осуществление на основе системы демократических принципов; 4) направленность на разрешение имеющегося или потенциального социально-правового спора (юридического конфликта); 5) деятельность по отправлению правосудия сопровождается принятием особых правоприменительных (процессуальных) решений – актов правосудия¹².

В.А. Лазарева, рассматривая судебный контроль как одну из форм правосудия, пишет: «Этой судебной деятельности присущи все черты правосудия: наличие особой процедуры, рассмотрение дела (спора) специальным субъектом – судом, принятие процессуального решения. Деятельность суда по рассмотрению и разрешению жалобы, бесспорно, является контролирующей по отношению к тем общественным отношениям, которые сложились в сфере оспариваемого действия или решения соответствующего органа или должностного лица, однако это не опровергает и того факта, что по отношению к конфликтующим сторонам суд выступает как орган правосудия»¹³.

Противоположная точка зрения заключается в том, что под правосудием по уголовным делам необходимо понимать деятельность суда по рассмотрению уголовного дела в условиях судебного заседания и его разрешению по существу с принятием соответствующих решений¹⁴. Правосудие является одной

¹¹ Лазарева В.А. Предварительное судебное производство в уголовном процессе Российской Федерации : учеб. пособие. Самара, 2000. С. 46 ; Гуськова А.П. УПК РФ – новое содержание, новая процессуальная форма // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2004. № 3. С. 6–7 ; Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. Н. Новгород, 2002. С. 34.

¹² Гуськова А.П., Шамардин А.А. Правоохранительные органы : учебник. М., 2005. С. 61–62.

¹³ Лазарева В.А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. Самара, 1999. С. 40–1.

¹⁴ Бозров В.М. Стадия назначения судебного заседания // Российская юстиция. 1996. № 3. С. 48 ; Тулянский Д.В. Осуществляет ли суд правосудие в стадии исполнения приговора? // Журнал российского права. 2001. № 7. С. 118–121 ; Зинатуллин З.З., Зинатуллин Т.З. Уголовно-процессуальные функции : учеб. пособие. Ижевск, 2002. С. 168.

⁸ Постановление ЕСПЧ от 27.02.1980 по делу «Девеер (Deweer) против Бельгии». П. 42 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Постановление ЕСПЧ от 21.02.1975 по делу «Голдер (Golder) против Соединенного Королевства» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Постановление ЕСПЧ от 11.10.2011 по делу «Ракс (Raks) против Российской Федерации». П. 43 ; постановление ЕСПЧ от 04.12.2008 по делу «Белашев (Belashev) против Российской Федерации». П. 79 // СПС «КонсультантПлюс».

из форм реализации судебной власти и всегда связано с разрешением основного вопроса уголовного судопроизводства – вопроса о виновности или невиновности обвиняемого (подсудимого) в инкриминированном преступлении¹⁵. Наряду с правосудием существуют и иные судебные функции, в частности судебный контроль¹⁶.

Существование столь противоположных позиций обусловлено, во-первых, тем, что законодатель не дал точного определения правосудия ни в Конституции РФ, ни в иных законах, во-вторых, каждая из высказанных позиций имеет свои слабые стороны. Так, сторонники именованная всех видов деятельности суда «правосудием» забывают о том, что, несмотря на сходство деятельности судей по разрешению уголовного дела и осуществлению судебного контроля, конституционного контроля, разъяснению действующего законодательства по вопросам судебной практики, участию в деятельности органов судейского сообщества, указанные виды деятельности слишком специфичны. Различаются и предмет, и порядок этих видов судебной деятельности. Например, в ходе отдельных видов судебного контроля на предварительном расследовании не действуют принципы гласности и состязательности: санкционирование судом следственных действий проводится в закрытом судебном заседании без участия лиц, на права и свободы которых может повлиять принимаемое решение.

В.А. Азаров и И.Ю. Таричко точно выделяют критерии разграничения правосудия и судебного контроля: а) при вынесении акта правосудия суд решает вопросы виновности и ответственности подсудимого, а при разрешении спора в порядке судебного контроля суд касается вопросов законности и обоснованности ограничения конституционных прав граждан, допущенного органами предварительного расследования, или законности и обоснованности возможного ограничения таких прав, не затрагивает доказанность обвинения, правильность квалификации содеянного; б) решение в порядке судебного контроля является вспомогательным по отношению к его итоговому аналогу и определяет исход процессуальных вопросов предварительно-

го расследования, которые не охватываются функцией правосудия в классическом ее понимании; задача такого решения заключается в том, чтобы, с одной стороны, подтвердить, что собранные по делу доказательства имеют юридическую силу и позволяют суду вынести правосудный приговор, а с другой – не допустить нарушения прав и законных интересов граждан¹⁷.

Сторонники второй позиции, узко толкуя термин «правосудие», оставляют без внимания, что правосудными, т.е. правильными, справедливыми должны быть любые решения суда, следовательно, термин «правосудие» в определенном смысле не может не распространяться на любую деятельность суда.

С нашей точки зрения, при разрешении данного терминологического спора нужно учитывать позицию Конституционного Суда РФ, который в одном из своих решений указывал: «...под осуществлением правосудия понимается не все судопроизводство, а лишь та его часть, которая заключается в принятии актов судебной власти по разрешению подведомственных суду дел, т.е. судебных актов, разрешающих дело по существу»¹⁸. Разрешение уголовного дела означает вынесение по нему одного из итоговых процессуальных решений: обвинительного или оправдательного приговора, постановления о прекращении уголовного дела. С учетом вышесказанного термин «правосудие» правильнее толковать узко – как одну из функций (форм) судебной власти (наряду, в частности, с судебным контролем), связанную с разрешением по существу уголовного дела и вынесением по нему итогового судебного решения.

Анализ вопросов, разрешаемых судом в стадии подготовки дела к судебному заседанию, свидетельствует о том, что судья на данном этапе судопроизводства при вынесении большинства решений не разрешает уголовное дело по существу. Например, не могут быть отнесены к актам правосудия: постановления о назначении или об отложении судебного заседания, о направлении дела по подсудности, возвращении дела прокурору,

¹⁷ Азаров В. А., Таричко И. Ю. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России: монография. Омск, 2004. С. 135–136.

¹⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. В. Богданова, А. Б. Зернова, С. И. Кальянова и Н. В. Труханова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 7. Ст. 700.

¹⁵ Зинатуллин З.З., Абашева Ф.А. Правосудие по уголовным делам: может ли оно быть досудебным? // Российская юстиция. 2008. № 12. С. 67.

¹⁶ Азаров В.А., Таричко И.Ю. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России: монография. Омск, 2004. С. 130.

приостановлении производства по делу, выделении или невозможности выделения уголовного дела в отдельное производство. Все эти решения носят промежуточный характер, не содержат окончательных выводов суда, важных для итогового судебного решения.

Однако ряд решений, выносимых на предварительном слушании, с нашей точки зрения, можно назвать актами правосудия. В первую очередь это постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования.

Как верно отмечает Т.К. Рябинина, поскольку основания для прекращения уголовного дела или уголовного преследования являются общими и для стадии назначения судебного заседания, и для стадии судебного разбирательства, а процедура принятия этого решения предусматривает обязательное проведение судебного заседания, то деятельность судьи в данном случае несколько не умаляется, ведь таким образом он отправляет правосудие, но только при наименьших процессуальных издержках¹⁹.

Вынесением данного итогового акта судья завершает производство по делу в целом или в отношении одного из обвиняемых. В основу решения судья вправе положить лишь доказательства, признанные им допустимыми, относимыми, достоверными и достаточными для принятия данного решения, поэтому вынесению постановления предшествует обязательное предварительное слушание, в ходе которого с участием сторон исследуются доказательства, указывающие на наличие оснований для прекращения уголовного дела или уголовного преследования, выясняется позиция прокурора, обвиняемого, защитника и потерпевшего. При вынесении данного решения суд формулирует позицию государства по вопросу о необходимости освобождения обвиняемого от уголовной ответственности или о невозможности продолжения производства по делу ввиду процессуальных оснований.

Принятием решения о прекращении уголовного дела или уголовного преследования юридически разрешается и вопрос о виновности/невиновности подсудимого.

С одной стороны, государство в лице судьи, прекращая уголовное дело или уголовное преследование, соглашается с тем, что в силу принципа презумпции невиновности подсуди-

мый признается невиновным, т.к. в отношении него не вынесен обвинительный приговор.

С другой стороны, в нарушение данного принципа прекращение уголовного дела по отдельным нереабилитирующим основаниям признается рядом нормативных актов в качестве основания для ограничения прав граждан:

- на занятие должности судьи (ст. 4 ФЗ «О статусе судей в Российской Федерации»);
- на службу в полиции (ст. 29 ФЗ «О полиции»), в органах ФСБ (ст. 16 ФЗ «О Федеральной службе безопасности»), в Следственном комитете (ст. 16 ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации») и ряде других правоохранительных органов;
- на занятие педагогической деятельностью (ст. 331 ТК РФ);
- на трудовую деятельность в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних (ст. 351.1 ТК РФ);
- на предпринимательскую деятельность в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних (ст. 22.1 ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»).

Данные ограничения фактически означают наложение на человека, в отношении которого уголовное дело или уголовное преследование прекращено, наказания, причем в более жесткой форме, чем предусматривает Уголовный кодекс РФ, поскольку они действуют бессрочно и применяются автоматически без какого-либо обоснования. В то время как предусмотренное ст. 47 УК РФ лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может назначаться максимально на 20 лет лишь при наличии оснований для назначения такого наказания, изложенных в приговоре суда.

Установив данные ограничения, государство, несомненно, рассматривает их как последствия установления факта совершения

¹⁹ Рябинина Т.К. Стадия назначения судебного заседания в свете нового уголовно-процессуального закона: проблемы теории и практики, пути их решения // Российский судья. 2004. № 7. С. 6.

подсудимым преступления, что свидетельствует о возврате к толкованию принципа презумпции невиновности как чисто декларативного положения, не имеющего практического смысла. В связи со сказанным, как отмечает Н.А. Подольный, появляется угроза постепенного возврата реформированного уголовно-процессуального законодательства к исходным позициям²⁰.

Итак, прекращение уголовного дела судом на предварительном слушании по общему правилу означает, что обвинение, выдвинутое по делу, поступившему в суд, находит свое окончательное разрешение. Следовательно, рассмотрение судом на предварительном слушании вопроса о наличии основания для прекращения уголовного дела или уголовного преследования является правосудием. К этому же выводу, только на основе анализа советского законодательства, приходили Т.Г. Морщакова, И.Л. Петрухин и ряд других ученых²¹.

Вторым решением, вынесение которого – неотъемлемая часть деятельности суда по осуществлению правосудия, является постановление об исключении доказательства. На предварительном слушании подлежат разрешению ходатайства сторон об исключении доказательств, полученных с нарушением процессуального закона. Для оценки допустимости оспариваемого доказательства судья вправе допросить свидетелей, приобщить к уголовному делу и исследовать документы, огласить протоколы следственных действий. Таким образом, законодатель, понимая важность своевременного извещения сторон о том, какие доказательства они смогут использовать для обоснования своих позиций, разрешил проводить в рамках предварительного слушания судебное следствие при исследовании вопроса о допустимости доказательств. Решение, принятое судом по данному вопросу, сохраняет свою юридическую силу и при последующем судебном разбирательстве, хотя и может быть изменено судом.

Как известно, оценка допустимости доказательств виновности и невиновности обвиняемого является элементом деятельности судьи по осуществлению правосудия. По-

зиция суда по вопросам допустимости доказательств не только излагается в отдельном решении, принимаемом на предварительном слушании, но и подлежит изложению в приговоре суда. Значит, разрешение судом на предварительном слушании ходатайства стороны об исключении недопустимого доказательства тоже один из этапов правосудия. А поскольку на предварительном слушании судом может осуществляться правосудие, требования ст. 6 Конвенции о публичном рассмотрении уголовного дела должны соблюдаться на данном этапе судопроизводства.

Таким образом, решение законодателя о проведении предварительного слушания только в форме закрытого судебного заседания, на наш взгляд, представляет собой ничем не обоснованное ограничение конституционного принципа гласности. Закрепление в законе запрета для лиц, не участвующих в деле, присутствовать на данном судебном заседании не может быть объяснено секретностью обсуждаемых вопросов. Более того, осуществление судом правосудия на предварительном слушании в форме вынесения решений о прекращении уголовного дела, уголовного преследования или об исключении доказательств должно происходить в соответствии с требованиями Конвенции только в ходе публичного судебного заседания.

Полагаем, что к предварительному слушанию законодателем должен быть применен такой же подход, как и к иным судебным заседаниям: они, по общему правилу, открыты, но по основаниям, указанным в законе, могут быть закрыты. Контроль общества, прессы за происходящим на предварительном слушании будет гарантией более качественного и справедливого рассмотрения и разрешения вопросов на данном этапе, а следовательно, эффективность реализации судьей своих полномочий только возрастет. Если же обстоятельства дела будут указывать на необходимость закрытия предварительного слушания, судья должен иметь право это сделать, но при условии вынесения законного, обоснованного и мотивированного решения о назначении предварительного слушания в форме закрытого судебного заседания.

²⁰ Подольный Н.А. Конфликт доктрин в уголовном процессе России // Lex Russica = Русский закон. 2010. № 3. С. 665.

²¹ Петрухин П.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979. С. 45; Выдря М.М. Предание суду как гарантия законности привлечения к уголовной ответственности: учеб. пособие. Краснодар, 1981. С. 24–25.

Библиография:

1. Азаров В.А., Таричко И.Ю. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России. – Омск, 2004.
2. Бозров В.М. Стадия назначения судебного заседания // Российская юстиция. – 1996. – № 3.
3. Выдря М.М. Предание суду как гарантия законности привлечения к уголовной ответственности. – Краснодар, 1981.
4. Гуськова А.П. УПК РФ – новое содержание, новая процессуальная форма // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – № 3.
5. Гуськова А.П., Шамардин А.А. Правоохранительные органы. – М., 2005.
6. Зинатуллин З.З., Абашева Ф.А. Правосудие по уголовным делам: может ли оно быть досудебным? // Российская юстиция. – 2008. – № 12.
7. Зинатуллин З.З., Зинатуллин Т.З. Уголовно-процессуальные функции. – Ижевск, 2002.
8. Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. – Н. Новгород, 2002.
9. Лазарева В.А. Предварительное судебное производство в уголовном процессе Российской Федерации. – Самара, 2000.
10. Лазарева В.А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. – Самара, 1999.
11. Петрухин П.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия. – М., 1979.
12. Подольный Н.А. Конфликт доктрин в уголовном процессе России // Lex Russica. – 2010. – № 3.
13. Рябинина Т.К. Стадия назначения судебного заседания в свете нового уголовно-процессуального закона: проблемы теории и практики, пути их решения // Российский судья. – 2004. – № 7.
14. Тулянский Д.В. Осуществляет ли суд правосудие в стадии исполнения приговора? // Журнал российского права. – 2001. – № 7.
15. Терехов А.Ю. К вопросу об основаниях выбора способа собирания доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу // NB: Российское полицейское право. – 2013. – № 2.

References:

1. Azarov V.A., Tarichko I.Yu. Funktsiya sudebnogo kontrolya v istorii, teorii i praktike ugovnogo protsesssa Rossii. – Omsk, 2004.
2. Bozrov V.M. Stadiya naznacheniya sudebnogo zasedaniya // Rossiiskaya yustitsiya. – 1996. – № 3.
3. Vydrya M.M. Predanie sudu kak garantiya zakonnosti privlecheniya k ugovnoy otvetstvennosti. – Krasnodar, 1981.
4. Gus'kova A.P. UPK RF – novoe sodержanie, novaya protsessual'naya forma // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2004. – № 3.
5. Gus'kova A.P., Shamardin A.A. Pravookhranitel'nye organy. – M., 2005.
6. Zinatullin Z.Z., Abasheva F.A. Pravosudie po ugovnym delam: mozhet li ono byt' dosudebnym? // Rossiiskaya yustitsiya. – 2008. – № 12.
7. Zinatullin Z.Z., Zinatullin T.Z. Ugolovno-protsessual'nye funktsii. – Izhevsk, 2002.
8. Kovtun N.N. Sudebnyi kontrol' v ugovnom sudoproizvodstve Rossii. – N. Novgorod, 2002.
9. Lazareva V.A. Predvaritel'noe sudebnoe proizvodstvo v ugovnom protsesse Rossiiskoi Federatsii. – Samara, 2000.
10. Lazareva V.A. Sudebnaya vlast' i ee realizatsiya v ugovnom protsesse. – Samara, 1999.
11. Petrukhin P.L., Baturov G.P., Morshchakova T.G. Teoreticheskie osnovy effektivnosti pravosudiya. – M., 1979.
12. Podol'nyi N.A. Konflikt doktrin v ugovnom protsesse Rossii // Lex Russica. – 2010. – № 3.
13. Ryabinina T.K. Stadiya naznacheniya sudebnogo zasedaniya v svete novogo ugovno-protsessual'nogo zakona: problemy teorii i praktiki, puti ikh resheniya // Rossiiskii sud'ya. – 2004. – № 7.
14. Tulyanskii D.V. Osushchestvlyayet li sud pravosudie v stadii ispolneniya prigovora? // Zhurnal rossiiskogo prava. – 2001. – № 7.
15. Terekhov A.Yu. K voprosu ob osnovaniyakh vybora sposoba sobiraniya dokazatel'stv v khode dosudebnogo proizvodstva po ugovnomu delu // NB: Rossiiskoe politseiskoe pravo. – 2013. – № 2.

Статья поступила в редакцию 21 августа 2013 г.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Н.А. Чернядьева*

ВЕСТФАЛЬСКИЙ МИРНЫЙ ТРАКТАТ: ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЗАРОЖДАЮЩЕМУСЯ ТЕРРОРИЗМУ

Аннотация. Вестфальский мирный трактат стал основой для формирования современного международного пространства. Им были заложены актуальные начала (принципы) международного права. Статья посвящена установлению исторических факторов, связанных с Вестфальским договором, способствовавших появлению международного терроризма. Предметом исследования стало изучение процесса становления и развития международного публичного права с целью определения правовых норм и принципов, допустивших выход терроризма на международный уровень. Исследование основано на первоисточнике – текстах двух договоров, объединенных общим названием – Вестфальский трактат. Работа носит комплексный, междисциплинарный характер, в связи с этим при подготовке статьи использовались сравнительно-правовой, сравнительно-исторический методы. Сравнительно-правовой анализ, с учетом специфики темы научного изыскания, носит преимущественно функциональный характер, направленный на поиск и выявление черт внутреннего сходства и различия социально-политических явлений – предшественников и «попутчиков» терроризма. Применяемый в работе принцип историзма позволил проследить начальный этап создания условий в международном пространстве для терроризма. Также использовались методы диахронного сравнения (в отношении поиска предпосылок терроризма в международной действительности) и синхронного сравнения (в отношении выявления общего, особенного и единичного в оценке событий терроризма в разных государствах как выражения наследия Вестфальского трактата). Впервые анализируется Вестфальский договор как первооснова мирового правопорядка и историческая предпосылка для создания современной кризисной ситуации в сфере международной безопасности. Показано, что именно в Вестфальских трактатах (Мюнстерском и Оснабрюкском) заложены принципы суверенитета и равенства государств, двойных стандартов во внешней политике, легализации войны как способа ведения внешней политики, определен круг субъектов международного права, закреплена монополия государства на совершение легального насилия.

© Чернядьева Наталья Алексеевна

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Пермского государственного национального исследовательского университета

[chernyadnatalya@yandex.ru]

614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Этапы формирования универсальных стандартов и подходов в борьбе с международным терроризмом»), проект № 14-03-00128.

Ключевые слова: международный терроризм; принципы международного права; Вестфальский договор; условия и предпосылки; суверенитет; принцип равенства; субъекты международного права; насилие; история международного права; международная безопасность.

DOI: 10.7256/1729-5920.2014.5.10849

Вопрос о времени и задачах становления единого мирового пространства является дискуссионным для современной науки. По мнению сторонников цивилизационного подхода, например С. Хантингтона¹, О. Шпенглера², политические системы – это недолговечные и поверхностные средства достижения цели; судьба человеческого сообщества зависит от жизнеспособности базовых цивилизационных идей, вокруг которых происходит сплочение поколений³. Данные исследователи находят истоки формирования универсального миропорядка еще в Античности, в политике афинян, определившей ключевые культурные элементы, заложившие основы современного мира: единство обычаев, религиозную общность, языковое и этническое родство⁴.

Противоположная точка зрения, не менее популярная в отечественной и зарубежной науке, гласит: единое мировое пространство появляется лишь в современную эпоху и является одной из граней общемировой экономической глобализации. Индустриальная капиталистическая экономика, как первопричина глобализационных процессов, называется краеугольным камнем формирования единого мирового порядка Д.Н. Барышниковым⁵, О.Л. Литовка и Н.М. Межевич⁶, Ч. Фриланд⁷, Ф. Керстен⁸.

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций М., 2003. С. 46–47.

² Шпенглер О. Закат Европы. Образ и действительность. В 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 31.

³ Хантингтон С. Указ. соч. С. 50–51; Bozeman A.D. Strategic Intelligence and Statecraft. Selected Essays. Washington, DC: Brassey's, 1992. P. 26.

⁴ Цивилизационная общность на основе культурных начал была отмечена еще в древности, например Геродотом (Геродот. История. М., 2007. С. 543–544).

⁵ Барышников Д.Н. Международный терроризм в условиях глобализации // <http://www.anthropology.ru/ru/texts/barishnikov> (последнее посещение – 03.07.2013).

⁶ Литовка О.Л., Межевич Н.М. Глобализм и регионализм – тенденции мирового развития и фактор социально-экономического развития России. СПб., 2002. С. 6.

⁷ Freeland Ch. How Can Sound Customer Due Diligence Rules Help Prevent the Misuse of Financial Institutions in the Financing of Terrorism? // Financing Terrorism / Mark Pieth Ed. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publisher, 2004. P. 41–48.

⁸ Kersten A. Financing of Terrorism – A Predicate Offence to Money Laundering? // Financing Terrorism. Mark Pieth Ed. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publisher, 2004. P. 49–56.

В отчете Всемирного банка говорится о глобализации как о процессе экономического роста и экономического сближения между государствами, который начинается лишь в девятнадцатом веке. По мнению авторов отчета, именно экономика лежит в основе создания единого пространства во всех сферах общественной жизни⁹.

Примечательно, что сторонники и первой и второй точек зрения исходят из предположения, что причины универсализации коренятся в процессах, происходящих исключительно в Европе. За пределами исследований остались иные, не менее важные для развития мирового пространства, вложившие огромный вклад в становление современности, общества и цивилизации. Европейские стандарты несомненно сыграли ведущую роль в формировании облика нынешнего мира. Однако нельзя абсолютизировать значение Европы. Европоцентризм мешает дать объективную оценку вкладу дальневосточной, мусульманской и иных цивилизаций в развитие личности, в том числе и юридической, современного общества. Региональный, в частности европейский, снобизм в оценке историко-политической роли, кроме того, создает почву для цивилизационно-этнического напряжения, конфликта; способствует нерациональному разделению мира на «прогрессивные» и «отсталые» нации и государства. Думается, что оба подхода – и цивилизационный и экономико-глобалистический – излишне упрощают картину, не могут считаться полностью истинными.

Представляется, что единое мировое пространство по-настоящему начинает проявлять себя в период масштабного, системного становления национального государства как политико-правового явления. Формирование национальных границ, открытие, освоение и колонизация Нового Света, создание всемирных торговых путей стали признаками нового этапа развития нашего мира. К.А. Бейли называет XV–XIX вв. периодом «универсализации власти»¹⁰. А. МакКеон об этом же времени го-

⁹ World Bank Policy Research Report, Globalization, Growth, and Poverty: Building an Inclusive World Economy, 2002, P. 23–31.

¹⁰ Bayly C. A. The Birth of the Modern World, 1780–1914: Global Connections and Comparisons. Oxford. 2004. P. 13, 27, 31.

ворит как об этапе «захватывающей диффузии и гомогенизации политической формы», в рамках которого сформировался глобальный политический заказ¹¹. С. Хантингтон утверждает, что после 1500 г. возникает международная система с доминированием Запада, знаменующая важный этап развития глобальной политики¹².

Можно ли назвать это время началом глобализации? Ответ должен быть скорее отрицательным, чем утвердительным. Мир, стоявший на пороге развития капитализма, только пробовал новые, универсальные способы организации жизни, создавал базу для всемирных связей. До начала XIX в. не было мирового взаимодействия субъектов международной политики, шел процесс «поглощения» крупными державами периферии и включения ее в политическую действительность. Таким образом, XV в. – начало XIX в. логично назвать периодом становления единого мирового пространства, «предглобализационным» периодом.

В это время оформляется несколько теорий, сыгравших существенную роль в процессе становления международного терроризма. Речь идет либо об учениях, создавших идеологические условия для возникновения интересующего нас феномена, либо об идеях, впоследствии вошедших как составные элементы в террористическую доктрину.

В первую очередь необходимо сказать о формировании первой универсальной правовой системы международных отношений с выраженным доминированием Европы. В Новое время насилие продолжало оставаться господствующим элементом политического поведения, определяя характер межгосударственных отношений. Многие исследователи отмечают милитаризированный характер истории западной цивилизации, в которой общим правилом были бесконечные войны, а мирное время воспринималось лишь как исключение¹³. Технологически развитый Запад начинает активную экспансию за преде-

лами Старого Света и осуществляет попытки передела уже освоенного, традиционного для себя пространства. По мнению Дж. Паркера, политический подъем европейской цивилизации обуславливался грамотным применением силы: «Запад завоевал мир не из-за превосходства своих идей, ценностей или религии (в которую было обращено лишь небольшое количество представителей других цивилизаций), но скорее превосходством в применении организованного насилия. Жители Запада часто забывают этот факт; жители не-Запада никогда этого не забудут»¹⁴.

Два фактора: сформировавшаяся европейская система национальных государств и выраженный насильственный характер политики – стали важными аргументами появления первого глобального международного договора – Вестфальского мирного трактата (1648 г.), объединившего в своих рамках Оснабрюкский (между императором Священной Римской империи и его союзниками, с одной стороны, Швецией и союзниками – с другой)¹⁵ и Мюнстерский (между императором и Францией и ее союзниками) мирные договоры¹⁶. В систему данного трактата были включены все крупные, в терминологии того периода времени – «цивилизованные», европейские державы.

Ученые по-разному оценивают вклад и роль Вестфальского договора в развитие современного международного правопорядка. И.И. Лукашук считал, что он подготовил переход к эпохе буржуазного международного

¹⁴ Parker G. *The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West*. Cambridge. Cambridge University Press. 1988. P. 4.

¹⁵ Westfälischer Friede – Vertrag von Osnabrück . Friedens-Schluß / Zwischen der Römischen Käyserlichen / Auch Königl. Schwedischen Mayst. Mayst. Mit der Röm. Käys. Mayst. Special-Gnad vnd Freyheit Auch Churfürstl. Mäyntzischer Concession nicht nachzudrucken. Gedruckt zu Mäyntz / bey Nicolao Heyll. In Verlegung Philipps Jacob Fischers zu Franckfurt. Im Jahr M. DC. XLIX.

¹⁶ Westfälischer Friede – Vertrag von Münster Friedens-Schluß / So von der Römischen Käyserlichen / Vnd Aller-Christl. Königl. Mayst. Mayst. Als auch Deß Heyl. Römischen Reichs Extraordinari- Deputirten, vnd anderer Chur:Fürsten vnd Ständ Gevoll- mächtigten vnd Hochansehnlichen Herren Abgesandten zu Münster in Westphalen / am 24/14. Octobris Im Jahr 1648. in öffentlicher Versamblung vnderschieden vnd bekräftiget / auch den 25/15. eiusdem solenniter publicirt worden / etc. Auß dem wahren Original, wie es bey dem Chur-Mäyntzis. Reichs- Directorio deponirt worden / in Teutsche versetzt. Mit der Röm. Käys. Mayst. Special- Gnad vnd Freyheit; Auch Churfürstl. Mäyntzischer Concession nicht nachzudrucken Gedruckt zu Mäyntz / bey Nicolao Heyll. In Verlegung Philipps Jacob Fischers zu Franckfurt. Im Jahr M. DC. XLIX.

¹¹ Mc Keown A. *Periodizing Globalization*// *History Workshop Journal*. 2007. № 63(1). P. 223.

¹² Хантингтон С. Указ. соч. С. 66.

¹³ Арас Дж. *Терроризм вчера, сегодня и навеки* // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/-Aras/index.php (последнее посещение – 03.07.2013); Хантингтон С. Указ. соч. С. 65; Howard M. *The Military Factor in European Expansion* // *The Expansion of International Society*. Oxford. Clarendon Press, 1984. P. 33; Tilly C. *Reflections on the History of European State-making*// *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton. Princeton University Press. 1975. P. 18.

права¹⁷; Л. Гросс говорил, что трактат представлял собой основы международного конституционного права, а также первый пример общегосударственного регулирования действий государств¹⁸. Г.А. Дробот¹⁹, М.М. Лебедева²⁰, Дж. Арас²¹, С.В. Кортунув²² полагают, что Вестфаль стал правовой основой для формирования современного правопорядка, заложил принципиальную основу международно-публичных отношений, основные элементы которой действуют и в настоящее время. А. Бергесен и О. Лизардо представляют Вестфальский договор легальной точкой отсчета современной мировой системы, первым примером мировой гегемонии национального государства – империи²³.

Вестфальский трактат действительно оказал исключительно важное влияние на становление современного международного права, придав легитимный характер уже сложившимся, традиционным для европейской политики принципам политического поведения, заложил правовые основы для новых принципов, впоследствии ставших конституционными как для абсолютного большинства государств, так и для всего мирового сообщества в целом. Важно отметить, что не меньшее, а, может, и большее значение для международного права имели заложенные в трактате идеи, чем непосредственно его статьи.

Итак, какие правила, имеющие существенную роль в рамках исследуемой темы, закрепил Вестфаль? Так, впервые были провозглашены принципы суверенитета и равенства государств. Вестфальская система базируется на принципе суверенного равенства государств и, следовательно, на принципе не-

вмешательства во внутренние дела друг друга («право на территорию и верховенство»). В идейном плане становление национальных суверенных государств было обосновано в трудах Ж. Бодена («Книга шести государств»), сформулировавшего понятие «суверенитет», Н. Макиавелли («Государь»), разработавшего категорию «государственный интерес» и Г. Гроция («О праве войны и мира»), раскрывшего специфику международного права и его принципиальное отличие от других юридических дисциплин.

Международно-правовая теория и политика европейских держав на протяжении столетий ограничено понимали принципы равенства государств и государственного суверенитета. Равными признавались лишь те субъекты, которые исконно принадлежали к европейской цивилизации. Показательно, что как полноправный участник «европейского дома» в Оснабрюкском договоре упоминалась Россия (в терминологии договора – Московское княжество). Уже в то время Россия, только-только пережившая смуту и интервенцию, постепенно восстанавливающаяся, считалась неотъемлемой частью Европы. С не-западными государствами и обществами, не попавшими в круг участников вестфальских правоотношений, был установлен режим «господства – подчинения». Таким участникам отказывалось в праве на суверенитет, на равный статус. Объективным основанием такого положения дел стала колониальная экспансия Европы и начавшийся имперский раздел мира.

Строго говоря, Вестфальский трактат заложил в политико-правовую основу международных отношений принцип двойного стандарта в определении самостоятельности и независимости государства: если оно принадлежало к кругу «избранных» держав, то наличие у него суверенитета никто не ставил под сомнение; если же оно находилось за рамками такого круга, считалось допустимым во имя высоких целей вторгаться в его внутренние и внешнеполитические дела. Уже в XIX в. наука международного права видела проблему в противоречии между теоретическим и реальным уровнях государственного суверенитета, в неравноправии великих держав и, в терминологии Ф.Ф. Мартенса, «слабых государств». Например, Д.П. Никольский писал: «...Равенство государств может быть признано только в теории, на самом же деле оно не существует...»²⁴. Видный русский,

¹⁷ Лукашук И.И. Возникновение и становление международного права // Вестник Киевского университета. Серия «Международные отношения и международное право». 1984. № 18. С. 25.

¹⁸ Приводится по: Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И. История международного права. М., 1991. С. 97.

¹⁹ Дробот Г.А. История мировой политики // <http://rudocs.exdat.com/docs/index-171133.html> (последнее посещение – 03.07.2013).

²⁰ Лебедева М.М. Мировая политика: политическая реальность и предметное поле дисциплины // Мировая политика в условиях кризиса: учебное пособие / под ред. С.В. Кортунува. М., 2010. С. 4.

²¹ Арас Дж. Указ. соч.

²² Кортунув С.В. Крушение Вестфальской системы и становление нового мирового порядка // http://www.wpress.ru/text/200708310905.htm#_ftn1 (последнее посещение – 03.07.2013).

²³ Bergesen A. J., Lizardo O. International Terrorism and the World-System // *Sociological Theory*, Vol. 22, No. 1, Theories of Terrorism: A Symposium. (Mar., 2004). P. 47–49.

²⁴ Никольский Д.П. Международное право (популярные лекции для самообразования). СПб., 1903. С. 9.

а потом и советский юрист-международник В.Э. Грабарь считал, что принцип равенства никогда не соблюдался в рамках европейской в частности, и мировой в целом, политики. Ученый приводит многочисленные примеры из международно-правовой сферы XIX – начала XX вв. и приходит к выводу, что современное ему международное право приспособлено для реализации интересов крупных держав. По мнению В.Э. Грабаря, реализация принципа равенства ослабила международное пространство, создала в нем почву для конфликтов²⁵.

Достаточно скептически оценивают реализацию принципов равенства государств и суверенитета государств по Вестфальской системе ряд ученых современного времени. Так, А. Мигранян не считает, что Вестфальская система имеет строго определенную форму; по его мнению, никогда в истории не было равного «суверенитета для всех»: «...и во времена Вестфальской системы, и во времена Версальского мира, Парижской, Берлинской и Ялтинской конференций всегда собирались несколько великих держав, обладавших реальным суверенитетом, и решали проблемы суверенитетов других государств»²⁶. Такая позиция является почти дословным воспроизведением мнения В.Э. Грабаря.

И. Бунин полагает, что Вестфальская система не обеспечивала реализацию суверенитета. Она показала свою уязвимость в нескольких направлениях. Во-первых, она не могла препятствовать «праву сильного». В качестве примера автор приводит процесс объединения Германии, который осуществлялся при абсолютном господстве Пруссии и сопровождался выраженным насилием в отношении иных земель Германии. Во-вторых, принцип безусловного суверенитета государства, по мнению И. Бунина, приводил к массовым нарушениям прав человека, поощряя тиранов на все большие зверства²⁷.

В эпоху ООН были созданы условия для более последовательного соблюдения принципов суверенитета и равноправия государств, однако инерция «великодержавного поведения» продолжает оставаться достаточно явной, находит подтверждение в современной действительности. Это создает почву

для конфликтов среди государств и этносов, что является одним из условий международного терроризма. А. Маруев считает, что современный всплеск террористической атаки – следствие противоречий, вызванных неравномерностью развития стран мира, реакция на униженность и оскорбленность установленным ныне миропорядком, односторонней гегемонией, реакцией на попытки монополизации права применять легитимное насилие и насаждать чужие ценности²⁸.

Второе правило, закрепленное Вестфальской системой, касается ведения военных действий, что означает де-факто легализацию войны как политического инструмента. Правила ведения войны допускали политику нейтралитета, определяли масштабы, средства и способы ведения военных действий. Вестфальское соглашение отказалось от концепции справедливых войн (например крестовых походов) и узаконило агрессивно-наступательные войны, начало и ведение которых было отнесено к законному праву суверенного государства. Эти положения, считает Г.А. Дробот, не вели к пресечению насилия в международных отношениях, но обеспечивали большую ценность нераспространения локального конфликта на всю систему, т.е. способствовали безопасности системы в целом²⁹.

Данный вывод является спорным. Если вспомнить историю масштабных межгосударственных конфликтов поствестфальского периода, то станет очевидным, что в них принимали участие абсолютное большинство ведущих мировых держав: войны за испанское и австрийское наследство, Семилетняя война, Наполеоновские войны, Крымская война 1853–1856 г. и, наконец, обе мировые войны – все они показывают неизбежность глобализации конфликта в случае, если интересы участвующих сторон выходят за локальные пределы.

Практическая значимость легализации военных действий заключается в ином: Вестфальская система не препятствовала традиционно сложившемуся в европейской политике праву сильного, можно даже сказать, что способствовала его закреплению в международном праве. Фактор силы, способность быть великой державой с того времени стали ведущими условиями успешной универсальной политики и права. Одной из основных

25 Приводится по: Левин Д.Б. Наука международного права в России в конце XIX и начале XX вв. М., 1982. С. 173–176.

26 Цит. по: Добрынина Е. Суверенное государство в период глобализации // Российская газета. 2006. 26 июня.

27 Там же.

28 Маруев А. Международный терроризм: под вопросом будущее человечества // Красная Звезда. 2007. 17–23 октяб.

29 Дробот Г.А. История мировой политики.

причин возникающих с того времени кризисов становится либо борьба за лидерство между государствами, либо неспособность к самосохранению и саморегулированию сложившейся системы великих держав. Благодаря такому положению в современное время имеется два важнейших условия международного терроризма. Первое из них – это традиция силового давления как инструмента политического воздействия, используемого в настоящее время не только государствами, но и террористами³⁰; второе – в связи с невероятной сложностью современной социально-политической обстановки неспособность существующей системы великих держав полностью контролировать, удерживать в своем силовом пространстве всю ойкумену. С.В. Картунов говорит об управленческом кризисе стран-лидеров, властном вакууме, который пытаются заполнить своим участием негосударственные акторы, в том числе с помощью эскалации насилия террористические организации³¹.

Можно выделить еще одну, в данном случае третью, черту Вестфальского трактата, которая определила характер современного международного права и специфический статус интернациональных террористических групп. Речь идет об определении круга лиц, получивших статус субъектов международного правового пространства. Таковыми признавались лишь суверенные государства и их правители. Во времена Вестфальского трактата это положение имело решающее значение для определения всего последующего развития международных политико-правовых отношений. Все мировые процессы стали пониматься через призму участия в них государств и правительств³².

Созданная Вестфальским трактатом конструкция несла в себе прогрессивный потенциал и способствовала эффективному развитию мировой политики и права в течение

столетий. Главной задачей Вестфальской системы стало недопущение войны между великими державами. Однако она, будучи продуктом раннебуржуазного времени, не могла предусмотреть современного, пост-глобального вектора развития, связанного с появлением негосударственных участников мировых отношений. Стокгольмский международный институт исследований проблем мира в 2004 г. провел исследование системы мировых вооруженных конфликтов. Согласно его выводам из 19 вооруженных конфликтов 2004 г. не было ни одного межгосударственного³³. Самые ожесточенные и кровопролитные вооруженные конфликты последнего десятилетия (Руанда, Балканы, Афганистан, Таджикистан, Нагорный Карабах) имели внутреннее (этнические и конфессиональные) причины³⁴. Вестфальская система субъектов оказалась излишне жесткой, не поддающейся косметической корректировке, необходимой в связи с ростом негосударственных субъектов, с конкретизацией способов их дозволенного участия в глобальных правоотношениях. В настоящее время правовой статус транснациональных корпораций, негосударственных военных акторов, интернациональных преступных сообществ и т.п. субъектов в значительной мере не определен, не укладывается в существующие модели публичных правоотношений. Эта проблема решается только с помощью масштабного пересмотра базовых основ универсального правопорядка, что представляет собой достаточно сложную задачу. Необходимо изменить акценты в формировании международной системы безопасности, предусмотреть глобальные механизмы противодействия негосударственным субъектам, несущим в себе угрозу миру и человечеству: международным наркокартелям, террористическим группировкам и т.п.

В исследуемый период времени уже появляются негосударственные субъекты, активно участвующие в отношениях, традиционно считавшиеся сферой деятельности государств. Например, Ост-Индская компания, Ганзейский Союз – структуры, созданные как коммерческие организации, но ставшие игроками в большой политике.

³⁰ И.М. Ильинский считает, что международный терроризм появился как ответная реакция «слабых» на террор «сильных» государств (Ильинский И.М. О терроре и терроризме // Между будущим и прошлым. М., 2006. С. 239, 242).

³¹ Картунов С.В. Новая архитектура европейской безопасности // Мировая политика в условиях кризиса. М., 2010. С. 260–261; Его же. Национальная и международная безопасность: концептуальные основы // Там же. С. 36.

³² Фельдман Д., Барабанов О. Если Вестфаль и болен, то этот больной скорее жив, чем мертв... // Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики 2007. Т. 5. № 3 // <http://www.intertrends.ru/fifteen/011.htm> (последнее посещение – 23.01.2013).

³³ Ежегодник СИПРИ 2005: вооружения, разоружение и международная безопасность. М., 2006. С. 126; Дробот Г.А. История мировой политики.

³⁴ Батюк В. Постбиполярная ретроспектива мирового порядка // Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики. Т. 8. № 2 (23). 2010, май-август. С. 3.

Заметную роль в жизни общества того времени играли масонские ложи, которые, по мнению Дж. Каплан, могут считаться одной из первых мировых террористических организаций³⁵. Данная точка зрения, достаточно популярная в американской историко-юридической литературе³⁶, представляется слабо аргументированной. Американские авторы говорят о террористической природе масонской организации XVIII в. прежде всего в связи с исследованиями событий Американской революции. Названные авторы считают главным противником молодого государства (the «land of the free and the home of the brave»³⁷ – территория свободы и родина храбрости) католическо-масонское сообщество – автора заговора против США. По мнению американских исследователей, тактика политического поведения, методы и цели масонов носили террористический характер. Представляется, что такая оценка масонов носит необъективный, бездоказательный характер. Однако отметим, что элементы радикально-экстремистской идеологии были присущи некоторым масонским ложам. Масоны активно принимали участие во Французской революции, российские декабристы почти в полном составе были членами масонских лож, есть сведения о масонской ложе «Баварские иллюминаты» (1776–1787), которая провозгласила целью своей деятельности убийство всех особ правящих домов Европы и за это была запрещена, объявлена преступной³⁸.

В дальнейшем, уже в глобализационную эпоху, появляются международные организации и сообщества, ведущие радикальную национально-освободительную (карбонарии), революционную (Интернационал), преступную (мафия) деятельность. Таким образом, можно сказать, что проблема участия в международных отношениях негосударственных субъектов, особенно с использованием экстремистско-насильственных методов, не является новой для нашей цивилизации. Однако

борьба с такими структурами осуществлялась и осуществляется преимущественно в национальном масштабе, что не дает должного положительного эффекта.

Четвертым положением, легализованным Вестфальским трактатом и оказавшим влияние на становление терроризма, можно считать признание государства, по словам Дж. Арас, абсолютной рамочной надстройкой нации³⁹ и закрепление за ним монополии на насилие. Ж. Боден, впервые сформулировав понятие суверенитета как существенного признака государства, широко обосновал принцип неограниченной власти государства над своими подданными: «Суверенитет – это абсолютная и постоянная власть государства... Абсолютная, не связанная никакими законами власть над гражданами и подданными». Таким образом, суверенитет воспринимался в том числе и как возможность совершения любых незаконных действий в отношении общества и отдельных его представителей.

Легитимно закрепленное насилие государства породило социальный ответ – революционную идеологию, основанную на терроре. Оппортунисты называли свой террор ответной и вынужденной мерой на беззаконие и тиранию государства. Это позволяло им считать ответственным за жертвы официальную власть. Ж.-П. Марат писал, что лучший способ захвата власти – с помощью террора, создающего нервозность, возбуждение толпы. Такая толпа способна реализовать любые политические цели: «... 500–600 отрубленных голов обеспечат покой, свободу и счастье»⁴⁰.

Насилие как эффективный и простой метод политического управления был хорошо понятен социуму. Считалось допустимым для достижения цели использовать любые средства и способы. Устройство справедливого, по мнению оппозиционеров, общества требует жестких мер, полного уничтожения противника, монополии на власть. Не случайно успешные революционные выступления Нового и Новейшего времени очень скоро перерождались в государственный формат, основанный на терроре. Оппозиционное насилие, формально незаконное, достаточно быстро легализовывалось и становилось официальным. Об этом писал В.И. Ленин. Так, в статье «Письмо американским рабочим», давая оценку террору как тактике революционного поведения, указывая на его эффективность

³⁵ Kaplan J. History and Terrorism // The Journal of American History. June 2011. P. 102–103.

³⁶ См., например: Curry R. O., Brown T. M. Conspiracy: The Fear of Subversion in American History. New York, 1972. P. 12; Johnson G. Architects of Fear: Conspiracy Theories and Paranoia in American Politics. Boston, 1983. P. 21–23.

³⁷ Kaplan J. Op. cit. P. 103.

³⁸ Stauffer V.L. New England and the Bavarian Illuminati. // Studies in History, Economics and Political Law, edited by the Faculty of Political science of Columbia University. Volume LXXXII, Number 1. Whole Number 191. Chapter III. Pp. 142–228.

³⁹ Арас Дж. Указ. соч.

⁴⁰ Цит. по: Исаева Т.Б. Основные дефиниции терроризма // Российский следователь, 2008, N 21. С. 8.

и необходимость, он отмечал, что буржуазия считает справедливым и законным террор, применяемый по отношению к феодалам в 1649 г. и 1793 г., и признает его чудовищным и преступным, когда он направлен против буржуазии⁴¹. Революционный террор, первоначально не ассоциированный с государством, противопоставляемый ему, вдруг становился формой государственной политики. Многие исторические примеры подтверждают данный тезис: якобинская диктатура и Термидор во Франции⁴², красный террор в Советской России, «политика ста цветов» и культурная революция в маоистском Китае и др.

Легальное международное закрепление государственной монополии на террор стало одним из катализаторов проникновения идеи насилия в социум, отрицания его государ-

ственной концепции, становления террора как протестного инструмента для всех. Я. Вишняков, Дж. Дер Дериан, Н. Неймарк считают, что Французская революция, став своеобразным водоразделом между предысторией и историей террористического движения, представляет собой событие, когда впервые масштабно проявилась эта специфика⁴³. В целом можно согласиться с подобной точкой зрения. Если период до Французской революции можно охарактеризовать как время с превалирующим государственным насилием, по терминологии Ю.В. Горбунова, – государственным терроризмом⁴⁴, то с XIX в. террор теряет свой официально-властный характер, социализируется, становится, по мнению видного американского международного Дж. Дер Дериана, социотерроризмом⁴⁵.

Библиография:

1. Bayly C. A. The Birth of the Modern World, 1780–1914: Global Connections and Comparisons. Oxford. 2004. 540 p.
2. Bergesen A. J., Lizardo O. International Terrorism and the World-System // Sociological Theory, Vol. 22, No. 1, Theories of Terrorism: A Symposium. (Mar., 2004). P. 38–52.
3. Bozeman A. D. Strategic Intelligence and Statecraft. Selected Essays. Washington, DC: Brassey's, 1992. 259 p.
4. Curry R. O., Brown T. M. Conspiracy: The Fear of Subversion in American History. New York, Cornell University press. 1972. 370 p.
5. Derian J. Der. Critical practices of international theory. Selected essays. By Routledge. NY, 2009. 328 p.
6. Freeland Ch. How Can Sound Customer Due Diligence Rules Help Prevent the Misuse of Financial Institutions in the Financing of Terrorism? // Financing Terrorism / Mark Pieth Ed. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publisher, 2004. P. 41–48.
7. Howard M. The Military Factor in European Expansion // The Expansion of International Society. Oxford. Clarendon Press, 1984. P. 33–42.
8. Johnson G. Architects of Fear: Conspiracy Theories and Paranoia in American Politics. Los Angeles: Tarcher/Houghton Mifflin. 490 p.
9. Kaplan J. History and Terrorism // The Journal of American History. June/ 2011. P. 101–107.
10. Kersten A. Financing of Terrorism-A Predicate Offence to Money Laundering? // 4 European Journal Law Reform 299 (2002). P. 49–56
11. Mc Keown A. Periodizing Globalization // History Workshop Journal. 2007. № 63(1). P. 218–230.
12. Naimark N. Terrorism and the Fall of Imperial Russia // Terrorism: Critical Concepts in Political Science, Abingon, 2006. P. 269–292.
13. Parker G. The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West. Cambridge. Cambridge University Press. 1988. 282 p.

⁴¹ Ленин В.И. Письмо американским рабочим // ПСС. Т. 37. С. 56.

⁴² Стоит согласиться с господствующим мнением, что провозглашение Директорией в 1793 г. террора в качестве официальной политики республиканской Франции представляет собой первый прецедент государственного террора, оформленного де-юре.

⁴³ Вишняков Я. Основы противодействия терроризму. М., 2006. С. 4–6; Derian James Der. Critical practices of international theory. Selected essays. By Routledge. NY, 2009. P. 76; Naimark, Norman. Terrorism and the Fall of Imperial Russia // Terrorism and Political Violence. Vol.2. Numb.2. Summer 1990. P. 172.

⁴⁴ Горбунов Ю.С. Зарождение терроризма // История государства и права. 2007. № 17. С. 11–15.

⁴⁵ Derian J. Der. Critical practices of international theory. P. 76–79.

14. Stauffer V.L. New England and the Bavarian Illuminati. //Studies in History, Economics and Political Law, edited by the Faculty of Political science of Columbia University. Volume LXXXII, Number 1. Whole Number 191. Chapter III. Pp. 142–228.
15. Tilly C. Reflections on the History of European State-making// The Formation of National States in Western Europe. Princeton. Princeton University Press. 1975. P. 3–83.
16. Westfälischer Friede – Vertrag von Münster Friedens-Schluß / So von der Römischen Käyserlichen / Vnd Aller-Christl. Königl. Mayst. Mayst. Als auch Deß Heyl. Römischen Reichs Extraordinari-Deputirten, vnd anderer Chur:Fürsten vnd Ständ Gevoll-mächtigten vnd Hochansehnlichen Herren Abgesandten zu Münster in Westphalen / am 24/14. Octobris Im Jahr 1648. in öffentlicher Versamblung vnderschrieben vnd bekräftiget / auch den 25/15. eiusdem solenniter publicirt worden / etc. Auß dem wahren Original, wie es bey dem Chur-Mäyntzis. Reichs-Directorio deponirt worden / in Teutsche versetzt. Mit der Röm. Käys. Mayst. Special-Gnad vnd Freyheit; Auch Churfürstl. Mäyntzischer Concession nicht nachzudrucken Gedruckt zu Mäyntz / bey Nicolao Heyll. In Verlegung Philipps Jacob Fischers zu Franckfurt. Im Jahr M. DC. XLIX.
17. Westfälischer Friede – Vertrag von Osnabrück . Friedens-Schluß / Zwischen der Römischen Käyserlichen / Auch Königl. Schwedischen Mayst. Mayst. Mit der Röm. Käys. Mayst. Special-Gnad vnd Freyheit Auch Churfürstl. Mäyntzischer Concession nicht nachzudrucken. Gedruckt zu Mäyntz / bey Nicolao Heyll. In Verlegung Philipps Jacob Fischers zu Franckfurt. Im Jahr M. DC. XLIX.
18. World Bank Policy Research Report, Globalization, Growth, and Poverty: Building an Inclusive World Economy, 2002, P. 23–31.
19. Арас Дж. Терроризм вчера, сегодня и навеки. – Баку, 2003.
20. Барышников Д.Н. Международный терроризм в условиях глобализации // <http://www.anthropology.ru/ru/texts/barishnikov>.
21. Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И. История международного права. – М., 1991.
22. Батюк В. Постбиполярная ретроспектива мирового порядка // Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики. – Т. 8. – № 2 (23). – 2010, май-август.
23. Вишняков Я. Основы противодействия терроризму. – М., 2006.
24. Геродот. История. – М., 2007.
25. Горбунов Ю.С. Зарождение терроризма // История государства и права. – 2007. – № 17.
26. Добрынина Е. Суверенное государство в период глобализации // Российская газета. – 2006. 26 июня.
27. Дробот Г.А. История мировой политики // <http://rudocs.exdat.com/docs/index-171133.html>.
28. Ежегодник СИПРИ 2005: вооружения, разоружение и международная безопасность. – М., 2006.
29. Ильинский И.М. О терроре и терроризме // Между будущим и прошлым. – М., 2006.
30. Кортунов С.В. Крушение Вестфальской системы и становление нового мирового порядка // http://www.wpec.ru/text/200708310905.htm#_ftn1.
31. Кортунов С.В. Национальная и международная безопасность: концептуальные основы (с. 36–63) // Мировая политика в условиях кризиса. – М., 2010.
32. Кортунов С.В. Новая архитектура европейской безопасности // Мировая политика в условиях кризиса. – М., 2010.
33. Лебедева М.М. Мировая политика: политическая реальность и предметное поле дисциплины // Мировая политика в условиях кризиса. – М., 2010.
34. Левин Д.Б. Наука международного права в России в конце XIX в. и начале XX в. – М., 1982.
35. Ленин В.И. Письмо американским рабочим // ПСС. Т. 37.
36. Литовка О.Л., Межевич Н.М. Глобализм и регионализм – тенденции мирового развития и фактор социально-экономического развития России. – СПб., 2002.
37. Лукашук И.И. Возникновение и становление международного права // Вестник Киевского университета. Серия «Международные отношения и международное право». – 1984. – № 18.
38. Маруев А. Международный терроризм: под вопросом будущее человечества // Красная Звезда. 2007, 17 – 23 октяб.
39. Никольский Д.П. Международное право (популярные лекции для самообразования). – СПб., 1903.
40. Фельдман Д., Барабанов О. Если Вестфаль и болен, то этот больной скорее жив, чем мертв... // Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики. – 2007. – Т. 5. – № 3.

41. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., 2003.
 42. Шпенглер О. Закат Европы. Образ и действительность. В 2 т. Т. 1. – М., 1993.

References:

1. Bayly C. A. The Birth of the Modern World, 1780–1914: Global Connections and Comparisons. Oxford. 2004. 540 p.
2. Bergesen A. J., Lizardo O. International Terrorism and the World-System // Sociological Theory, Vol. 22, No. 1, Theories of Terrorism: A Symposium. (Mar., 2004). R. 38–52.
3. Bozeman A.D. Strategic Intelligence and Statecraft. Selected Essays. Washington, DC: Brassey's, 1992. 259 p.
4. Curry R. O., Brown T. M. Conspiracy: The Fear of Subversion in American History. New York, Cornell University press. 1972. 370 p.
5. Derian J. Der. Critical practices of international theory. Selected essays. By Routledge. NY, 2009. 328 p.
6. Freeland Ch. How Can Sound Customer Due Diligence Rules Help Prevent the Misuse of Financial Institutions in the Financing of Terrorism? // Financing Terrorism / Mark Pieth Ed. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publisher, 2004. P. 41–48.
7. Howard M. The Military Factor in European Expansion// The Expansion of International Society. Oxford. Clarendon Press, 1984. R. 33–42.
8. Johnson G. Architects of Fear: Conspiracy Theories and Paranoia in American Politics. . Los Angeles: Tarcher/Houghton Mifflin. 490 p.
9. Kaplan J. History and Terrorism // The Journal of American History. June/ 2011. P. 101–107.
10. Kersten A. Financing of Terrorism-A Predicate Offence to Money Laundering? // 4 European. Journal Law Reform 299 (2002). P. 49–56.
11. Mc Keown A. Periodizing Globalization// History Workshop Journal. 2007. № 63(1). R. 218-230.
12. Naimark N. Terrorism and the Fall of Imperial Russia // Terrorism: Critical Concepts in Political Science, Abingon, 2006. P. 269–292.
13. Parker G. The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West. Cambridge. Cambridge University Press. 1988. 282 p.
14. Stauffer V.L. New England and the Bavarian Illuminati. //Studies in History, Economics and Political Law, edited by the Faculty of Political science of Columbia University. Volume LXXXII, Number 1. Whole Number 191. Chapter III. Rp. 142–228.
15. Tilly C. Reflections on the History of European State-making// The Formation of National States in Western Europe. Princeton. Princeton University Press. 1975. R. 3–83.
16. Westfälischer Friede – Vertrag von Münster Friedens-Schluß / So von der Römischen Käyserlichen / Vnd Aller-Christl. Königl. Mayst. Mayst. Als auch Deß Heyl. Römischen Reichs Extraordinari-Deputirten, vnd anderer Chur:Fürsten vnd Ständ Gevoll-mächtigten vnd Hochansehnlichen Herren Abgesandten zu Münster in Westphalen / am 24/14. Octobris Im Jahr 1648. in öffentlicher Versamblung vnderschieden vnd bekräftiget / auch den 25/15. eiusdem solenniter publicirt worden / etc. Auß dem wahren Original, wie es bey dem Chur-Mäyntzis. Reichs-Directorio deponirt worden / in Teutsche versetzt. Mit der Röm. Käys. Mayst. Special-Gnad vnd Freyheit; Auch Churfürstl. Mäyntzischer Concession nicht nachzudrucken Gedruckt zu Mäyntz / bey Nicolao Heyll. In Verlegung Philipps Jacob Fischers zu Franckfurt. Im Jahr M. DC. XLIX.
17. Westfälischer Friede – Vertrag von Osnabrück . Friedens-Schluß / Zwischen der Römischen Käyserlichen / Auch Königl. Schwedischen Mayst. Mayst. Mit der Röm. Käys. Mayst. Special-Gnad vnd Freyheit Auch Churfürstl. Mäyntzischer Concession nicht nachzudrucken. Gedruckt zu Mäyntz / bey Nicolao Heyll. In Verlegung Philipps Jacob Fischers zu Franckfurt. Im Jahr M. DC. XLIX.
18. World Bank Policy Research Report, Globalization, Growth, and Poverty: Building an Inclusive World Economy, 2002, R. 23–31.
19. Aras Dzh. Terrorizm vchera, segodnya i naveki. Baku. 2003. 109 s.
20. Baryshnikov D.N. Mezhdunarodnyi terrorizm v usloviyakh globalizatsii// <http://www.anthropology.ru/ru/texts/barishnikov> (provereno 03.07.2013)
21. Baskin Yu.Ya., Fel'dman D.I. Istoriya mezhdunarodnogo prava M., «Mezhdunarodnye otnosheniya» 1991.
22. Batyuk V. Postbipolyarnaya retrospektiva mirovogo poryadka// Mezhdunarodnye protsessy. Zhurnal teorii mezhdunarodnykh otnoshenii i mirovoi politiki. T. 8 № 2 (23), mai-avgust 2010.

23. Vishnyakov Ya. Osnovy protivodeistviya terrorizmu. M. 2006.
24. Gerodot. Istoriya. M., Izd-vo AST. 2007.
25. Gorbunov Yu.S. Zarozhdenie terrorizma //Istoriya gosudarstva i prava, 2007, № 17.
26. Dobrynina E. Suverennoe gosudarstvo v period globalizatsii// Rossiiskaya gazeta. 26.06.2006.
27. Drobot G.A. Istoriya mirovoi politiki // <http://rudocs.exdat.com/docs/index-171133.html> (provereno 03.07.2013)
28. Ezhegodnik SIPRI 2005: vooruzheniya, razoruzhenie i mezhdunarodnaya bezopasnost'. M.: Nauka, 2006.
29. Il'inskii I.M. O terrore i terrorizme // Mezhdubudushchim i proshlym. M., 2006.
30. Kortunov S.V. Krushenie Vestfal'skoi sistemy i stanovlenie novogo mirovogo poryadka // http://www.wpec.ru/text/200708310905.htm#_ftn1 (provereno 03.07.2013)
31. Kortunov S.V. Natsional'naya i mezhdunarodnaya bezopasnost': kontseptual'nye osnovy (s. 36–63) // Mirovaya politika v usloviyakh krizisa.
32. Kortunov S.V. Novaya arkhitektura evropeiskoi bezopasnosti // Mirovaya politika v usloviyakh krizisa. M. 2010.
33. Lebedeva M.M. Mirovaya politika: politicheskaya real'nost' i predmetnoe pole distsipliny. // Mirovaya politika v usloviyakh krizisa.
34. Levin D.B. Nauka mezhdunarodnogo prava v Rossii v kontse Kh1Kh v i nachale KhKh v. M., «Nauka», 1982.
35. Lenin V.I. Pis'mo amerikanskim rabochim// Polnoe sobranie sochinenii. Izd. 5. T. 37.
36. Litovka O.L., Mezhevich N.M. Globalizm i regionalizm – tendentsii mirovogo razvitiya i faktor sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii. SPb., Kul't-inform-press. 2002.
37. Lukashuk I.I. Vozniknovenie i stanovlenie mezhdunarodnogo prava// Vestnik Kievskogo universiteta. Seriya «Mezhdunarodnye otnosheniya i mezhdunarodnoe pravo». 1984.№ 18.
38. Maruev A. Mezhdunarodnyi terrorizm: pod voprosom budushchee chelovechestva // Krasnaya Zvezda. 17-23 oktyabrya 2007 g.
39. Nikol'skii D.P. Mezhdunarodnoe pravo: (populyarnye lektsii dlya samoobrazovaniya). SPb., 1903.
40. Fel'dman D. Barabanov O. Esli Vestfal' i bolen, to etot bol'noi skoree zhiv, chem mertv...// Mezhdunarodnye protsessy. Zhurnal teorii mezhdunarodnykh otnoshenii i mirovoi politiki 2007. T. 5. № 3.
41. Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsii M.: OOO «Izdatel'stvo AST», 2003.
42. Shpengler O. Zakat Evropy. Obraz i deistvitel'nost'. Tom 1. M., «Filosofiya». 1993.

Материал поступил в редакцию 25 января 2014 г.

ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

С.А. Насонов*

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДЕЛОВ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА СУДОМ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Аннотация. Статья посвящена особенностям пределов судебного разбирательства при рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей. Первая особенность состоит в «разделении» обвинения на части (элементы), подлежащие исследованию с участием присяжных заседателей и исследуемые только после вынесения вердикта. Вторая особенность обусловлена составлением особого процессуального акта – вопросного листа, представляющего собой изложение фактической основы обвинения, а нередко и фактической основы позиции защиты. Следующий круг проблем связан с закрепленной в УПК РФ возможностью сторон ставить перед присяжными частные и альтернативные вопросы, которые могут изменять содержание обвинения. Сложности с соблюдением пределов обусловлены также правом присяжных при вынесении вердикта признавать какие-либо обстоятельства недоказанными, т.е. изменять фактическую сторону обвинения. Завершает статью анализ проблем соответствия формулировки и юридической квалификации преступления в приговоре суда фактическим обстоятельствам, установленным вердиктом присяжных заседателей.

Ключевые слова: юриспруденция, пределы судебного разбирательства, суд присяжных, вердикт, приговор, изменение обвинения, вопросный лист, обвиняемый, обвинение, присяжные заседатели.

DOI: 10.7256/1729-5920.2014.5.7340

Разделение компетенции между председательствующим судьей и коллегией присяжных заседателей оказывает существенное воздействие на все аспекты судебного разбирательства в суде присяжных, в том числе и на его пределы.

С одной стороны, в ст. 252, 335, 336 УПК РФ не говорится о каких-либо особенностях действия этого общего условия судебно-

го разбирательства в суде с участием присяжных заседателей. Но с другой – особенности судебного следствия и прений сторон в суде присяжных, наличие институтов постановки вопросов присяжным заседателям, вердикта присяжных, этапа обсуждений последствий этого вердикта объективно предопределяют особенности пределов судебного разбирательства в данной форме судопроизводства.

© Насонов Сергей Александрович

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

[sergei-nasonov@yandex.ru]

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Статья подготовлена в ходе выполнения поисковой научно-исследовательской работы в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.

Эти особенности проявляются прежде всего в содержании обвинения и образующих его обстоятельств, которые подлежат доказыванию в судебном заседании с участием присяжных заседателей.

Исходя из правила разделения компетенции (ст. 334 УПК РФ), до вынесения присяжными заседателями вердикта по делу стороны не могут исследовать и оценивать в судебном заседании сугубо юридические аспекты обвинения. Этот запрет касается как судебного следствия, прений сторон, так и этапа постановки вопросов присяжным заседателям. Нарушение запрета нередко рассматривается судом второй инстанции как основание к отмене приговора, постановленного на основании вердикта присяжных заседателей.

В практике Верховного Суда РФ уже длительное время проявляется тенденция жесткого разделения вопросов права и факта применительно к пределам судебного разбирательства в суде присяжных.

Так, в определении Верховного Суда РФ от 24.02.1998 отмечалось: «...В суде присяжных коллегия присяжных заседателей принимает участие в исследовании обстоятельств дела и разрешает вопросы только о факте. Все правовые и процессуальные вопросы входят в исключительную компетенцию председательствующего судьи и разрешаются без участия присяжных заседателей»¹.

При рассмотрении дела К. защитник подсудимого, выступая в прениях, сообщила присяжным заседателям следующее: «Было ли у него намерение, которое юридически называется умыслом, своими действиями причинить телесные повреждения человеку, от которых могла наступить смерть, но по не зависящим от него обстоятельствам не наступила? Нельзя упускать из вида, что, возможно, это было не покушение на убийство, а причинение тяжкого вреда здоровью». Отменяя приговор по данному делу, Верховный Суд РФ отметил, что «...суд необоснованно оставил без внимания вышеприведенное выступление адвоката перед коллегией присяжных заседателей относительно наличия умысла и юридической квалификации действий К., которые подлежали рассмотрению без участия присяжных заседателей, а это могло повлиять на их мнение о виновности или невиновности К.»².

В соответствии с ч. 5 ст. 339 УПК РФ при составлении вопросного листа не могут ставиться отдельно либо в составе других вопросы, требующие от присяжных заседателей юридической квалификации статуса подсудимого, а также иные вопросы, требующие собственно юридической оценки при вынесении присяжными заседателями своего вердикта. Данное правило – также проявление рассматриваемой особенности пределов судебного разбирательства в суде присяжных, его нарушение влечет отмену приговора судом второй инстанции.

Так, Верховный Суд РФ отменил приговор по делу в отношении К., А. и Т., поскольку недопустима постановка вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями, с использованием юридических терминов. Эти требования закона нарушены председательствующим при составлении вопросного листа по уголовному делу в отношении К., А. и Т. Вопросы № 1, 2, 5, 8, 11, 12, 15, 18, 21, 22, 25, 28 в вопросном листе требовали собственно юридической оценки при вынесении присяжными заседателями своего вердикта, поскольку содержали юридические термины, такие как «организованная группа»³.

По другому делу Верховный Суд РФ, отменяя приговор, отметил, что «...перед коллегией присяжных заседателей 1 и 2 вопросы сформулированы с применением юридических терминов, подлежащие юридической, уголовно-правовой оценке: «унижены честь и достоинство» «в связи с отправлением ей правосудия», «проявляя неуважение к суду»⁴.

Указанные аспекты обвинения устанавливаются на этапе обсуждения последствий вердикта присяжных заседателей, где проводится вторая часть судебного следствия и прений сторон.

Эта особенность пределов судебного разбирательства в суде присяжных до сих пор является предметом острой дискуссии между сторонниками различных моделей разделения компетенции между присяжными заседателями и председательствующим судьей.

В уголовно-процессуальном праве исторически сформировались две теории разделения компетенции между присяжными и председательствующим судьей. Первая теория, общеизвестная и наиболее распространенная, за-

¹ Цит. по: Пашин С.А. Становление правосудия. М., 2011. С. 271.

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 05.09.2006 № 11-006-86сп // СПС «КонсультантПлюс».

³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 07.06.2006 № 26-006-4сп // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 04.05.2012 № 41-012-24сп // СПС «КонсультантПлюс».

ключается в том, что судьи решают вопросы права, а присяжные – вопросы факта (*de jure respondent judices, de facto juratores*).

В 1860-х гг. теория факта и права подверглась серьезной критике в германской литературе. Глазер, Гнейст, Гейнце, Бар, Гуго-Мейер доказывали ее несоответствие задачам правосудия и сущности института присяжных заседателей. В результате была предложена другая теория, получившая господство в германском законодательстве того периода, – виновности и наказания. Согласно ей присяжные заседатели разрешают вопрос о виновности в полном его объеме как со стороны фактической, так и со стороны правовой, а коронные судьи применяют к признанной виновности установленное наказание и вместе с тем решают те процессуальные вопросы, которые возникают при рассмотрении дела⁵.

Основные аргументы сторонников теории виновности и наказания сводятся к следующему:

- 1) вопрос о виновности подсудимого не может быть отнесен только к фактическим вопросам, поскольку представляет собой результат нравственно-правовой оценки присяжными заседателями деяния подсудимого, которое они признали доказанным;
- 2) во многих случаях деление на факт и право просто невозможно: немало таких преступлений, где нельзя рассуждать о факте, не рассуждая о праве, или где, наоборот, нельзя признать виновность без возможности свободно вникнуть в фактическую сторону дела⁶.

Среди современных исследователей суда присяжных сторонниками теории виновности и наказания являются Л.М. Карнозова, Г.Н. Борзенков, М.В. Немытина, С.А. Пашин и др.

Так, Л.М. Карнозова относит факты, которые устанавливаются присяжными заседателями, не просто к фактам реальной жизни, а к юридически значимым представлениям об исследованных событиях и заключает, что в суде присяжных идет речь не о разделении факта и права, а о разделении сфер, где требуются специальные юридические знания и где они не требуются⁷. Она подчеркивает, что

«...если присяжные решают вопрос о виновности, они... решают вопрос правовой»⁸.

Поддерживает в своих рассуждениях Л.М. Карнозову и Г.Н. Борзенков: «Требование четкого отграничения вопросов факта от вопросов права практически неосуществимо. Возьмем основную триаду вопросов, подлежащих разрешению коллегией присяжных заседателей... Каждый из поставленных вопросов является одновременно и вопросом факта, и вопросом права. Что такое “соответствующее деяние”, как не конкретное преступление, предусмотренное законом? И как решить, “имело ли оно место” и совершил ли его подсудимый, если не путем сопоставления содеянного с признаками конкретного состава преступления?»⁹.

М.В. Немытина отмечает, что «...нельзя направить практику по такому пути, при котором судьи бы занялись “переводом” с юридического языка на общеупотребительный принятых в законе понятий и определений»¹⁰. Она видит два пути решения данной проблемы: 1) более детально с учетом теории уголовного права и процесса, практики применения определить, какие юридические категории понятны присяжным заседателям, а какие нет, какие могут вызвать у них противоречивое толкование, то есть дифференцированный подход; 2) ввести в уголовно-процессуальный закон норму, предоставляющую присяжным заседателям право разрешать вопрос о виновности подсудимого во всем его объеме, по существенным признакам состава преступления, как фактическим, так и правовым¹¹.

С.А. Пашин полагает, что «...признавая за присяжными заседателями роль установителей фактов, Верховный Суд отнимает у них право устанавливать важные для дела юридические факты. Отсюда проистекают парадоксальные запреты на постановку перед присяжными заседателями вопросов о намерениях подсудимого, о мотивах его действий, о состоянии аффекта, а также практика расчленения вопросов о виновности на составляющие, по поводу которых высказываются присяжные заседатели, и элементы, констатируемые судьей по собственному разумению и почину...

⁵ Насонов С.А., Ярош С.М. Вердикт присяжных заседателей. М., 2003. С. 61–62.

⁶ См.: Муравьев Н.В. Из прошлой деятельности. СПб., 1900. Т. 1. С. 221; Гуэ-Глунек. О суде присяжных. СПб., 1865. С. 27–28; Щегловитов И.О. О постановке вопросов на суде присяжных // Юрид. вестник. Издание Моск. юрид. общества. 1888. № 5. С. 52.

⁷ Карнозова Л.М. Возрожденный суд присяжных: замысел и проблемы становления. М., 2000. С. 250–251.

⁸ Карнозова Л.М. Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа. М., 2010. С.333.

⁹ Борзенков Г.Н. Суд присяжных и уголовный закон // Вестник МГУ. Серия «Право». 1994. № 4. С. 36.

¹⁰ Немытина М.В. Российский суд присяжных. М., 1995. С. 84.

¹¹ Немытина М.В. Указ. соч. С. 84.

В результате подобных манипуляций приговор суда с участием присяжных заседателей представляет собой причудливый симбиоз мнения присяжных заседателей о фактах, которые их заставляют устанавливать в терминологии “виновности” и мнения судьи о виновности, к которому он приходит помимо точного смысла вердикта»¹². В связи с этим С.А. Пашин предлагает ставить вопросы присяжным заседателям «в формулировках закона», например «Виновен ли подсудимый И.И. Иванов в убийстве с особой жестокостью?»¹³.

Проблема пределов судебного разбирательства в суде присяжных была характерна и для дореволюционного суда присяжных в России. Согласно ст. 760 Устава уголовного судопроизводства России «...в делах, решаемых с участием присяжных заседателей, предлагаемые им вопросы составляют в общеупотребительных выражениях, по существенным признакам преступления и виновности подсудимого, а не в виде принятых в законе определений»¹⁴. В первые годы деятельности суда присяжных кассационная инстанция (Сенат) своими многочисленными решениями поддерживала обязательность неукоснительного выполнения этой нормы. В результате, как указывал известный русский юрист С. Хрулев, «...такое требование закона и направление кассационной практики привело к тому, что многие общепонятные определения и термины были изгнаны из практики судов и заменены выражениями хотя и “общеупотребительными”, но не всем понятными (например, слова “кража”, “украл”, “изнасиловал” заменялись выражениями “тайное похищение”, “тайно похитил”, “совокупился против ее воли, несмотря на ее сопротивление”)»¹⁵.

Однако в дальнейшем Сенат изменил свою позицию о том, что в вопросах присяжным не должны встречаться выражения, употребляемые в законе. Как отмечал И.Я. Фойницкий, кассационная практика стала различать «между такими выражениями общепонятные и специальные, допуская первые и устраняя вторые». К первым причислялись: умысел, намерение, необходимое пособниче-

ство, случайная ошибка, похищение и т.п., а ко вторым – растрата, покушение, приготовление, поджог, грабеж, взлом и т.п.¹⁶ Таким образом, возникающие у судей трудности при формулировании вопросов были хотя и не полностью, но все же разрешены.

В связи с этим представляется, что подобным образом можно было бы разрешить проблемы при постановке вопросов перед присяжными и в современном российском уголовно-процессуальном законодательстве. Тем более что в практике производства в суде присяжных данный подход уже наметился.

Так, оставляя без изменения приговор, Верховный Суд РФ указал следующее: «Вопросы поставлены в понятных присяжным заседателям формулировках, с соблюдением требований ст. 339 УПК РФ.

Юридический термин “разбой” в вопросах № 11, 12, 15, 18 не использовался. Что касается терминов “нападение”, “насилие, опасное для жизни и здоровья”, включенных в эти вопросы, то при обращении с напутственным словом председательствующий разъяснил присяжным заседателям значение этих *несложных для понимания и общеупотребляемых понятий* (выделено мной. – С.Н.). За их дополнительным разъяснением присяжные заседатели к председательствующему в порядке ст. 340 ч. 5 УПК РФ не обращались.

Поэтому следует признать, что и при формулировании вопросов № 11, 12, 15, 18 нарушений ст. 339 УПК РФ, влекущих отмену приговора, не допущено»¹⁷.

Представляется, что внесение процитированной позиции Верховного Суда РФ в качестве дополнительного положения в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» частично решит рассматриваемую проблему. Полное ее решение, на наш взгляд, возможно только в случае радикального изменения законодательства и судебной практики в направлении концепции виновности и наказания.

Таким образом, первая особенность пределов судебного разбирательства в суде с участием присяжных заседателей касается содержания обвинения и состоит в «разделе-

¹² Пашин С.А. Становление правосудия. М.: Р. Валент, 2011. С. 272–273.

¹³ Пашин С.А. Указ. соч. С. 278.

¹⁴ Устав уголовного судопроизводства. С алфавитным указателем, составленным присяжными поверенными М.В. Беренштамом и В.Н. Новиковым. СПб., 1908. С. 155.

¹⁵ Хрулев С. Суд присяжных: Очерк деятельности судов и судебных порядков. СПб., 1886. С. 173.

¹⁶ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2. С. 453–454.

¹⁷ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.01.2011 № 48-010-146сп // СПС «КонсультантПлюс».

нии» обвинения на части (элементы), подлежащие исследованию (доказыванию) с участием присяжных заседателей и исследуемые только после вынесения вердикта.

С этим «разделением» обвинения связана и вторая особенность пределов судебного разбирательства в суде присяжных, обусловленная постановкой вопросов коллегии присяжных заседателей и составлением особого процессуального акта – вопросного листа.

Многие авторы отмечают, что вопросный лист является отражением содержания обвинения, поддерживаемого государственным обвинителем в судебном заседании с участием присяжных заседателей. По мнению М.В. Немытиной, вопросный лист – это «...изложенные в концентрированном виде в вопросной форме доказанные на основе обвинительного заключения в ходе судебного следствия и обоснованные в прениях сторон фактические обстоятельства события преступления, причастности к его совершению подсудимого, виновности его, предлагаемые для ответа коллегии присяжных»¹⁸. С данной позицией можно согласиться, но с одной оговоркой – вопросный лист может включать в себя и фактические обстоятельства позиции защиты.

Таким образом, на содержание вопросного листа в суде присяжных в полном объеме распространяются положения ст. 252 УПК РФ, регулирующей пределы судебного разбирательства.

Вместе с тем в практике производства в суде присяжных проявились несколько проблем, обусловленных соответствием вопросного листа требованиям пределов судебного разбирательства.

Первая из этих проблем вызвана тем, что нередко содержание обвинения, изложенного в основных вопросах вопросного листа, отличается от обвинения, изложенного в обвинительном заключении и поддерживаемого государственным обвинителем на этапе прений сторон в суде присяжных. Это несоответствие чаще всего проявляется в определенных формах.

Прежде всего, основные вопросы вопросного листа могут изменять обвинение путем *иного изложения* существенных элементов события преступления (времени, места, способа его совершения и др.).

Например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила приговор Рязанского областного суда в отношении П., Т., К. и Ж., осужденных по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ, и направила дело на новое рас-

смотрение, указав: «...Из обвинительного заключения следует, что осужденные совершили убийство К.: 8 февраля 2002 г. около 20 час. сначала причинили ему телесные повреждения в квартире П. в деревне Романцево, затем – на берегу реки Оки возле гидроузла в селе Кузьминское, куда привезли в багажнике автомобиля, и его труп бросили на лед реки. Как видно из протокола судебного заседания, в своей речи в прениях государственный обвинитель, исходя из показаний ряда свидетелей, пришел к выводу, что К. приехал в деревню Романцево вечером к десяти – половине одиннадцатого вечера. Поэтому государственный обвинитель предложил уточнить время совершения преступления при формулировании вопросного листа. С учетом этого председательствующий в вопросном листе, а именно в основном вопросе № 1 о доказанности события преступления, время совершения преступления указал не то, которое значилось в обвинительном заключении, – “около 20 часов”, а другое – “после 22 часов”. Такое изменение обвинения о времени совершения преступления ухудшило положение подсудимых, поскольку нарушило право на защиту. В частности, подсудимый К. вину в совершении убийства не признал, заявил о наличии у него алиби, пояснил, что около 20 час., т.е. в указанное в обвинительном заключении время совершения убийства, он в деревне Романцево не находился, а приехал туда лишь вечером в пятнадцать – двадцать минут одиннадцатого. Возражение адвоката в защиту К. о том, что изменение обвинения относительно времени совершения преступления ухудшает положение подсудимого, председательствующим в нарушение требований ст. 252 УПК РФ было отклонено»¹⁹.

Однако если подобное изменение обвинения не нарушает право подсудимого на защиту, Верховный Суд РФ не признает такое расхождение в формулировках вопросного листа и обвинительного заключения основанием к отмене приговора.

В частности, по делу С. и К. в кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ отмечено: «Действительно, в вопросах № 1 и № 2 содержится слово “заряженный”, в то время как в обвинительном заключении этого слова нет (в обвинительном заключении значится, что К. из предоставленного С. для убийства К-ца обреза произвел в туловище потерпевшего не

¹⁹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16.09.2003 № 6-кпо03-28сп // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Немытина М. В. Указ. соч. С. 73.

менее двух выстрелов). Между тем это не может быть расценено как нарушение статьи 252 УПК РФ, поскольку в формулировке вопросов не содержится, что К. либо С. зарядили обрез, т.е. за пределы обвинения судья не вышел, положение осужденных не ухудшил»²⁰.

Аналогичную позицию Верховный Суд РФ занял по делу Т. и К.: «Действительно, в обвинительном заключении речь идет о том, что "...Д. скончался по пути в больницу пос. <...>". В 1-м основном вопросе по данному деянию указано, что "...от указанного ранения он (Д.) скончался на месте". Данное отступление от текста обвинительного заключения не влияет на существо вопроса, на который дан утвердительный ответ, и не свидетельствует о нарушении судом положений ст. 339 ч. 1 УПК РФ»²¹.

Другая форма изменения обвинения основными вопросами вопросного листа состоит в фрагментации обвинения – *неполном отражении* в них всех обстоятельств вменяемого подсудимому деяния.

Например, в кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу С. и Х. как на основание отмены приговора указывалось: «Из предъявленного органами предварительного расследования обвинения С. и Х. следует, что они обвинялись в разбойном нападении и убийстве Козловой Р.И., совершенном по предварительному сговору группой лиц.

Между тем в вопросном листе основной вопрос № 1 о доказанности или недоказанности события преступления и совершения конкретных деяний, имевших место 12 июля 2001 г., поставлен не в соответствии с предъявленным обвинением и позицией государственного обвинителя.

А именно: председательствующий судья при постановке вопроса № 1 не описал в нем все действия, которые по обвинению были совершены группой лиц по предварительному сговору, в частности не указал как преступные действия С. и Х., предшествующие посадке потерпевшей Козловой Р.И. в автомашину, так и роль Х., выступившего согласно обвинению в качестве организатора разбойного нападения на потерпевшую и ее убийства. Таким образом, основные вопросы № 2, 5 о доказанности или недоказанности участия С. и Х. в

совершении этих деяний с конкретизацией их действий в соответствии с предъявленным обвинением поставлены не были...»²².

Данное несоответствие может быть признано основанием для отмены приговора, даже если оно касается одного обстоятельства вменяемого деяния (или незначительного количества обстоятельств), если это обстоятельство является существенным элементом обвинения.

Так, отменяя оправдательный приговор по делу Р., Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ подчеркнула: «Из протокола судебного заседания усматривается, что государственный обвинитель предъявленное Р. обвинение поддержал. Вместе с тем в вопросном листе ни в первом вопросе, как того требует уголовно-процессуальный закон, ни в последующих вопросах не сохранились обстоятельства относительно содеянного, инкриминированного Р., связанные с тем, что Р. встречалась с оперативным сотрудником УБОП при УВД ПК Савиным А.А., которого она воспринимала как исполнителя преступления и с которым она обговорила условия совершения убийства потерпевших. За совершение этого преступления она пообещала Савину вознаграждение в сумме двух тысяч долларов США»²³.

По делу С.Д. и С.А. Верховный Суд РФ отменил приговор, поскольку С.Д. вменялось, что он, помимо других действий, причинил потерпевшей странгуляционную борозду с признаками асфиксии, приведшей к бессознательному состоянию и коме, что расценивается как тяжкий вред здоровью. Однако «...на разрешение присяжных заседателей не был поставлен (в первом основном вопросе) вопрос о доказанности приведения С.Д. потерпевшей к бессознательному состоянию и коме»²⁴.

Следующей формой нарушения пределов судебного разбирательства при формулировании основных вопросов в вопросном листе является постановка вопросов *о виновности иных, кроме подсудимого, лиц*. Такая ситуация на практике чаще всего возникает тогда, когда подсудимый утверждает, что оборонялся от нападения потерпевшего.

²⁰ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 05.05.2005 № 58-о05-14сп // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19.03.2008 № 74-О07-64сп // СПС «КонсультантПлюс».

²² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28.08.2002 № 7-кпо02-15сп // СПС «КонсультантПлюс».

²³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.06.2005 № 56-о05-40сп // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21.12.2005 № 81-о05-91сп // СПС «КонсультантПлюс».

В кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу К. среди оснований отмены приговора было указано: «Третий вопрос был поставлен в редакции, предложенный подсудимым К.: “Если на первый вопрос дан утвердительный ответ, то доказано ли, что перечисленные в нем действия совершил К. при следующих обстоятельствах: Погорелов Г.Д. схватил осколок бутылки и накинулся с ним на К., К. ударом ноги в пах выбил осколок бутылочного стекла из рук потерпевшего, поднял его с пола и нанес им множественные удары в различные части тела потерпевшего, потерпевший ударил К. рукой в грудь, К. уронил бутылку, схватил отвертку и нанес ею не менее 6 ударов в тело потерпевшего?”. На этот вопрос присяжные заседатели... ответили единодушно: “Да, доказано”. <...> По смыслу закона, поскольку разбирательство в суде производится только в отношении подсудимых, в вопросном листе недопустима постановка вопросов о виновности иных, кроме подсудимых, лиц»²⁵.

Вместе с тем, если подобные вопросы поставлены без упоминания потерпевшего и не требуют какой-либо оценки его действий присяжными, их постановка, на наш взгляд, не будет нарушать пределы судебного разбирательства. В подобных случаях Верховный Суд РФ допускает постановку таких вопросов. Например, по делу П. в кассационном определении отмечалось, что «...данный вопрос был затронут в вопросном листе не в целях оценки действий потерпевшего С. и признания его виновным, а в связи с выяснением побудительных мотивов действий П., что уголовно-процессуальный закон не запрещает»²⁶.

Второй блок проблем соответствия вопросного листа требованиям пределов судебного разбирательства обусловлен закрепленной в УПК РФ возможностью сторон ставить перед присяжными частные и альтернативные вопросы²⁷.

Возможность постановки перед присяжными заседателями частных и альтернатив-

ных вопросов предусмотрена ч. 3 ст. 339 УПК РФ, где говорится о том, что после основного вопроса о виновности подсудимого могут ставиться частные вопросы о таких обстоятельствах, которые влияют на степень виновности либо изменяют ее характер, влекут за собой освобождение подсудимого от ответственности. В необходимых случаях отдельно ставятся также вопросы о степени осуществления преступного намерения, причинах, в силу которых деяние не было доведено до конца, степени и характере соучастия каждого из подсудимых в совершении преступления. Допустимы вопросы, позволяющие установить виновность подсудимого в совершении менее тяжкого преступления, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту.

Согласно ч. 2 ст. 338 УПК РФ судья не вправе отказать подсудимому или его защитнику в постановке вопросов о наличии по уголовному делу фактических обстоятельств, исключающих ответственность подсудимого за содеянное или влекущих за собой его ответственность за менее тяжкое преступление. Отказ председательствующего судьи стороне защиты в постановке таких вопросов влечет отмену приговора судом второй инстанции²⁸.

Между тем альтернативный вопрос стороны защиты может изменить содержание обвинения самым существенным образом, затрагивая любые обстоятельства, подлежащие разрешению в вердикте присяжными заседателями.

Например, по делу К. присяжные заседатели «...не согласились с версией органов предварительного следствия о доказанности обвинения осужденных в том, что они бросили зажигательное устройство в квартиру потерпевших с целью лишения жизни Г. и покушения на лишение жизни Г.

Они признали доказанной позицию осужденных о том, что зажигательное устройство они бросили в квартиру с целью уничтожения имущества генерала Г., в результате чего возник пожар, в ходе которого было уничтожено имущество на общую сумму... Пожаром была повреждена квартира потерпевших, стоимость восстановительных работ в квартире составила.... В ходе тушения пожара Г. и... получили ожоги. От полученных повреждений Г.

²⁵ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 03.12.2002 № 4-кпо02-124сп // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24.02.2009 № 67-009-5сп // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ В УПК РФ термин «альтернативный вопрос» не употребляется, однако он используется в определениях Верховного Суда РФ (например: кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29.06.2005 № 66-о05-35сп // СПС «КонсультантПлюс»).

²⁸ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 08.07.2004 № 32-о04-37сп // СПС «КонсультантПлюс».

скончался»²⁹. Очевидно, что здесь обвинение (как объект, так и объективная и субъективная стороны состава преступления) подверглось существенной корректировке.

Гарантией того, что постановка альтернативных (частных) вопросов не нарушит пределы судебного разбирательства, служат некоторые запреты, содержащиеся в ч. 2 ст. 338, ч. 3 ст. 339 УПК РФ.

Во-первых, постановка перед присяжными заседателями альтернативных (частных) вопросов допускается только в том случае, если о совершении менее тяжкого преступления (или об обстоятельствах, исключающих ответственность подсудимого за содеянное) давал показания подсудимый и на этом строилась позиция стороны защиты на протяжении всего судебного разбирательства. Это требование обеспечивает соблюдение права обвиняемого на защиту при постановке альтернативных вопросов.

Если подсудимый, оспаривая предъявленное ему обвинение, не указывал на совершение менее тяжкого преступления (или на обстоятельства, исключающие его ответственность за содеянное), альтернативные (частные) вопросы постановке не подлежат.

Так, по делу Д. Верховный Суд РФ указал: «Доводы осужденного Д. и адвоката Фрумкина М.Л. в жалобах о том, что судом необоснованно отказано стороне защиты в постановке перед присяжными заседателями вопросов об ответственности подсудимого за менее тяжкое преступление, а именно о доказанности и виновности Д. в совершении заранее не обещанного укрывательства убийства и разбойного нападения, являются несостоятельными, поскольку постановка указанных вопросов, согласно требованиям ч. 2 ст. 338 УПК РФ, предполагает наличие по уголовному делу фактических обстоятельств, исключающих ответственность подсудимого за содеянное или влекущих за собой его ответственность за менее тяжкое преступление.

Таких фактических обстоятельств по данному уголовному делу не имелось, и сторона защиты на них не указывала.

Постановка указанных вопросов противоречила бы предъявленному обвинению, согласно которому Д. обвинялся в разбое и убийстве К. <...>

Кроме того, в случае отсутствия или недостаточности доказательств, присяжные заседатели могли вынести вердикт о недоказанно-

сти или невиновности Д. по предъявленному ему обвинению в разбое и убийстве.

Между тем присяжные заседатели единодушно признали Д. виновным в разбое и причинении смерти К.

Таким образом, следует признать, что у суда не имелось оснований для постановки вопросов, предложенных адвокатом Фрумкиным»³⁰.

Во-вторых, председательствующий судья не вправе произвольно менять редакцию альтернативных (частных) вопросов, предложенных стороной защиты, в сторону, ухудшающую положение подсудимого, а также существенно изменять такую редакцию, включая в нее другие обстоятельства. Очевидно, что председательствующий судья вправе исключить из такого вопроса обстоятельства, не упоминавшиеся в судебном разбирательстве, заменить юридические термины на общеупотребительные, но иное редактирование альтернативных (частных) вопросов защиты будет противоречить закону.

Например, отменяя приговор по делу Ч., Верховный Суд РФ указал, что «...в судебном заседании подсудимый пояснил, что он один выстрел произвел вверх, а два – в опору линии электропередачи.

Адвокат в связи с данной позицией подсудимого в прениях говорил о попадании дробины в Д. и в голову М. в результате рикошета от опоры и при обсуждении сформулированных председательствующим вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями, предложил поставить альтернативный вопрос о наличии обстоятельства, исключающего ответственность подсудимого за содеянное или влекущего за собой его ответственность за менее тяжкое преступление, в следующей редакции: “Ч. вышел с ружьем, предупредил, чтобы все расходились, после чего произвел один выстрел в воздух и два выстрела в опору”.

Однако председательствующий вопреки позиции защиты изменил вопрос по существу и... указал в девятом вопросе: “...производя два других выстрела, Ч. направил ружье в сторону опоры линии электропередачи у дороги, недалеко от которой стояла группа вышеназванных лиц, среди них были Д. и М.?” и тем самым ухудшил положение обвиняемого»³¹.

²⁹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26.11.2008 № 64-О08-44сп // СПС «КонсультантПлюс».

³⁰ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29.07.2010 № 19-О10-38сп // СПС «КонсультантПлюс».

³¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 03.08.2004 № 51-о04-61сп // СПС «КонсультантПлюс».

Следующий блок проблем соответствия вопросного листа требованиям пределов судебного разбирательства обусловлен правом присяжных заседателей при вынесении вердикта признавать какие-либо обстоятельства недоказанными, т.е. изменять фактическую сторону обвинения. Конструкция вопросного листа позволяет присяжным заседателям изменять фактическую сторону обвинения в направлении его сужения, путем исключения тех или иных обстоятельств из числа признанных доказанными. Каких-либо ограничений такого изменения обвинения законом не установлено, вследствие чего данное полномочие присяжных заседателей вызывало и вызывает определенное опасение у ряда авторов.

Анализируя сходное право присяжных по Уставу уголовного судопроизводства, И.Я. Фойницкий писал, что «...предоставление присяжным заседателям беспредельного права вводить в свои ответы ограничения и дополнения было бы существенным нарушением того коренного начала уголовного процесса, по которому никто не может быть признан виновным и подлежать наказанию за преступление, не рассматривающееся в надлежащем порядке судебного производства, что может иметь место при беспредельном праве присяжных на ограничение и особенно дополнение утвердительных или отрицательных ответов на поставленные вопросы»³².

На наш взгляд, ничем не ограниченное право присяжных заседателей признать недоказанными любые обстоятельства обвинения (как и все обвинение в целом) не создает опасности нарушения пределов судебного разбирательства, поскольку реализация присяжными этого права повлечет признание обвиняемого виновным в менее тяжком преступлении, т.е. улучшение его положения. Право на защиту обвиняемого в этой ситуации не будет нарушаться, т.к. новое обвинение будет основано на фактах, тождественных обстоятельствам, входившим в ранее предъявленное обвинение. Эти факты не будут новыми для подсудимого.

В соответствии с ч. 6 ст. 343 УПК РФ при вынесении вердикта «виновен» присяжные заседатели вправе изменить обвинение в сторону, благоприятную для подсудимого. Нарушение этого требования проявляется чаще всего в дополнении присяжными заседателями своих ответов указаниями на обстоятельства, о которых вопросы им не ставились.

Так, по делу Ч. Верховный Суд РФ подчеркнул: «...при ответе на вопрос 3.2 о виновности Ч. в действиях, изложенных в предыдущих вопросах, присяжные заседатели указали: “Да, виновен в связи с причинением смерти потерпевшему”, хотя вопрос о виновности Ч. в действиях, причинивших смерть С., не ставился. Таким образом, присяжные заседатели изменили суть обвинения Ч. в сторону, ухудшающую его положение»³³.

Это нарушение пределов судебного разбирательства в суде присяжных вполне устранимо, поскольку председательствующий наделен правом проверки вердикта присяжных заседателей до его провозглашения. Найдя в вердикте суждения присяжных, выходящие за рамки поставленных перед ними вопросов, он вправе дать присяжным заседателям указание об устранении нарушения формы вердикта.

Третья особенность пределов судебного разбирательства в суде присяжных состоит в том, что формулировка и юридическая квалификация преступления в приговоре должны полностью соответствовать тем фактическим обстоятельствам, которые установлены вердиктом присяжных заседателей.

Анализ судебной практики позволяет выявить типичные случаи нарушения пределов судебного разбирательства применительно к этой их особенности в суде присяжных.

Прежде всего, пределы судебного разбирательства будут нарушены, если в приговоре суда *существенно изменены* установленные присяжными заседателями фактические обстоятельства деяния, вменяемого подсудимому.

Например, Х. было предъявлено обвинение в совершении разбойного нападения и покушения на убийство в Москве 13 марта 2002 г. Однако в судебном заседании потерпевший по делу показал, что нападение на него было совершено 13 марта 2003 г. Свидетель Б. также давал показания о событиях 13 марта 2003 г. Подсудимый Х. был допрошен в суде о событиях, происшедших 13 марта 2003 г., а по предъявленному обвинению в совершении преступления 13 марта 2002 г. вообще допрошен не был и не давал никаких пояснений. Перед присяжными заседателями был поставлен вопрос о доказанности разбойного нападения и покушения на убийство, совершенных 13 марта 2002 г., на который дан утвердительный ответ. Однако по приговору суда Х. был осужден за совершение преступления 13 марта 2003 г. От-

³² Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2. С. 477.

³³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.05.2008 № 68-О08-1сп // СПС «КонсультантПлюс».

меня указанный приговор, Верховный Суд РФ отметил: «В данном случае время совершения преступления указано не в соответствии с вердиктом коллегии присяжных заседателей. Однако вызвано это не технической ошибкой председательствующего по делу, а нарушением требований ч. 1 ст. 252 УПК РФ, так как в судебном заседании исследовались события, произошедшие 13 марта 2003 г.»³⁴.

Необходимо подчеркнуть, что согласно ч. 1 ст. 348 УПК РФ оправдательный вердикт присяжных заседателей является обязательным для председательствующего судьи применительно ко всем аспектам обвинения, которое поддерживалось в судебном заседании государственным обвинителем. В случае вынесения присяжными заседателями обвинительного вердикта судья вправе не согласиться с фактической стороной обвинения, установленной присяжными заседателями, однако при этом он обязан распустить коллегию присяжных и начать слушать дело заново (ч. 5 ст. 348 УПК РФ). Закон не предоставляет председательствующему судье права изменять в приговоре содержание обстоятельств деяния, установленных присяжными заседателями.

Следующей типичной ситуацией нарушения пределов судебного разбирательства после вынесения присяжными заседателями вердикта является незаконное *расширение обвинения* в приговоре по сравнению с вердиктом – как применительно к фактической стороне обвинения, так и к квалификации содеянного.

Это нарушение проявляется, во-первых, при указании в приговоре суда квалифицирующих признаков преступления, которые не соответствуют обстоятельствам, установленным вердиктом присяжных заседателей. Таким образом, данное нарушение пределов судебного разбирательства обусловлено неверной юридической интерпретацией фактов, установленных вердиктом присяжных заседателей.

Например, по делу Л., И. и В. Верховный Суд РФ указал: «Действия осужденных Л., И., В. по факту завладения имуществом С. суд квалифицировал правильно как преступление, предусмотренное ст. 158 УК РФ... как кража, то есть тайное хищение чужого имущества, совершенная с незаконным проникновением в жилище, в крупном размере».

В то же время ошибочным следует признать квалификацию действий осужденных в указанной части как кража, совершенная организованной группой. <...>

Обстоятельств, свидетельствующих о совершении указанной кражи организованной группой (устойчивой группой лиц), в вердикте не установлено, не приведено их и в приговоре. <...>

В соответствии с вердиктом по указанному эпизоду Л., В., И. признаны виновными в том, что: «3 декабря 2008 года около 11 часов Л., В. и И. по предварительной договоренности, взломав при помощи гвоздодеров входную дверь, незаконно проникли в квартиру... и тайно похитили золотые ювелирные изделия... на общую сумму...».

То есть присяжными заседателями установлено, что в указанном преступлении участвовали Л., И. и В., заранее договорившиеся о совместном совершении преступлений.

При таких данных действия подсудимых по завладению 3 декабря 2008 года имуществом С. следует квалифицировать по ст. 158 ч. 3 п.п. «а», «в» УК РФ... как кража, совершенная группой лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в жилище, в крупном размере»³⁵.

Во-вторых, рассматриваемое нарушение пределов судебного разбирательства в суде присяжных может быть обусловлено выводом судьи в приговоре о доказанности таких обстоятельств, которые были отвергнуты вердиктом присяжных либо о которых присяжным заседателям вообще не ставились вопросы (т.е. они не устанавливались присяжными).

Так, Г., И., О. и В. были осуждены приговором Пермского краевого суда от 29.04.2010 по п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ за разбойное нападение на потерпевших Ш. и М. в магазине «Исток» и по п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ за разбойное нападение на потерпевших Е. и В. в магазине «Золотая рыбка», совершенные с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, с применением оружия и предмета, используемого в качестве оружия, с незаконным проникновением с помещением, совершенные организованной группой. Разбой совершен около 4 часов утра, магазины работали в круглосуточном режиме. В судебном заседании государственный обвинитель не поддержал квалификацию разбойных нападений по квалифицирующему признаку «с незаконным проникновением с помещением», поскольку подсудимые свободно входили в работающие магазины. Факт того, что Г., И., О. и В. совершали разбойные на-

³⁴ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 05.10.2005 № 625-П05 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 04.07.2012 № 58-О12-32сп // СПС «КонсультантПлюс».

падения, будучи в магазине, признан доказанным и присяжными заседателями. Вместе с тем ни позиция государственного обвинителя, ни содержание вердикта коллегии присяжных не учтены судом при постановлении приговора, который изменен Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ путем исключения из осуждения Г., И., О. и В. за оба преступления по п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ квалифицирующего признака «с незаконным проникновением в помещение»³⁶.

Вместе с тем от этого нарушения пределов судебного разбирательства следует отличать случаи установления судьей в приговоре обстоятельств, которые присяжные были не вправе устанавливать в вердикте вследствие разграничения компетенции между ними и профессиональным судьей. Согласно ч. 3 ст. 348 УПК РФ председательствующий квалифицирует содеянное подсудимым в соответствии с обвинительным вердиктом, а также установленными судом обстоятельствами, не подлежащими установлению присяжными заседателями и требующими собственно юридической оценки.

Нарушением пределов судебного разбирательства при вынесении судом приговора является также незаконное сужение обвинения в приговоре по сравнению с вердиктом – применительно как к фактической стороне обвинения, так и к квалификации содеянного. Это нарушение закона чаще всего обусловлено неверной юридической интерпретацией фактов, установленных присяжными заседателями в вердикте.

В частности, отменяя приговор по делу М. и других, Верховный Суд РФ указал: «Как следует из приговора, при квалификации действий М., Х., Б., Х., Ю., П., М. по хищению нефти, которые установлены вердиктом присяжных заседателей, суд исключил совершение этих преступлений “организованной группой”, признав наличие в них квалифицирующего признака “группой лиц по предварительному сговору”.

Между тем присяжные заседатели, признав недоказанным существование преступного сообщества (преступной организации) и исключив из вердикта действия, свидетельствующие о совершении деяний в составе преступного сообщества (преступной организации), в то же время при ответах на вопросы относительно конкретных эпизодов преступных посягательств установили наличие обстоя-

тельств, на которые правильно обращается внимание в кассационном представлении.

Так, присяжные заседатели установили 17 фактов посягательств на объекты нефтедобывающей сферы, которые совершались в течение продолжительного периода (с января по август 2006 года) группой лиц с постоянным составом участников в большинстве эпизодов преступных действий.

В частности, как следует из вердикта, Х. участвовал в совершении преступлений, состоящих из 16 фактов посягательств, М. – 15, Х. и Ю. – 11, П. и М. – 5, Б. – 2.

В вердикте также нашло отражение, что преступные действия по хищению нефти... совершались в ночное время, по единым схемам применительно к каждому месту отбора нефти... Из вердикта, кроме этого, следует, что каждый участник действовал в соответствии с отведенной ему ролью... Все эти и другие указанные государственным обвинителем в представлении обстоятельства суд не оценил в приговоре в совокупности между собой и во взаимосвязи с положениями частей 3 и 5 статьи 35 УК РФ, хотя они вытекали из вердикта и соответствовали содержанию предъявленного обвинения.

Изложенное выше, таким образом, свидетельствует о том, что решение суда первой инстанции в отношении М., Х., Б., Х., Ю., П., М. относительно конкретной роли каждого в содеянном и наличия в их действиях признаков организованной группы является необоснованным»³⁷.

Другой формой незаконного сужения обвинения в приговоре суда по сравнению с вердиктом присяжных заседателей является исключение судом из обвинения в приговоре тех эпизодов, от которых государственный обвинитель отказался на этапе обсуждения вердикта присяжных заседателей.

Как указал Верховный Суд РФ в кассационном определении по делу Ч. и Ч., «по смыслу закона, в соответствии со ст. 246 УПК РФ при обсуждении последствий обвинительного вердикта государственный обвинитель не вправе отказаться от обвинения либо изменить его, поскольку таким правом он может воспользоваться лишь до удаления коллегии присяжных заседателей в совещательную комнату»³⁸.

³⁶ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.09.2010 № 44-О10-67сп // СПС «КонсультантПлюс».

³⁷ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.02.2011 № 47-О10-74сп // СПС «КонсультантПлюс».

³⁸ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.05.2008 № 68-О08-1сп // СПС «КонсультантПлюс».

Такая позиция Верховного Суда РФ основана на ч. 4 ст. 347 УПК РФ, в силу которой сторонам запрещается ставить под сомнение правильность обвинительного вердикта, вынесенного присяжными заседателями.

Вместе с тем законодательство предусматривает и случаи законного сужения обвинения в приговоре суда по сравнению с вердиктом присяжных заседателей. Согласно ч. 4 ст. 348 УПК РФ обвинительный вердикт коллегии присяжных заседателей не препятствует постановлению оправдательного приговора, если председательствующий признает, что деяние подсудимого не содержит признаков преступления. Данное положение применимо как ко всем обстоятельствам обвинения, признанным доказанными присяжными заседателями, так и к отдельным из них.

В случае установления судами вышестоящих инстанций нарушения пределов судеб-

ного разбирательства, допущенных после вынесения присяжными заседателями вердикта, приговор может быть отменен с направлением уголовного дела на новое судебное разбирательство с этапа обсуждения последствий вердикта присяжных заседателей. На наш взгляд, суд апелляционной инстанции полномочен самостоятельно исправить нарушения пределов судебного разбирательства последней группы.

Таким образом, требования пределов судебного разбирательства являются важнейшей процессуальной гарантией, обеспечивающей не только права подсудимого, но и правосудность выносимого присяжными заседателями вердикта, а также законность приговора суда. Именно поэтому необходима ориентация судебной практики на более строгое соблюдение этого общего условия в суде с участием присяжных заседателей.

Библиография:

1. Борзенков Г.Н. Суд присяжных и уголовный закон // Вестник МГУ. Серия «Право». – 1994. – № 4.
2. Гуэ-Глунек. О суде присяжных. – СПб., 1865.
3. Карнозова Л.М. Возрожденный суд присяжных: замысел и проблемы становления. – М., 2000.
4. Карнозова Л.М. Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа. – М., 2010.
5. Муравьев Н.В. Из прошлой деятельности. – Т. 1. – СПб., 1900.
6. Насонов С.А., Ярош С.М. Вердикт присяжных заседателей. – М., 2003.
7. Немытина М.В. Российский суд присяжных. – М., 1995.
8. Пашин С.А. Становление правосудия. – М., 2011.
9. Хрулев С. Суд присяжных : Очерк деятельности судов и судебных порядков. – СПб., 1886.
10. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – Т. 2. – СПб., 1996.

References:

1. Borzenkov G.N. Sud prisyazhnykh i ugovolnyi zakon // Vestnik MGU. Seriya «Pravo». – 1994. – № 4.
2. Gue-Glunek. O sude prisyazhnykh. – SPb., 1865.
3. Karnozova L.M. Vozrozhdennyi sud prnsyazhnykh: zamysel i nroblemy stanovlennya. – M., 2000.
4. Karnozova L.M. Ugolovnaya yustitsiya i grazhdanskoe obshchestvo. Opyt paradigmal'nogo analiza. – M., 2010.
5. Murav'ev N.V. Iz proshloi deyatel'nosti. – T. 1. – SPb., 1900.
6. Nasonov S.A., Yarosh S.M. Verdikt prisyazhnykh zasedatelei. – M., 2003.
7. Nemytina M.V. Rossiiskii sud prisyazhnykh. – M., 1995.
8. Pashin S.A. Stanovlenie pravosudiya. – M., 2011.
9. Khrulev S. Sud prisyazhnykh : Ocherk deyatel'nosti sudov i sudebnykh poryadkov. – SPb., 1886.
10. Foinitskii I.Ya. Kurs ugovolnogo sudoproizvodstva. – T. 2. – SPb., 1996.

Материал поступил в редакцию 1 ноября 2013 г.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

М.А. Риэкинэн*

КОНСТРУКТИВНЫЙ ПРОТЕСТ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ: ИДЕАЛИЗИРОВАННЫЙ МИФ ИЛИ ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

Аннотация: Настоящая статья делает попытку определить понятие и содержание категории «конструктивный протест» как механизма реализации права на участие в управлении делами государства, гарантированного ст. 32 Конституции России. Согласно нашей концепции протест должен быть направлен на достижение конечного результата: на выдвижение конкретного требования к органам публичной власти или же варианта решения конкретной публично-правовой проблемы. Автор рассматривает как легитимный протест только мирные акции, считая любые нарушения общественного и правового порядка в ходе выражения несогласия неправомерными и преследуемыми по закону. Мы пришли к выводу о том, что санкции за нарушение процедуры выражения протеста не могут быть единственным средством, стимулирующим граждан к выражению конструктивного протеста. Задача повышения правовой культуры граждан является одной из наиболее важных проблем на пути оптимизации диалога между государством и гражданским обществом.

Ключевые слова: конструктивный протест, политические права, участие в управлении, собрания граждан, правовая культура, злоупотребление правом, петиции, выражение несогласия, Конституция РФ, демократическое государство.

DOI: 10.7256/1729-5920.2014.5.9948

Введение

В начале 2013 г. граждане г. Санкт-Петербурга проводили систематические акции протеста против закрытия Городской клинической больницы № 31, помещения которой планировалось отвести под элитный госпиталь для судей высших судебных инстанций. Эта больница оказывает помощь пациентам с онкологическим диагнозом, в том числе детям. Понимая важность этого медицинского учреждения, граждане выдвинули требования к органам публичной власти о недопустимости закрытия ГКБ № 31. Протест выражался в форме петиций, демонстраций, обращений в СМИ и т.д. В итоге государство прислушалось к протестующим и приняло решение о продолжении деятельности этой больницы.

В середине 2013 г. активисты международного движения «Гринпис» попытались повесить плакат на платформе «Приразломная» в Печорском море, принадлежащей корпорации «Газпром». При этом их судно Arctic Sunrise приблизилось к платформе на опасное расстояние. Они нарушили целый ряд правовых норм. В итоге государство инициировало против них уголовное расследование по статье «пиратство».

Оба этих инцидента выражали протест против действий органов публичной власти, однако они привели к противоположным результатам. В обоих случаях протестанты были уверены в том, что они реализуют свое право на выражение несогласия с действиями государственных органов. Однако «конструктивным протестом» мы можем обозначить только первую ситуацию.

© Риэкинэн Мария Александровна

* Доктор социологических наук, исследователь – профессор Åbo Akademi University, Финляндия; Тюменский государственный университет [mpimanov@abo.fi]

Gezeliusgatan, 2; Åbo Akademi, 20500 Turku, Finland.

Применение санкций за неконструктивные протесты – это часть нормальной правоохранительной деятельности государства, которое обязано наказывать виновных за нарушение закона. Споры относительно неправомерности таких санкций неоднократно рассматривались и на международном уровне. К примеру, в нескольких делах против Франции о нарушении права на участие в управлении публичными делами заявители добросовестно заблуждались относительно правомерности сожжения ими чужого урожая генномодифицированной кукурузы. Сжигая урожай, заявители верили, что выражают таким образом свое мнение против экспериментов с генномодифицированными продуктами. Поскольку заявители допустили явное нарушение закона, запрещающего уничтожение или повреждение чужого имущества, заявления признаны Комитетом ООН по правам человека неприемлемыми¹.

Поскольку исследования законных пределов реализации права на протест не теряют актуальности, данная статья рассматривает категорию конструктивного протеста в конституционном праве, ее содержание и условия реализации.

Категория конструктивного протеста в конституционном праве

С нашей точки зрения, протест не только отдельная форма коллективной реализации права на собрание и объединение, а **правовой механизм** выражения несогласия с решениями и действиями/бездействием органов публичной власти. Согласно нашему подходу выражение несогласия с политическим курсом государства может быть реализовано как посредством коллективной реализации права на свободу собраний, так и через индивидуальное использование целого ряда прав и свобод. Протест может быть выражен в виде индивидуального/коллективного обращения в органы публичной власти; объявления в средствах массовой информации; создания конкретного объединения граждан; выступления на публичных слушаниях и т.д. При этом протест представляет собой целый правовой механизм, акти-

визирующий в различных комбинациях право на свободу слова, собрания, объединения и процедуру петиций и публичных слушаний. Конструктивный протест как механизм выражения несогласия с политическим курсом государства представляет собой реализацию права на участие в управлении делами государства, гарантированного ст. 21 Всеобщей декларации прав и свобод человека, ст. 25 Международного пакта о гражданских и политических правах, положений целого ряда региональных договоров по правам человека и ст. 32 Конституции РФ.

Термин «конструктивный протест» не входит в понятийно-категориальный аппарат науки конституционного права. Категория конструктивного протеста шире по объему, чем институт публичных мероприятий, и при этом намного специфичнее в силу обладания наиболее важным квалифицирующим признаком, а именно нацеленностью на достижение определенного результата (будь это конкретное требование к органам публичной власти или же вариант решения конкретной публично-правовой проблемы).

Термин «конструктивный протест» используется в основном в литературе по социологии и политологии. К примеру, С.И. Григорьев в своей работе, посвященной исследованию вопросов социальной культуры, упоминает о существовании конструктивного протеста говоря о современных социальных движениях². В литературе по политологии наиболее известное употребление термина «конструктивный протест» связывается с именем Джозефа Гримонда – британского политика, возглавлявшего Либеральную партию с 1956 по 1967 г. Выступая с речью перед либеральной ассамблеей в городе Саузпорт в 1957 г., Гримонд призвал либералистов к «конструктивному протесту против консерватизма», подчеркивая при этом такие характеристики конструктивного протеста, как уравновешенность, разумность и честность³.

В российском конституционно-правовом поле инициатива исследования протеста, затрагивающего и вопросы конструктивного протеста, принадлежит профессору С.А. Авакьяну. Именно он отметил малую степень исследованности вопроса о том, при каких условиях протестное поведение может быть кон-

¹ Комитет ООН по правам человека, *Brun v. France*, Communication No. 1453/2006, 18 October, 2006, UN Doc. CCPR/C/88/D/1453/2006, Inadmissible ; Ms. Nicole Beydon and 19 other members of the association «DIN Mouvement de protestation civique» v. France, Communication No. 1400/2005, 31 October, 2005, UN Doc. CCPR/C/85/D/1400/2005, Inadmissible.

² Григорьев С.И. Социальная культура: поиск новых концептуальных оснований анализа и путей развития в России // Избр. статьи 1980–90-х гг. Барнаул, 1999. с. 126.

³ Foote G. *Republican Transformation of Modern British Policies*. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2005. P. 93.

сультативной формой народовластия⁴. Позднее он опубликовал схему ответа на вопрос о том, при каких условиях протест может быть эффективным выражением мнения граждан по поводу политических решений. В статье о демократии протестных отношений С.А. Авакьян разграничил эмоциональное выражение недовольства по отношению к органам публичной власти и рациональное высказывание критики в их адрес⁵.

На уровне международной науки различие между рациональным, взвешенным и иррациональным, эмоциональным поведением во время принятия решений было предложено Дж. Эльстером, который развивал идеи Ю. Хабермаса о совещательной демократии. Согласно теории рационального выбора, разработанной Эльстером, только рациональное поведение приводит к достижению согласия между всеми сторонами, участвующими в процессе принятия решений⁶.

Современные теории демократии и прав человека все чаще упоминают о протесте в его конструктивном проявлении, которое описывается как «разумное» выражение несогласия с политическим курсом государства. «Разумное» выражение протеста предполагает, во-первых, мирный способ выражения несогласия в рамках установленных законом процедур, а во-вторых, выдвижение «разумных» требований⁷.

«Разумные» граждане как ключевая составляющая реализации механизма конструктивного протеста

В контексте современных российских правовых реалий конструктивный протест ограничен несколькими факторами.

«Разумные» граждане как категория. Существование идеализированной категории «разумных» граждан, о которых пишут ученые, занимающиеся вопросами совещатель-

ной демократии, находится под сомнением как таковое, и не только в России. Обратимся к участию граждан в принятии решений по вопросам социального обеспечения в России. Мы вынуждены констатировать, что большое количество граждан нуждается в усиленных социально-экономических гарантиях со стороны государства. По данным Федеральной службы государственной статистики, только в 2012 г. 12,1 % официального населения России находилось за чертой бедности⁸. Было бы наивным полагать, что большинство граждан из этой категории способны на активный и мирный диалог как с властью, так и с другими гражданами на уровне абстрактной политической проблематизации насущных проблем. Такие объективные факторы, как отсутствие правовой грамотности и невысокий уровень юридической культуры, – далеко не единственные причины политической пассивности. Следует учитывать и человеческий фактор, способный повлиять на политическую пассивность в зависимости от субъективных характеристик – низкого уровня жизни или ряда серьезных нерешенных социальных проблем (например, личностные характеристики граждан, злоупотребление алкоголем могут предопределять отсутствие интереса к политической активности)⁹. Кроме того, на формирование позиции разумной гражданственности оказывают влияние и институциональные причины, такие как отсутствие слаженной системы общественных движений¹⁰. Предположим, что если отдельные представители этих 12,1 % населения примут решение активно выступать против поднятия тарифов на газ или электричество, то в отсутствие организованного общественного движения единомышленников такие выступления рискуют перерасти в акты гражданского неповиновения, преследуемые по закону.

⁸ Официальная страница ФСГС в сети Интернет. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_52.htm.

⁹ Например: Варламова Н.В. Человеческий фактор в развитии социалистического самоуправления народа // Политическая система: вопросы демократии и самоуправления. М.: ИГПАН, 1988; Ключев А.В. Политическая активность и формирование гармонично развитой, общественно активной личности. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1987. С. 47.

¹⁰ Например; Lyons D. Constitutional Principles // 92 Boston University Law Review. 2012. P. 1242; Керимов Д.А., Чиркин В.Е. Политические институты и процессы. М.: ИГПАН, 1986. С. 128; Strahan R.M. A New Paradigm for Conservation of Great Whales in the Urban Sea of the United States Species in Need of a «Green Knight» // 36(2) Boston College Environmental Affairs Law Review. 2009. P. 473.

⁴ Например: Авакьян С.А. Публичная власть: конституционно-правовые аспекты // Вестник Тюменского гос. ун-та. 2009. № 2. С. 7–8.

⁵ Авакьян С.А. Демократия протестных отношений: конституционно-правовое измерение // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 1.

⁶ Elster Jon. Deliberative Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 1998; Idem. Reason and Rationality. Princeton: Princeton University Press, 2009.

⁷ Например: Elster Jon. Deliberative Democracy; Idem. Reason and Rationality; Habermas Jurgen. Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge: the MIT Press, 1996. P. 170, 305–306; Wheatley Steven. The Democratic Legitimacy of International Law. Hart Publishing, 2010.

Период советского социалистического устройства предлагал свой способ стимулирования разумной гражданственности. Например, Конституция СССР 1924 г. гарантировала возможность участия в управлении государством только представителям пролетариата. Только рабочие могли реализовать право на свободу слова или собрания. Кроме того, гарантией воспитания разумной гражданственности в советский период служила неоспоримая советская идеология. Преданность воспеваемому идеалу советского гражданина обеспечивалась авторитетом общественного мнения. Например, случаи использования нецензурной лексики разбирались на собраниях трудовых коллективов¹¹. Такое следование высоким моральным стандартам, обеспеченное силой общественного мнения, является мощным стимулом к воспитанию разумной гражданственности. Тем не менее мы не можем однозначно утверждать, что современное российское общество отличается приверженностью стандартам нравственности и гражданственности. Скорее, обратный вывод о потере сближающего духа гражданственности, озвученный Президентом России в Посланиях Государственной Думе¹², обосновывает наличие официальной политики государства, нацеленной на воспитание патриотизма, гражданственности и толерантности среди молодежи и школьников¹³. Здесь уместно упомянуть об оговорке Ю. Хабермаса, согласно которой социальное поведение едва ли может быть суммарным результатом индивидуального стратегического поведения, оно является скорее результатом обмена мнений в процессе общения с окружающими¹⁴.

Оспаривание «разумности» протестантов. Оспаривание «разумности» по-

ведения протестантов может быть эффективным предложением для органов публичной власти, чтобы не допустить предполагаемой акции протеста, что может представлять собой опасность с точки зрения обеспечения политических прав человека. Разрабатывая правила «цивилизованного диалога» между государством и гражданами, авторы теорий совещательной демократии предполагают, что и государство должно проводить разумную политику учета общественного мнения. Утверждая, что все протестующие граждане мотивированы исключительно спровоцировать исполнительные органы, безосновательно оспаривая порядочность граждан, которые высказывают критику по отношению к органам публичной власти, государство тоже нарушает правила диалога с общественностью. Например, введение в 2012 г. запрета скрывать свое лицо, в том числе использовать маски и иные предметы, предназначенные для затруднения установления личности во время публичных мероприятий¹⁵, подразумевает, что государство воспринимает всех протестующих граждан как потенциальных нарушителей порядка, которых нужно видеть в лицо. Даже если среди граждан могут быть «экстремисты и провокаторы», право участвовать в управлении государственными делами, гарантированное ст. 32 Конституции РФ, предполагает, что государство обязано выслушивать мнения всех граждан, высказанные с соблюдением законных процедур, какими бы еретическими по своему содержанию эти мнения ни казались.

Отсутствие злоупотребления правом как составляющая конструктивного протеста

С точки зрения легитимности политических дискуссий важно, чтобы *граждане не злоупотребляли своим правом* на выражение протеста, продвигая интересы определенных «заказчиков» или провоцируя негативные реакции со стороны власти. В связи с этим в одном из своих публичных выступлений Владимир Путин подчеркнул важность права граждан публично протестовать против решений органов власти, но «в рамках, установленных

¹¹ Levitsky Serge L. Copyright, Defamation, and Privacy in Soviet Civil Law. 22 (1) Law in Eastern Europe. 1979. P. 120.

¹² Например, Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ // Российская газета. № 90. 27.04.2007.

¹³ Например, постановление Правительства РФ от 20.08.2013 № 718 «О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 35. Ст. 4509; Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 52. Ст. 7477; Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 07.02.2008 № Пр-212) // Российская газета. № 34. 16.02.2008.

¹⁴ Habermas Jurgen. Op. cit. P. 337.

¹⁵ Федеральный закон от 08.06.2012 № 65-ФЗ (с изм. от 14.02.2013) «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»». Ст. 2, п. 2 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 24. Ст. 3082.

законом»¹⁶. Соблюдение законных пределов – это требование, которое граждане не всегда выполняют.

Формальные акты протеста, при которых граждане злоупотребляют своими политическими правами и свободами, отстаивая чужой интерес от своего имени, могут ввести в заблуждение других граждан. Российское право содержит определенные гарантии против злоупотребления правами на участие в выборах и референдумах. Например, Кодекс РФ об административных правонарушениях предусматривает ответственность граждан и должностных лиц за подкуп избирателей или участников референдума¹⁷. Если же действия, связанные с подкупом избирателей, содержат признаки уголовно наказуемого деяния, то они преследуются в уголовном порядке, на основании ст. 141 Уголовного кодекса РФ¹⁸. Гарантии против злоупотребления правом при осуществлении других форм реализации протеста в действующем законодательстве отсутствуют. Тем не менее анализ практики российских судов, рассматривающих жалобы, например, на нарушение прав граждан на свободу слова, показывает, что судами уже установлены определенные стандарты привлечения к ответственности граждан и должностных лиц, которые подают жалобы или обращения в органы публичной власти с одной только целью – нанести вред другим гражданам. Если обращение в органы публичной власти продиктовано не намерением исполнить свой гражданский долг или защитить права и охраняемые законом интересы, а исключительно намерением причинить вред другому лицу, то такое лицо привлекается к гражданско-правовой ответ-

ственности за злоупотребление правом (п. 1 и 2 ст. 10 Гражданского кодекса РФ)¹⁹.

Необходимые характеристики конструктивного протеста

Попытаемся теперь определить необходимые характеристики «разумного» протеста. Конструктивный протест нацелен не на эмоциональное выражение недовольства действиями органов публичной власти, а на конструктивный диалог, способный дать конкретные результаты. В нашем представлении конструктивный протест как механизм реализации права на участие в управлении государством должен отвечать следующим требованиям:

- протест должен затрагивать определенные вопросы, входящие в круг публичных дел²⁰. В отличие от частных вопросов, публичные вопросы затрагивают интересы неограниченного круга лиц, зачастую имея прямое отношение к политике;
- протест должен быть направлен на достижение конечного результата – на выдвижение конкретного требования к органам публичной власти или же варианта решения конкретной публично-правовой проблемы. Такие неоспоримые, но при этом общие требования, как достижение мира во всем мире или предоставление укрытия каждому бездомному существу, тоже должны рассматриваться как выдвигаемые требования;
- требования граждан должны быть доведены до сведения органов публичной власти, например в рамках петиции, уведомления органов власти о проведении публичного мероприятия, открытого письма в СМИ и т.д. Это необходимо для того, чтобы органы публичной власти могли

¹⁶ Путин: несогласные имеют право выражать свое мнение в рамках закона. Интервью Владимира Путина программе НТВ «Центральное телевидение» // РИА «Новости». 07.10.2012. URL: <http://ria.ru/society/20121007/768469265.html>.

¹⁷ Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.09.2013). Ст. 5.16 «Подкуп избирателей, участников референдума либо осуществление в период избирательной кампании, кампании референдума благотворительной деятельности с нарушением законодательства о выборах и референдумах» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

¹⁸ Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.07.2013) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.09.2013). Ст. 141 «Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

¹⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4. Ст. 10.

²⁰ Согласно Замечанию общего порядка номер 25 об участии в ведении государственных дел, изданному Комитетом ООН по правам человека, «ведение государственных дел представляет собой широкое понятие, связанное с осуществлением политических полномочий, в частности с реализацией законодательных, исполнительных и административных полномочий. Оно охватывает все аспекты государственного управления, а также разработку и осуществление политики на международном, национальном, региональном и местном уровнях» (Комитет ООН по правам человека. Замечание общего порядка 25. Пятьдесят седьмая сессия. 1996 г. Док. ООН. CCPR/C/21/Rev.1/Add.7).

- рассмотреть выдвигаемое требование и дать на него ответ;
- протест должен быть реализован в рамках законодательно регламентированных процедур. Важно, чтобы органы государственной власти могли принять необходимые меры по защите прав и интересов всех участвующих лиц;
- ни протестующие граждане, ни органы государственной власти не должны злоупотреблять своими правами и нарушать права и интересы других лиц. При этом мы рассматриваем только мирные акции, считая любые нарушения общественного и правового порядка в ходе выражения несогласия неконструктивными, неправомерными и преследуемыми по закону.

Повышение правовой культуры населения как средство стимулирования граждан к выражению конструктивного протеста

Реализация конструктивного протеста зависит и от *правовой культуры населения*. Так, С.А. Авакьян отмечает, что для эффективной реализации Конституции РФ ее положения должны стать составной частью правосознания граждан²¹. Совершенствование правовой культуры граждан в целях надлежащей реализации их гражданско-политических прав – это серьезная проблема, решение которой требует существенных мер, помимо принятия новых законов. Такой вывод следует, например, из толкования положений Международного пакта о гражданских и политических правах, изданного Комитетом ООН по правам человека в рамках Комментария общего порядка № 31. Комитет подчеркивает значение «образовательных и других подходящих мер» для исполнения государствами их обязательств в рамках Пакта²². Следовательно, правовые и административные меры, принимаемые в России в обеспечение права на участие в управлении делами государства, должны быть подкреплены иными мерами. К таким «иным» мерам относятся специальные предметы для школьников, раскрывающие понятия «гражданство», «патриотизм», «социализация», «толерантность» и т.д. Такие

предметы играют важную роль в становлении гражданской позиции подрастающего поколения. Акцент государственной политики в области образования на гражданское воспитание личности был поддержан Д. Медведевым, который в своем послании 2009 г. к Федеральному Собранию представил парламентариям идею проекта «Наша новая школа»²³. Помимо прочих нововведений, прямо не относящихся к нашей теме исследования, предполагается скорректировать цели образования школьников, с тем чтобы стимулировать как индивидуальное личностное развитие, так и социальные навыки, позволяющие адаптироваться во взрослой жизни, сформулировать принципы собственной социальной идентичности и расставить долгосрочные жизненные приоритеты. В целях воспитания патриотизма и восстановления общего гражданского духа россиян в 2009 г. была принята и федеральная Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности и воспитания гражданина России²⁴. Эта концепция обобщает систематический набор педагогических требований, следование которым способно обеспечить эффективное решение многих социальных проблем.

Заключение

Анализ категории конструктивного протеста с точки зрения основных прав и свобод гражданина позволяет выделить его базовые характеристики. К таким характеристикам относятся: направленность на решение вопросов, входящих в круг публичных дел; нацеленность на достижение конечного результата; доведение до сведения органов публичной власти требований граждан; реализация в рамках законодательно регламентированных процедур; недопустимость злоупотребления правом.

Мы пришли к выводу о том, что санкции за нарушение процедуры выражения протеста не могут быть единственным средством, стимулирующим граждан к выражению конструктивного протеста. Задача повышения правовой культуры граждан – одна из наиболее важных на пути оптимизации диалога между государством и гражданским обществом.

²¹ Авакьян С.А. Демократия протестных отношений ... С. 3–17.

²² Комитет ООН по правам человека. Замечание общего порядка № 31 о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства – участников Международного пакта о гражданских и политических правах. Док. ООН. HRI/GEN/1/Rev.9 (Vol. I). 2004. P. 308–314, par. 7.

²³ Послание Президента России Дмитрия Медведева Федеральному Собранию // Российская газета. № 214. 13.11.2009.

²⁴ Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития личности и воспитания гражданина России. М. : Просвещение, 2009.

Библиография:

1. Варламова Н.В. Человеческий фактор в развитии социалистического самоуправления народа // Политическая система: вопросы демократии и самоуправления. – М., 1988.
2. Ключев А.В. Политическая активность и формирование гармонично развитой, общественно активной личности. – Л., 1987.
3. Керимов Д.А., Чиркин В.Е. Политические институты и процессы. – М., 1986.
4. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития личности и воспитания гражданина России. – М., 2009.
5. Гуляихин В.Н. Правовая культура как объект научного исследования: методологические подходы, структура и критерии оценки // NB: Вопросы права и политики. – 2013. – № 4.

References:

1. Varlamova N.V. Chelovecheskii faktor v razvitii sotsialisticheskogo samoupravleniya naroda // Politicheskaya sistema: voprosy demokratii i samoupravleniya. – M., 1988.
2. Klyuev A.V. Politicheskaya aktivnost' i formirovanie garmonichno razvitoi, obshchestvenno aktivnoi lichnosti. – L., 1987.
3. Kerimov D.A., Chirkin V.E. Politicheskie instituty i protsessy. – M., 1986.
4. Danilyuk A.Ya., Kondakov A.M., Tishkov V.A. Kontseptsiya dukhovno-nravstvennogo razvitiya lichnosti i vospitaniya grazhdanina Rossii. – M., 2009.
5. Gulyaikhin V.N. Pravovaya kul'tura kak ob"ekt nauchnogo issledovaniya: metodologicheskie podkhody, struktura i kriterii otsenki // NB: Voprosy prava i politiki. – 2013. – № 4.

Статья поступила в редакцию 15 октября 2013 г.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

Л.В. Готчина*

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАРКО- ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ, МОЛОДЕЖЬЮ И В ОТНОШЕНИИ НИХ

Аннотация. Международное законодательство в сфере предупреждения наркопреступлений определяет национальную антинаркотическую политику государств, оно направлено на приведение национальных законов в соответствие с модельными законами ООН и СНГ по борьбе с незаконным оборотом веществ, находящихся под контролем, и со злоупотреблением ими. Ратифицированные международные конвенции являются сдерживающим фактором от отмены национального контроля над наркотиками и защищают детей, подростков и молодежь от злоупотребления наркотическими средствами и от наркопреступности. Однако в ряде стран лоббируется мировая легализация марихуаны при введении государственного режима контролируемой терпимости к ней.

Ключевые слова: молодежная наркопреступность, международное сотрудничество, институциональное взаимодействие, конвенциональное взаимодействие, незаконный оборот наркотиков, транснациональная преступность, легализация марихуаны, противодействие организованной преступности, помощь молодежи, профилактическая деятельность.

DOI: 10.7256/1729-5920.2014.5.9460

«Проблема преступности не может быть решена в рамках только национальной (внутригосударственной) правовой системы. Эффективной необходимостью эффективного противодействия качественно новой (в частности, транснациональной организованной, проявлениям международного терроризма) преступности является более тесное и реальное международное сотрудничество государств и правоохранительных органов в борьбе с ней»¹.

Ежегодно сотни килограммов афганского опия и героина поступают в Россию и транзитом перемещаются по ее территории. Наркоситуация в близлежащих странах тоже обострена. Так, А.В. Федоров привел следующие статистические данные: по сравнению с 1995 годом количество преступлений в сфере незаконно-

Европейском регионе и его значение для деятельности органов внутренних дел России (по материалам международного семинара в Академии полицейского состава Словацкой Республики, г. Братислава) // Российский криминологический взгляд. 2007. № 4. С. 148.

¹ Цепелев В. Ф. Прогнозирование преступности в

© Готчина Лариса Владимировна

* Доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России

[lgotchina@yandex.ru]

198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Л. Пилутова, д. 1.

го оборота наркотиков выросло в 2004 году в Республике Молдова в 3,5 раза; в Республике Беларусь – в 3 раза; в Республике Таджикистан – почти в 2 раза. В других странах СНГ также наблюдался рост: в Грузии – на 41 %, Республике Казахстан – на 31 %, Украине – на 25 %, Кыргызской Республике – на 22 %².

Результатом противодействия наркоугрозе государств – участниц СНГ явилось принятие 16 ноября 2006 года «Модельного закона о наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах»³.

Из Всемирного доклада о наркотиках за 2010 год⁴ известно, что «международный незаконный оборот, как правило, связан с героином и кокаином, хотя на межрегиональном уровне осуществляется и контрабанда некоторого количества смолы каннабиса и экстази. Подавляющая часть растительной массы каннабиса, метамфетамина и амфетамина, потребляемых в мире, производится на местном уровне. <...> Продолжает расти объем изъятий опиатов. Это касается как опия, так и героина. Сообщения о наиболее крупных изъятиях по-прежнему поступают из стран, граничащих с Афганистаном».

Там же сообщается, что Россия и страны ЕС оказались мировыми лидерами по употреблению героина. Далее отмечается, что глобальные незаконные рынки опиатов и кокаина относятся к числу наиболее серьезных современных транснациональных угроз, связанных с наркотиками и преступностью. Особую опасность представляет распространение стимуляторов амфетаминового ряда. Прогнозируется, что общее число их потребителей может превысить число потребителей опиатов и кокаина.

Во Всемирном докладе о наркотиках за 2009 год исполнительный директор Управления по наркотикам и преступности ООН (УНП ООН) Антонио Мария Коста резюмировал, что, «в правоохранительной деятельно-

сти следует перенести акцент с потребителей наркотиков на наркоторговцев. <...> ... Правительством необходимо индивидуально и коллективно использовать международные соглашения в борьбе с преступным сообществом. Это означает, что они должны ратифицировать и выполнять Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (КТОП) и против коррупции (КПК), а также протоколов к ним о борьбе с торговлей людьми, контрабанде оружия и незаконном провозе мигрантов»⁵.

Наркомания приобрела глобальный характер и представляет собой опасность для жизни и здоровья всего человечества, особенно молодежи, поэтому остро встает проблема консолидации усилий правоохранительных органов разных стран по ее предупреждению. Однако «глобальные усилия в области контроля над наркотиками представляют собой сочетание разрозненных и независимых национальных мероприятий. Международное сотрудничество заключается главным образом в обмене информацией между сотрудниками правоохранительных органов и в области технической помощи»⁶. Основу международной правовой базы составляют договоры, заключенные еще СССР, но обязательные в Российской Федерации как государстве-правопреемнике. К ним относятся прежде всего Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г.⁷ с поправками, внесенными в нее Протоколом 1972 г. (далее – Единая конвенция 1961 г.), Конвенция о психотропных веществах 1971 г. (далее – Конвенция 1971 г.) и Конвенция ООН о борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ 1988 г.⁸ (далее – Конвенция 1988 г.). Они образуют правовую основу системы контроля над наркотическими средствами, психотропными веществами и прекурсорами, в соответствии с

⁵ Всемирный доклад о наркотиках, 2009 год. Резюме. URL: http://www.unodc.org/documents/wdr/WDR_2009/Executive_summary_Russian.pdf (последнее посещение: 20.08.2013).

⁶ Организованная преступность и угроза безопасности. Борьба с разрушительными последствиями и контроля над наркотиками. Доклад директора-исполнителя Управления ООН по наркотикам и преступности // Материалы заседания Комиссии по наркотическим средствам. 52-я сессия. Вена. 11–20 марта 2009 г. E/CN.7/2009/CRP.4- E/CN.15/2009/CRP.4. С. 7.

⁷ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 23. М., 1970.

⁸ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 35. М., 1981.

² Гармонизация и унификация законодательства о наркотиках стран – участников СНГ: сб. мат. межведомствен. науч.-практ. семинара. СПб., 2005.

³ Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ «Модельный закон о наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах» от 16.11.2006 № 27-6 // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 2007. № 39 (ч. 1). С. 116–194.

⁴ Всемирный доклад о наркотиках, 2010 год / Управление ООН по наркотикам и преступности. Нью-Йорк, 2010. URL: http://www.unodc.org/documents/wdr/WDR_2010/World_Drug_Report_2010_rus_web.pdf (последнее посещение: 20.08.2013).

которой организуется взаимодействие большинства стран мира.

Так, согласно ст. 38 Единой конвенции 1961 г. и ст. 20 Конвенции 1971 г., сторонам этих Конвенций надлежит принимать все возможные меры, направленные на предотвращение злоупотребления наркотическими средствами или психотропными веществами, на раннее выявление, лечение, воспитание и восстановление трудоспособности, возвращение в общество потребителей наркотиков и на наблюдение за ними после завершения лечения.

В статье 14 Конвенции 1988 г. предусмотрено: «В целях уменьшения страданий людей и ликвидации финансовых стимулов для незаконного оборота Стороны принимают надлежащие меры, направленные на ликвидацию или сокращение незаконного спроса на наркотические средства и психотропные вещества». Кроме того, в ст. 33 Конвенции о правах ребенка подчеркивается необходимость защищать детей от употребления наркотических средств и психотропных веществ и недопущения использования детей в противозаконном производстве таких веществ и торговле ими, применяя все необходимые меры, включая законодательные, административные, социальные, а также в области образования⁹.

Аналогичное положение отражено в п. 77 и 78 Всемирной программы действий, касающейся молодежи, до 2000 года и на последующий период¹⁰, в которых содержатся рекомендации вовлекать молодежь в деятельность, направленную на ограничение спроса на наркотики. Эти руководящие принципы получили развитие в документах специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по всемирной проблеме наркотиков (8–10 июня 1998 года).

Так, ст. 13 Декларации о руководящих принципах снижения спроса на наркотики¹¹ закрепляет положение о том, что программы должны разрабатываться с учетом потребностей населения в целом и конкретных групп населения, особое внимание должно уделять-

ся молодежи. В целях содействия социальной реинтеграции правонарушителей, злоупотребляющих наркотиками, в тех случаях, когда это уместно и согласуется с национальными законами и политикой государств-членов, правительствам следует рассмотреть вопрос о том, чтобы в качестве альтернативы осуждению или наказанию или в дополнение к наказанию применять в отношении таких лиц меры, направленные на лечение, воспитание, дальнейшее наблюдение, реадaptацию и социальную реинтеграцию. Приветствуется тесное сотрудничество между системами уголовного правосудия, здравоохранения и социального обеспечения.

Не менее важно положение о требованиях к информации профилактического характера, предусмотренных ст. 15 названной Декларации. К ним относятся: ясность, научная обоснованность, надежность, приемлемость в культурном отношении, апробированность на соответствующей целевой группе населения. Государствам в сотрудничестве со средствами массовой информации рекомендуется повышать уровень осведомленности об опасностях, связанных с потреблением наркотиков, в противовес пропаганде их потребления. Делается акцент и на подготовке специалистов для реализации программ сокращения спроса на наркотики, которые должна носить регулярный характер.

Между тем в мире выработаны три стратегии оборота наркотиков: запретительная (Россия), легальная (Голландия, Швейцария, Нидерланды, Великобритания, Австралия¹²) и промежуточная, или концепция «меньшего вреда» (Чехия, США, Швеция).

Международная практика применения антинаркотических программ различна.

Профилактика наркопотребления и оказания помощи больным в ряде стран вытесняет силовые методы борьбы. В частности, так называемая Франкфуртская резолюция 1993 г. направлена на отмену уголовной ответственности и штрафов за потребление наркотиков, поскольку они не способствуют оказанию помощи наркоманам.

В печати Калифорнии все чаще обсуждается вопрос о легализации марихуаны. «Активисты хотят, чтобы хранение ее унции было разрешено лицам, достигшим 21 года.

⁹ Резолюция 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН, 20 ноября 1989 г. // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. М., 1993. С. 242–257.

¹⁰ Резолюция 50/81 Генеральной Ассамблеи ООН, 8–10 июня 1998 г. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N96/771/45/PDF/N9677145.pdf?OpenElement> (последнее посещение: 20.08.2013).

¹¹ Резолюция S-20/3 Генеральной Ассамблеи ООН по всемирной проблеме наркотиков, 8 сентября 1998 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/drugred.shtml (последнее посещение: 20.08.2013).

¹² См.: Кристи Н., Бруун А. Удобный враг. Политика борьбы с наркотиками в Скандинавии / пер. с англ. А. Турунтаевой. М., 2004; Тимофеев Л. Модель «черной экономики»: наркобизнес // Теневые экономические системы современной России: теоретико-аналитические модели. М., 2008. С. 191–272.

Сейчас – это правонарушение и облагается штрафом 100 долларов»¹³. Далее приводятся данные опроса граждан, 56 % из которых считает, что это наркотическое растение может стать новым источником прибыли, который облегчит бюджетный дефицит штата. Отмечаются и опасения критиков, утверждающих, что «вред, нанесенный обществу легализацией, – от снижения успеваемости в учебе до увеличения количества дорожно-транспортных происшествий и несчастных случаев на работе – превзойдет возможную экономическую выгоду»¹⁴.

По заявлению Д. Керликовске, руководителя управления по национальной политике в области контроля за распространением наркотиков, «США завершают многолетнюю войну с наркотиками»¹⁵, ассигнования на которую в прошедшие четыре десятилетия неуклонно росли: «В 1969 году из американского бюджета на борьбу с наркотиками выделялось 81,4 млн долларов. За пять лет цифра выросла почти на порядок – до 760 млн долларов. В 2008 году только из федерального бюджета потрачено на эти цели 13,7 млрд. Примерно в 1,5 раза больше на антинаркотическую войну расходуют бюджеты штатов». Кроме того, по данным за 2007 г., «самой частой причиной ареста в США были преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Из 1,8 млн арестованных 82,5 % обвинялись в их хранении, примерно в каждом втором случае это была марихуана. В тюрьмах в этот год был установлен рекорд по заключенным – 2,3 млн человек. При этом в последние годы росла пропорция осужденных за преступления, связанные с наркотиками, – с 16 % в 1995 году до 27 % в 2007 году». Во многих штатах назначается тюремное заключение за хранение любого количества запрещенного наркотика. Однако в 13 из них (Аляска, Вашингтон, Гавайи, Калифорния, Орегон и др.) с 1996 по 2009 год были приняты законы, отменяющие уголовную ответственность за хранение и выращивание марихуаны для нуждающихся в ней по медицинским показаниям. «На Ямайке трижды лоббировалась ее легализация (в 2001, 2003 и 2008 годах). По данным американских правоохранительных служб, 60–80 % прибыли мексиканские наркокартели получают именно за счет “травки”, – отметил Д. Керликовске.

¹³ Уиткомб Д., Горман С. Марихуана может спасти Калифорнию от краха // Thomson Reuters. 18.12.2009.

¹⁴ Уиткомб Д., Горман С. Указ. соч.

¹⁵ Крэк изобилия // Власть. 08.06.2009. № 22 (825).

11 января 2010 года был одобрен законопроект о легализации марихуаны 14-м штатом США – Нью-Джерси. В соответствии с документом, врачам разрешается выписывать наркотик страдающим тяжелыми хроническими болезнями. Пациентам будет выдаваться не более 2 унций марихуаны в месяц. Некоторые работники системы образования и правоохранительных органов решительно возражали против билля, говоря, что теперь доступ для курения «травки» будет существенно облегчен, в том числе многим подросткам. Кроме того, введение этого закона увеличит давление в школах на учащихся со стороны сверстников, негативно повлияет на обстановку в районах»¹⁶.

Переход к промежуточной стратегии оборота наркотиков в США был связан с медленным, но неуклонным ростом приобщенности к наркотикам выпускников американских школ. Ежегодный прирост, не превышавший 2–3 %, привел к тому, что весной 1997 г. численность имеющих опыт как минимум разового наркоупотребления достигла 54,3 %, т.е. поднялась за 6 лет почти на 14 %. Заметно возросло и число актуальных потребителей – 26,2 % в 1997 г. После 1999 г. началось чрезвычайно медленное, но все же снижение уровня знакомства с наркотиками от 0,1 % в год, достигнув 2 % в 2003 г., а общая приобщенность к ним выросла до 51,1 %¹⁷. «В последнее десятилетие среди американских старшеклассников изменилось соотношение случайного и активного потребления: начиная с 1994 г. оно стало уже не 3 : 1, а примерно 2 : 1»¹⁸.

В Финляндии хотя бы раз пробовали наркотики 10 % населения, в Дании и Англии – 25–30 %. В целом по всей Европе цифра колеблется около 20 %. Среди молодежи уровень потребления примерно вдвое выше, чем среди взрослых. Так, коноплю пробовало 15 % молодежи в Финляндии и Швеции, 28–40 % – в Дании, Франции, Ирландии, Нидерландах, Испании и Великобритании; амфетамины, экстази и кокаин – 1–6 % (в Великобритании амфетамин – 16 %, экстази – 8 %)¹⁹.

¹⁶ Грин Я. Курите марихуану на здоровье <http://www.polit.ru/institutes/2010/03/11/drugs.html> (последнее посещение: 20.08.2013).

¹⁷ Release on Drug Use. 2003. Table 4. URL: <http://www.monitoringthefuture.org> (последнее посещение: 20.08.2013).

¹⁸ Мацкевич М.Г. Исследования наркотизма и проблемы профилактики // Наркотизм. Наркомания. Наркополитика / под ред. А.Г. Софронова. СПб., 2006. С. 34.

¹⁹ EMCDDA. Annual report on the state of the drugs problem in the European Union and Norway, European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction

Самым распространенным наркотическим средством в мире сегодня является каннабис. Однако политика стран в отношении контроля над ним имеет самый разный характер и нередко меняется. «Имея практически неограниченные возможности по предложению при спросе, регулируемом капризами политических партий различных стран, наркодельцы вкладывают большие средства в увеличение силы воздействия каннабиса на организм человека и, соответственно, его рыночной привлекательности. Скачки в проводимой политике дезориентируют молодых людей относительно той степени опасности, которую представляет этот наркотик. Как результат, мы имеем катастрофические последствия: сегодня характеристики каннабиса не слишком отличаются от таких наркотических веществ растительного происхождения, как кокаин и героин. Эпидемия его распространения, подобно всем другим угрозам здоровью людей, требует действенных и долгосрочных мер государств»²⁰.

Не все согласны с позицией Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН). Так, сотрудник Института проблем развития Мик Мур полагает, что «режим контролируемой терпимости к марихуане был бы эффективен... и на международном уровне»²¹. Однако, по его мнению, имеются политические препятствия. Среди них – агрессивность УНП ООН в этом вопросе. Далее М. Мур выделяет взаимосвязь между уголовным законодательством, не допускающим нарколегализации, и ростом наркомании. По его словам, «в двух влиятельных недемократических странах – в Иране и Российской Федерации – отмечена эпидемия героиновой зависимости. Государственная нетерпимость настолько велика, что для лечения зависимости и программ обмена шприцев почти не остается возможностей. В обеих странах из-за использования общих шприцев все больше распространяется ВИЧ/СПИД; в одной только Российской Федерации насчитывается более миллиона ВИЧ-положительных наркоманов».

(EMCDDA), 2002; EMCDDA. 2004. Annual report. URL: <http://emcdda.eu.int> (последнее посещение: 20.08.2013).

²⁰ Всемирный доклад о наркотиках, 2005 г. URL: <http://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/WDR-2005.html> (последнее посещение: 20.08.2013).

²¹ Мур М. Наркотики: на пути к глобальному режиму терпимости // Полит.ру. 11.03.2010. URL: <http://polit.ru/article/2010/03/11/drugs/> (последнее посещение: 20.08.2013).

Чешские власти с 1 января 2010 г. легализовали продажу не только так называемых мягких наркотиков, но и даже некоторых их «тяжелых» аналогов, определив минимальное количество наркотических средств (в граммах: марихуаны – 15, героина – 1,5, кокаина – 1, гашиша – 5, амфетамина – 2; 5 доз ЛСД и до 40 галлюциногенных грибов), хранение которых обернется не уголовной, как раньше, а лишь административной ответственностью. Польша и Словакия, встревоженные этим «социальным экспериментом», заявили о создании специальных приграничных подразделений полиции – заградительных отрядов против ввоза наркотиков. Для сравнения: в Польше, например, можно «загреть» на 3 года даже за одну дозу марихуаны, а за распространение и производство наркотиков грозит лишение свободы до 8 лет. Тем временем в польских молодежных интернет-блогах появилась информация, где и по каким ценам в Чехии можно купить наркотики. Притом, что еще до конца не решен вопрос о том, где и как будут продаваться легализованные наркотики: под госконтролем в специализированных кафе и барах, как в Голландии, или же это дело оставят на откуп соответствующему бизнесу. Кстати, в той же Голландии власти не раз изъявляли желание покончить с наркотикуризмом²².

«В связи со вступлением в силу нового закона, цены на наркотики в Чехии снизились на 30–40 %. Однако, как отмечают эксперты... в стране официальных мест их продажи нет и торговля остается нелегальной. Согласно статистике, 28 % чехов моложе 24 лет хотя бы раз в год курят траву, что является наивысшим показателем в Евросоюзе. <...> По данным Европейского мониторингового центра по наркотикам и наркомании (EMCDDA), в Старом Мире именно чешская молодежь – лидер по курению марихуаны. Некоторые правительства ЕС уже выразили обеспокоенность чешским экспериментом»²³.

Суть спора вокруг отказа от контроля над наркотиками разъясняется во Всемирном докладе о наркотиках за 2009 год. Исполнительный директор УНП ООН А. М. Коста приводит

²² Шаньков В. Дурное дело. Легализация наркотиков в Чехии напугала соседние страны // Новые известия. 12.01.2010. URL: <http://www.newizv.ru/world/2010-01-12/119825-durnoe-delo.html> (последнее посещение: 20.08.2013).

²³ В Чехии легализовали наркотики // Корреспондент.net. 04.11.2010. URL: <http://korrespondent.net/world/1134660-v-chehii-legalizirovali-narkotiki> (последнее посещение: 20.08.2013).

выдвигаемые сторонниками такого отказа аргументы, связанные с экономикой, здравоохранением и безопасностью. В частности, «экономическая аргументация в пользу легализации наркотиков звучит следующим образом: “необходимо легализовать наркотики и тем самым увеличить налоговые поступления”. <...> Этот аргумент по принципу “легализовать и обложить налогом” аморален и экономически неоправдан. Он предлагает ввести налог на порок, который из поколения в поколение выплачивали бы группы маргиналов (потерянных для общества наркоманов) для стимулирования оживления экономики. Может быть, сторонники такой меры выступают и за легализацию и обложение налогом других трудно контролируемых видов преступной деятельности, таких как торговля людьми? <...> ...Любое сокращение расходов на борьбу с наркотиками (вследствие сокращения расходов на правоохранительную деятельность) будет сведено на нет значительным ростом расходов на здравоохранение (вследствие резкого роста потребления наркотиков).

Другие заявляют, что после легализации можно было бы избежать возникновения угрозы для здоровья населения (массовой наркомании) путем введения государственного регулирования рынка наркотиков. Речь вновь идет о наивной и недальновидной позиции. Во-первых, чем жестче контроль... тем быстрее можно ожидать появления параллельного (преступного) и более масштабного рынка, что лишает эту концепцию смысла. Во-вторых, принятие таких изощренных мер контроля по силам только нескольким (богатым) странам.

Не следует забывать одну простую истину: наркотики наносят вред не потому, что их контролируют, а их контролируют потому, что они наносят вред»²⁴.

Еще во Всемирном докладе о наркотиках за 2004 г. УНП ООН акцентировало внимание на необходимости «сбалансированности профилактических мер и правоохранительных мероприятий»²⁵, а в 2008 г. выделяло «самую серьезную озабоченность организованной преступностью»²⁶. В связи с этим исполнительный директор УНП ООН обратился к государствам-участникам с призывом провести

незамедлительно перенастройку программных ориентиров в направлении усиления мер контроля над преступностью без ослабления мер контроля над наркотиками. Доклад за 2009 г. резюмирует: международному сообществу необходимо совмещать мероприятия по снижению предложения наркотиков с мероприятиями по сокращению их спроса и интегрировать национальные усилия в международные стратегии»²⁷.

Международные правовые нормы предусматривают уголовную ответственность за наркопреступления. Единая конвенция 1961 г. содержит положения о наказании, а именно в ст. 36 указано на необходимость принятия мер, обеспечивающих признание наказуемыми деяний, таких как: культивирование и производство, изготовление, извлечение, приготовление, хранение, предложение, предложение с коммерческими целями, распределение, покупка, продажа, доставка на каких бы то ни было условиях, маклерство, отправка, переправка транзитом, перевоз, ввоз и вывоз наркотических средств и всякое другое действие, которое, по мнению ратифицировавших Конвенцию стран, может являться нарушением постановлений настоящей Конвенции, в тех случаях, когда они совершены умышленно; кроме того, серьезные преступления должны подлежать соответствующему наказанию, в частности тюремным заключением или иным способом лишения свободы. Каждое из перечисленных преступлений считается подлежащим включению в качестве преступления, влекущего выдачу, в любой договор о выдаче, заключенный между сторонами данной Конвенции.

Кроме того, Конвенция признает наказуемыми деяниями умышленное соучастие в каком-либо из таких преступлений, участие в сообществе с целью совершения и покушения на их совершение, подготовительные действия и финансовые операции в связи с ними (п. 2 ст. 36).

Нормой уголовного права Единой конвенции 1961 г. регламентируется также наложение ареста и конфискации на любые наркотические средства, вещества и предметы оборудования, использованные или предназначенные для совершения преступлений: «в тех случаях, когда лица, злоупотребляющие наркотическими средствами, совершают такие преступления, Стороны могут предусмотреть либо в качестве замены осуждения или наказания, либо в дополнение к наказанию, чтобы в отношении таких лиц применялись в соот-

²⁴ Всемирный доклад о наркотиках, 2009 г. Резюме.

²⁵ Всемирный доклад о наркотиках, 2004 г. URL: http://www.unodc.org/pdf/WDR_2004/Executive_Summary_russian.pdf (последнее посещение: 20.08.2013).

²⁶ Всемирный доклад о наркотиках, 2008 г. URL: http://www.unodc.org/documents/wdr/WDR_2008/WDR_2008_Russian_web.pdf (последнее посещение: 20.08.2013).

²⁷ Всемирный доклад о наркотиках, 2009 г. Резюме.

ветствии с пунктом 1 статьи 38 меры, направленные на их лечение, воспитание, наблюдение за ними после окончания ими лечения, восстановление их трудоспособности и возвращение их в общество».

Меры по пресечению злоупотребления наркотическими средствами предусматриваются в сфере содействия ознакомлению лиц, которым это необходимо по работе, а также населения, если есть опасность, что это злоупотребление приобретает широкие масштабы.

Статья 3 Конвенции 1988 г. приводит перечень нарушений и санкций:

«а) (i) производство, изготовление, экстрагирование, приготовление, предложение, предложение с целью продажи, распространение, продажу, поставку на любых условиях, посредничество, переправку, транзитную переправку, транспортировку, импорт или экспорт любого наркотического средства или любого психотропного вещества в нарушение положений Конвенции 1961 года, этой Конвенции с поправками или Конвенции 1971 года;

(ii) культивирование опийного мака, кокаинового куста или растения каннабис в целях производства наркотических средств в нарушение положений Конвенции 1961 года и этой Конвенции с поправками;

(iii) хранение или покупку любого наркотического средства или психотропного вещества для целей любого из видов деятельности, перечисленных в подпункте "i", выше;

(iv) изготовление, транспортировку или распространение оборудования, материалов или веществ, указанных в Таблице I и Таблице II, если известно, что они предназначены для использования в целях незаконного культивирования, производства или изготовления наркотических средств или психотропных веществ;

(v) организацию, руководство или финансирование любых правонарушений, перечисленных в подпунктах "i", "ii", "iii" или "iv", выше;

b) (i) конверсию или перевод собственности, если известно, что такая собственность получена в результате любого правонарушения или правонарушений, признанных таковыми в соответствии с подпунктом "а" настоящего пункта, или в результате участия в таком правонарушении или правонарушениях, в целях сокрытия или утаивания незаконного источника собственности или в целях оказания помощи любому лицу, участвующему в совершении такого правонарушения или правонарушений, с тем чтобы он мог уклониться от ответственности за свои действия;

(ii) сокрытие или утаивание подлинного характера, источника, местонахождения, способа распоряжения, перемещения, подлинных прав в отношении собственности или ее принадлежности, если известно, что такая собственность получена в результате правонарушения или правонарушений, признанных таковыми в соответствии с подпунктом "а" настоящего пункта, или в результате участия в таком правонарушении или правонарушениях;

с) с учетом своих конституционных положений и основных принципов своей правовой системы:

(i) приобретение, владение или использование собственности, если в момент ее получения было известно, что такая собственность получена в результате правонарушения или правонарушений, признанных таковыми в соответствии с подпунктом "а" настоящего пункта, или в результате участия в таком правонарушении или правонарушениях;

(ii) владение оборудованием или материалами или веществами, указанными в Таблице I и Таблице II, если известно, что они используются или предназначены для использования в целях незаконного культивирования, производства или изготовления каких-либо наркотических средств или психотропных веществ;

(iii) публичное подстрекательство или побуждение других любыми средствами к совершению любого из правонарушений, признанных таковыми в соответствии с настоящей статьей, или к незаконному использованию наркотических средств или психотропных веществ;

(iv) участие, причастность или вступление в преступный сговор с целью совершения любого правонарушения или правонарушений, признанных таковыми в соответствии с настоящей статьей, попытки совершить такое правонарушение или правонарушения, а также пособничество, подстрекательство, содействие или дача советов при их совершении».

Наряду с совершенствованием международной правовой основы антинаркотической деятельности выработан механизм ее практической реализации. В целом сотрудничество государств осуществляется при соблюдении международно-правовых норм, в первую очередь общепризнанных принципов международного характера. Для его организации используются две основные правовые формы:

1. Институциональная, предусматривающая сотрудничество в рамках международных организаций (ООН, Интерпол, Совет Европы и др.).

Первым шагом в создании международных органов по предотвращению наркомагии явился созыв Шанхайской опиумной комиссии с 5 по 26 февраля 1909 г. Она поддержала мнение лишь о регулировании и постепенном ограничении курения опиума, не выработала каких-либо обязательных норм в отношении злоупотребления наркотиками и их неправомерного распространения. По мнению специалистов, именно эта организация положила начало международному контролю над распространением наркотических средств и предопределила направление международно-правовой помощи в этой сфере.

Принятая в Женеве 26 июня 1936 г. Конвенция о запрещении незаконной торговли наркотическими веществами обязывала государства предоставлять друг другу взаимную помощь путем обмена информацией, предусмотрев тем самым информационное взаимодействие на международном уровне. На протяжении ряда лет эксперты Интерпола готовят сводные таблицы о случаях незаконного изготовления, транспортировки, торговли и употребления наркотических средств. Таблицы используются при анализе тенденций распространения наркотиков в мире в целом и в отдельных странах.

Взаимодействие России с Интерполом началось в 1990 г. – после принятия СССР в члены организации. Вступлению предшествовало постановление Совета министров СССР от 07.04.1990 № 338 «О вступлении в Международную организацию уголовной полиции – Интерпол». Далее были изданы: 30 июля 1996 г. – Указ Президента РФ № 1113 «Об участии Российской Федерации в деятельности Международной организации уголовной полиции – Интерпола»²⁸ и 14 октября 1996 г. – постановление Правительства РФ № 1190 «Об утверждении Положения о Национальном центральном бюро Интерпола». Это предоставило российским правоохранительным органам возможность оперативной связи с 184 странами.

Одно из основных направлений деятельности Интерпола – координация борьбы с наркотрафиком. В целях обеспечения оперативности и организации взаимодействия с 1997 г. в ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации создаются филиалы Национального центрального бюро Интерпола, являющиеся подразделением криминальной милиции, входят в состав МВД, ГУВД, УВД субъектов Федерации на правах отделов, отделений, групп.

Однако низкий статус филиалов Интерпола не позволяет им эффективно взаимодействовать с территориальными органами прокуратуры, ФСБ, ФСИН, ФСКН, ФМС, аппаратами УР, БЭП, которые имеют статус управлений. Актуальна необходимость расширения взаимодействия правоохранительных органов России с Интерполом путем подключения к его информационным системам пограничных, таможенных и иммиграционных служб.

Кроме того, в настоящее время сложилась достаточно четкая система организаций ООН. В нее входит прежде всего Комиссия ООН по наркотическим средствам, которая определяет политику международного сообщества в области международного контроля за наркотическими средствами и наблюдает за выполнением международных нормативных правовых актов. Кроме того, она готовит обзор реализации Всемирной программы действий по международному сотрудничеству в борьбе против незаконного производства, предложения, спроса, оборота и распространения наркотических средств и психотропных веществ, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1990 г., с целью противодействия употреблению наркотиков на национальном, региональном и международном уровнях, а также при необходимости определяет направления научных исследований и организует обмен информацией. Этот орган вправе давать не только предложения руководству ООН, но и рекомендации отдельным странам по всем вопросам антинаркотической деятельности, включая правовые. Кроме того, в его компетенцию входит инициативная работа по совершенствованию международных документов.

Программа ООН по международному контролю за наркотическими средствами (ЮНДКП) – международный центр обмена опытом и передачи информации, сотрудничающий с правительственными и неправительственными организациями, частным сектором в таких сферах профилактической деятельности, как юридическая помощь, лечение, социальная реабилитация и реинтеграция наркоманов. К функциям ЮНДКП относятся также повышение осведомленности общественности об опасных последствиях злоупотребления наркотическими средствами, содействие в подготовке кадров. Этим органом разработано Типовое законодательство, рекомендуемое всем странам для принятия за основу при разработке национальных законов²⁹.

²⁹ Типовые нормативные акты службы юридической помощи. Программы по контролю за наркотиками ООН. Вена, 1992.

²⁸ Собрание законодательства РФ. 1996. № 32. Ст. 3895.

Международный комитет по контролю за наркотическими средствами наблюдает за действиями системы международных договоров, ограничивает производство, изготовление, вывоз, ввоз, распределение наркотических средств, торговлю ими и их применение и хранение исключительно в медицинских и научных целях.

2. Договорно-правовая форма, предусматривающая заключение и реализацию договоров с другими государствами в рамках их взаимодействия. Она осуществляется прежде всего на основании п. 2 ст. 4 Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»³⁰, предусматривающего среди принципов государственной политики в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в области противодействия их незаконному обороту развитие международного сотрудничества на многосторонней и двусторонней основах. Это связано с тем, что наркопреступность, совершаемая молодежью и в отношении нее, превратилась в реальную угрозу для большинства стран мирового сообщества, независимо от их географического расположения, политического устройства или уровня развития; увеличилось количество больных наркоманией; социальные проявления молодежного наркотизма все более разрушительно влияют на экономику, культуру, правовую систему. Поэтому успешное противодействие транснациональной организованной преступности невозможно без соединения усилий многих государств.

В целях продолжения совместной работы правоохранительных органов России и зарубежных стран учреждены советы генеральных прокуроров государств-участников СНГ, руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности, органов налоговых (финансовых) расследований, безопасности и спецуправлений, таможенных служб государств-участников СНГ; министров внутренних дел государств-участников СНГ, командующих пограничными войсками.

Основной формой взаимодействия являются заседания и совместные совещания постоянно действующих отраслевых органов: Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств-участников СНГ (БКБОП), его дея-

тельностью руководит Совет министров внутренних дел; Антинаркотический центр государств – участников СНГ, работа которого возложена на Совет руководителей органов безопасности и специальных служб; Координационная служба Совета командующих пограничными войсками. Решением Совета глав государств СНГ в 2004 году в составе БКБОП было создано подразделение по координации борьбы с незаконным оборотом наркотиков и прекурсоров.

Ведущая роль в сотрудничестве по противодействию незаконному обороту наркотиков отводится международным договорам. Впервые, это межгосударственные договоры, основным направлением которых является борьба с незаконным оборотом наркотиков. Так, 30 ноября 2000 г. в Минске принято Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров³¹, на основании которого реализуются Решения:

- о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ (14.06.1995, г. Тбилиси);
- о мерах по активизации взаимодействия органов внутренних дел государств – участников СНГ в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (16.04.1996, г. Душанбе);
- об укреплении сотрудничества в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров (02.06.1998, г. Ташкент);
- о мерах по активизации сотрудничества в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (04.06.1999, г. Астана).

Вышеперечисленные международные документы, по мнению А.М. Аманбаева, определяют механизм выработки согласованной стратегии борьбы с незаконным оборотом наркотиков³².

В соответствии со ст. 4 вышеупомянутого Соглашения правительства государств –

³⁰ Собрание законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 219.

³¹ Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров. Минск. 30.11.2000 // Бюллетень международных договоров. 2002. № 7. С. 8–14.

³² Аманбаев А.М. Международное сотрудничество в области противодействия незаконному обороту наркотиков: современное состояние и перспективы // Профилактическая деятельность государства как одно из основных средств сдерживания преступности в Российской Федерации. М., 2006. С. 538.

участников СНГ осуществляют сотрудничество, в частности, в формах создания рабочих групп специалистов для изучения правоприменительной практики, подготовки и проведения мероприятий, в том числе научно-практических конференций и семинаров, разработки совместных программ борьбы с незаконным оборотом наркотиков и прекурсоров, договоров и предложений по формированию нормативной правовой базы сотрудничества; совместных научных исследований в исследуемой сфере. В Перечне основных тем совместных научных исследований, утвержденном Решением Совещания министров внутренних дел государств – участников СНГ от 25.10.1995³³, названы направления борьбы с незаконным оборотом наркотиков, предусматривающие как оперативно-розыскную профилактику, так и организацию и тактику взаимодействия правоохранительных органов. При их реализации создаются предпосылки для выработки рекомендаций по совершенствованию национальных законодательств, интеграции субъектов профилактики в рамках многосторонних договоров.

Соглашение между государствами-членами Шанхайской организации о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров³⁴ основано в том числе на принципе приоритетности мер профилактики наркомании и правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотиков и их прекурсоров. А установление ответственности за немедицинское потребление наркотиков в соответствии с национальным законодательством рассматривается как превентивное средство предупреждения болезни и снижения спроса на психоактивные вещества (ст. 2). Сотрудничество, предусмотренное этим документом, осуществляется путем контактов между министерствами иностранных дел, внутренних дел (общественной безопасности), юстиции, здравоохранения и образования; ведомствами по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ; генеральными прокуратурами (прокуратурами); органами национальной безопасности и специальными

службами; пограничными и таможенными ведомствами (ст. 5).

Во-вторых, это межправительственные договоры. Заключены двусторонние соглашения о сотрудничестве: Меморандум о взаимопонимании между Правительствами СССР и Канады, касающийся борьбы против злоупотребления наркотическими средствами и предотвращения незаконного производства и оборота наркотических средств от 20.11.1989 и Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотиков между Правительствами СССР и США от 08.01.1989, а также соглашения с правительствами: Аргентины (1990 г.), Беларуси, Боливии (1996 г.), Бразилии (1994 г.), Великобритании (1988 г.), Вьетнама (1998 г.), Германии (1989 г.), Греции (1991 г.), Ирландии (1999 г.), Испании (1990 г.), Италии (1989 г.), Казахстана (1998 г.), Киргизии (1997 г.), Китая (1996 г.), Колумбии (1997 г.), Коста-Рики (1999 г.), Кубы (1995 г.), Мальты (1993 г.), Мексики (1996 г.), Нигерии (1999 г.), Пакистана (1997 г.), Панамы (1997 г.), Турции (1990 г.), Украины (1998 г.), Франции (1989 г.), Чили (1993 г.), Эквадора (1999 г.).

Перечисленные страны осуществляют взаимодействие в предупреждении, выявлении, пресечении и раскрытии преступлений и прежде всего незаконного производства и оборота наркотических средств и психотропных веществ, а также веществ, используемых в процессе их изготовления, в следующей форме: «обмен информацией о новых видах наркотических средств и психотропных веществ, появившихся в незаконном обороте, технологиях их изготовления и используемых при этом веществах, а также методах исследования и идентификации наркотических средств и психотропных веществ»³⁵.

Детализация информационного обеспечения зафиксирована в двусторонних со-

³⁵ Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Узбекистан о сотрудничестве в борьбе с преступностью. Ташкент, 27.07.1995 // Бюллетень междунар. договоров. 1996. № 2. Ст. 3; Соглашение о сотрудничестве между МВД РФ и МВД Республики Беларусь, 30.09.1997. Ст. 3 (документ не опубликован); Соглашение о сотрудничестве между МВД РФ и МВД Эстонской Республики, 04.12.1997 // Вестник МВД РФ. 1998. № 2–3. Ст. 3; Соглашение между Правительством РФ и Правительством Итальянской Республики о сотрудничестве и взаимопомощи в таможенных делах. Рим, 10.02.1998 // Таможенные ведомости. 1998. № 5. Ст. 8; Соглашение между Правительством РФ и Правительством Финляндской Республики о сотрудничестве в борьбе с преступностью. Москва, 09.03.1993 // Бюллетень междунар. договоров. 1997. № 4. Ст. 1.

³³ Сборник документов по международному сотрудничеству. Бишкек, 2001.

³⁴ Указ Президента Республики Казахстан от 29.06.2007 № 357 «Об утверждении Соглашения между государствами – членами Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров» // Бюллетень международных договоров. 2008. № 7.

глашениях о сотрудничестве в таможенных делах для активизации действий по предотвращению, пресечению и расследованию контрабанды наркотических средств и психотропных веществ. Такие нормативные правовые акты имеются между правительствами России, Украины, Туркменистана, Узбекистана, Казахстана³⁶.

В-третьих, речь идет о договорах межведомственного характера. Такие многосторонние соглашения разрабатываются на основе типового проекта. В качестве его основных направлений предусматриваются предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие преступлений.

Ведущая роль в реализации межправительственных соглашений (рамочного характера) о сотрудничестве в борьбе с преступностью, на основании которых взаимодействуют все правоохранительные органы России и других государств, отведена МВД РФ. Оно выполняет в пределах своей компетенции обязательства Российской Федерации по международным договорам в области борьбы с преступностью³⁷. Основное их содержание – признать указанные в них действия преступными и оказывать правовую помощь в борьбе с ними. Там же определяются формы сотрудничества, которые детализируются в межправительственных и межведомственных соглашениях, на основе которых в целях детального определения механизмов взаимодействия составляются протоколы о взаимодействии, меморандумы.

Так, двусторонние соглашения о сотрудничестве подписаны со странами ближнего и дальнего зарубежья. К ним относятся:

- соглашения между министерствами внутренних дел Российской Федерации и Азербайджанской Республики от 19.04.1996;

³⁶ Соглашение государств – участников СНГ о сотрудничестве и взаимопомощи в таможенных делах. Москва, 15.04.1994 // Информ. вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1994. № 1; Соглашение между Правительством РФ и Правительством Украины о сотрудничестве и взаимопомощи в таможенных делах. Киев, 24.06.1993 (документ не опубликован); Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Узбекистан о сотрудничестве и взаимопомощи в таможенных делах. Москва, 02.03.1994 (документ не опубликован); Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Казахстан о сотрудничестве и взаимопомощи в таможенных делах. Москва, 28.03.1994 (документ не опубликован).

³⁷ Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации». П. 2 ст. 32 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

Республики Албания от 13.02.1995; Аргентинской Республики от 25.06.1993; Республики Армения от 12.05.1993; Республики Беларусь от 30.09.1997; Республики Болгария от 19.04.1993; Республики Грузия от 21.03.1994; Республики Индия от 18.10.1993; Исламской Республики Иран от 18.12.1997; земли Северный Рейн-Вестфалия от 10.10.1991; между МВД СССР и МВД Венгерской Республики от 25.06.1991;

- Меморандум о взаимопонимании между МВД РФ и Королевской конной полицией Канады от 08.05.1993;
- соглашения, заключенные с Кипром (1990 г.), Кыргызстаном (1992 г.), КНР (1996 г.), Кубой (1995 г.), Латвийской Республикой (1992 г.), Литовской Республикой (1993 г.), Македонией (1994 г.), Молдовой (1993 г.), Монголией (1992 г.), Польшей (1992 г.), Румынией (1992 г.), Словацкой Республикой (1994 г.), Таджикистаном (1993 г.), Туркменистаном (1992 г.), Турцией (1992 г.), Украиной (1992 г.), Финляндией (1993 г.), Францией (1992 г.), Чехией (1997 г.), Швейцарией (1994 г.) и Швецией (1996 г.).

Кроме того, серьезную проблему для России представляет наркопреступность в приграничных регионах. Особенно неблагоприятная ситуация сложилась на границе с Казахстаном, где практически каждое пятое преступление, связанное с незаконным оборотом наркотиков, приходится на области, граничащие с Сибирским федеральным округом России.

Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2010 года³⁸ ключевым фактором негативного развития национальной наркоситуации называет масштабное производство опиатов на территории Афганистана и их последующий трансграничный трафик в Россию. В связи с этим для защиты от контрабандного ввоза наркотиков из-за рубежа Стратегия предусматривает «комплекс мер, направленных на расширение через международное сотрудничество возможностей пресечения культивации наркосодержащих растений и производства наркотиков в Афганистане и наркотрафика в странах транзита». В настоящее время для этого заключено двустороннее соглашение

³⁸ Указ Президента РФ от 09.06.2010 № 690 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. 2010. № 128.

ведомственного характера между МВД России и МВД Республики Казахстан «О сотрудничестве органов внутренних дел приграничных районов» и осуществляется деятельность по ее пресечению³⁹. Подобное соглашение есть и между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (с июня 2002 г.). В одной из провинций Китая создан отдел Интерпола, с июня 2003 г. действует договор о сотрудничестве в борьбе с наркобизнесом. Причиной его подписания явилось особое беспокойство распространением эфедрина на территории России, ввозимого из Китая.

Также заключена Международная конвенция о взаимном административном содействии в предотвращении, расследовании и пресечении таможенных правонарушений (09.06.1977, Найроби). В соответствии с ней таможенные службы по своей собственной инициативе передают другим органам любую имеющуюся информацию о контрабанде наркотиков или психотропных веществ; о лицах, подозреваемых в таких действиях, а также их автотранспортных средствах; о новых способах или методах контрабанды; о веществах, которые впервые разработаны и стали использоваться как наркотические средства или психотропные вещества.

В целях пресечения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ на море и в соответствии с международным морским правом 10 декабря 1982 г. была подписана Конвенция ООН по морскому праву⁴⁰, согласно которой уголовная юрисдикция прибрежного государства осуществляется на борту иностранного судна, если это является необходимым для пресечения незаконной торговли наркотиками. В 1995 г. в Страсбурге заключено Соглашение о незаконном обороте на море в осуществление статьи 17 Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ⁴¹.

Рассмотрение особенностей международного законодательства в сфере предупрежде-

ния наркопреступлений, совершаемых несовершеннолетними, молодежью и в отношении них, позволяет сделать следующие выводы:

1. Международный незаконный оборот, как правило, связан с героином и кокаином, продолжают расти объемы изъятий опиатов, каннабис является самым распространенным наркотиком. Растущую угрозу представляют стимуляторы амфетаминового ряда. Являясь предметами транснациональной преступности, эти вещества негативно воздействуют на здоровье, социальное благополучие населения, особенно молодежи. Для снижения спроса на них УНП ООН рекомендует странам применять сбалансированные профилактические меры и правоохранные мероприятия, а также усилить контроль над преступностью без его ослабления над наркотиками.
2. Международное законодательство в сфере предупреждения наркопреступлений направлено на приведение национальных законов в соответствие с модельными законами ООН и СНГ по борьбе с незаконным оборотом веществ, находящихся под контролем, и со злоупотреблением ими. Ратифицированные международные конвенции являются сдерживающим фактором от отмены национального контроля над наркотиками и защищают детей и молодежь от злоупотребления наркотическими средствами и от наркопреступности. Однако в ряде стран лоббируется мировая легализация марихуаны при введении государственного режима контролируемой терпимости к ней.
3. Внедрение международных норм права осуществляется в двух формах взаимодействия стран: институциональной, предусматривающей постоянное функционирование международных организаций (ООН, Интерпол, Совет Европы), и конвенциональной – в рамках заключения договоров.

Библиография:

1. Аманбаев А.М. Международное сотрудничество в области противодействия незаконному обороту наркотиков: современное состояние и перспективы // Профилактическая деятель-

³⁹ Клименко И.И. Контрабанда наркотиков: проблемы расследования, взаимодействия следствия и дознания. Барнаул, 2006.

⁴⁰ Вступила в действие 16.11.1994.

⁴¹ Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998. С. 184–192.

- ность государства как одно из основных средств сдерживания преступности в Российской Федерации. – М., 2006.
2. Гармонизация и унификация законодательства о наркотиках стран–участников СНГ: сб. материалов межведомств. науч.-практ. семинара. – СПб., 2005.
  3. Клименко И.И. Контрабанда наркотиков: проблемы расследования, взаимодействия следствия и дознания. – Барнаул, 2006.
  4. Кристи Н., Бруун А. Удобный враг. Политика борьбы с наркотиками в Скандинавии / пер. с англ. А. Турунтаевой. – М., 2004.
  5. Мацкевич М.Г. Исследования наркотизма и проблемы профилактики // Наркотизм. Наркомании. Наркополитика / под ред. А.Г. Софронова. – СПб., 2006.
  6. Уиткомб Д., Горман С. Марихуана может спасти Калифорнию от краха // Thomson Reuters. – 2009. – 18 декабря.
  7. Цепелев В.Ф. Прогнозирование преступности в Европейском регионе и его значение для деятельности органов внутренних дел России (по материалам международного семинара в Академии полицейского состава Словацкой Республики, г. Братислава) // Российский криминологический взгляд. – 2007. – № 4.
  8. Шаньков В. Легализация наркотиков в Чехии напугала соседние страны // Новые известия. – 2010. – 12 января.

References:

1. Amanbaev A.M. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v oblasti protivodeistviya nezakonnomu oborotu narkotikov: sovremennoe sostoyanie i perspektivy // Profilakticheskaya deyatelnost' gosudarstva kak odno iz osnovnykh sredstv sderzhivaniya prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii. – М., 2006.
2. Garmonizatsiya i unifikatsiya zakonodatel'stva o narkotikakh stran–uchastnikov SNG: sbornik materialov mezhvedomstvennogo nauch.-prakt. seminar. – SPb., 2005.
3. Klimenko I.I. Kontrabanda narkotikov: problemy rassledovaniya, vzaimodeistviya sledstviya i doznaniya. – Barnaul, 2006.
4. Kristi N., Bruun A. Udobnyi vrag. Politika bor'by s narkotikami v Skandinavii / per. s angl. A. Turuntaevoi. – М., 2004.
5. Matskevich M.G. Issledovaniya narkotizma i problemy profilaktiki // Narkotizm. Narkomanii. Narkopolitika / pod red. A.G. Sofronova. – SPb., 2006.
6. Tsepelev V.F. Prognozirovaniye prestupnosti v Evropeiskom regione i ego znachenie dlya deyatelnosti organov vnutrennikh del Rossii (po materialam mezhdunarodnogo seminar. v Akademii politseiskogo sostava Slovatskoi Respubliki, g. Bratislava) // Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad. – 2007. – № 4.
7. Shan'kov V. Legalizatsiya narkotikov v Chekhii napugala sosednie strany // Novye izvestiya. – 2010. – 12 yanvarya.

Статья поступила в редакцию 29 августа 2013 г.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Е.Э. Попова*

ИСТОКИ СТАНОВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КАК ОСНОВНОГО СРЕДСТВА ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация: Развитие общественного воздействия как средства исправления осужденных тесно связано с развитием института уголовного наказания и наиболее предметно отражается в истории создания тюрем. В разные периоды развития российского государства менялся характер участия общества в судьбе осужденного: процессуальный и материальный в царствование Ивана Грозного; материальный и духовный при Алексее Михайловиче; инновационные подходы к исправлению лиц, совершивших преступления, и привлечение к этому процессу представителей общества характеризуют годы правления Екатерины II (в этот период развиваются и институт помилования, и благотворительная деятельность, и законотворчество, берет свое начало и институт общественного мнения).

Ключевые слова: общество, уголовное наказание, благотворительность, исправление осужденных, исполнение уголовного наказания, общественное воздействие, средства исправления, исправительное воздействие, уголовно-исполнительное право, тюрьмы.

DOI: 10.7256/1729-5920.2014.5.9435

Человечество в течение всего существования института наказания задавалось вопросами: «как исправить преступника?» и «какими средствами можно на него воздействовать?».

Размышления об иных формах и средствах воздействия на преступников, кроме кары со стороны государства, с целью их исправления можно встретить уже в трудах античных философов. Так, Пифагор разработал учение о том, что музыка, воздействуя на чувства человека, способна оградить его от недостойных поступков, в том числе и преступных. По его мнению, музыкой излечиваются человеческие страсти и устанавливается первоначальная гармония душевных сил, а гармоничный человек не способен совершить неблагородный поступок. К источникам небла-

городных поступков, приводящих человека к преступлениям, Пифагор относил невоздержанность и корыстолюбие. Он считал, что от невоздержанности происходят незаконные браки, развращенность, пьянство, от корыстолюбия – грабежи, разбой, отцеубийство, святотатство, составление ядов и прочие преступления такого рода. Поэтому философ предлагал сначала сделать все, чтобы «очистить почву, питающую эти страсти... и, освободив разум от стольких бедствий, предложить ему что-либо полезное»¹. В основу гармонии и очищения души Пифагор относил не только музыку, но и образование и поэзию, а для исправления души применял избранные стихи Гомера и Геосида.

¹ Цит. по: Ямвлих. О Пифагоровой жизни / пер. с древнегреч. И.Ю. Мельниковой. М. : Алетея, 2002. С. 51.

© Попова Елена Эдуардовна

* Кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Международного юридического института
[anatelsvetjen@mail.ru]

127427, Россия, г. Москва, ул. Кашенкин Луг, д. 4.

Христианство проповедует сострадание к преступникам. В период раннего христианства, в эпоху гонений, христиане сами часто пребывали в узах, становясь исповедниками и мучениками. В их сердцах всегда находил отклик Евангельский завет о посещении узников: «В темнице был, и вы пришли ко Мне... так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне»². Позднее у всех христианских народов защита угнетенных и слабых, забота о нищих, больных, увечных, престарелых и сиротах, попечение о заключенных стала обязанностью церкви. Императоры Гонорий, Феодосий и Юстиниан предоставляли епископам право давать в церквях убежище тем, кому угрожало насилие, ходатайствовать по их делам, смотреть за тюрьмами и содержанием в них заключенных³. Задача церкви заключалась также и в исправлении преступника духовным воздействием на него, в приведении его к раскаянию и возвращении в общество исправившегося его члена.

В церковном понимании главная цель наказания заключается не в возмездии и даже не в ограждении народа от преступных деяний, а во врачевании болезненных состояний душ преступников: «Как врач малыми дозами яда лечит тело человека, так и Господь, Премудрый Врач душ и телес наших, спасает естество человеческое путем заключения грешника в темницу»⁴.

В истории России общественное воздействие на судьбу наказанного находило свое выражение еще до создания тюрем. Большинство преступников до решения их дел в суде оставались по обычаю «на поруках» у общества и частных лиц, отвечавших «головой» за исчезновение взятых ими на поруки. Фактически реализовывалась функция обеспечения сохранности преступника до назначения наказания, но эту функцию выполняли не государственные органы или учреждения, а представители общественности или частные лица, а преступников, у кого поручителей не было, брали под стражу до тех пор, пока не находилось поруки. Их помещали в порубы и специальные избы, упоминаемые в летописях

уже в XII в. Также для заключения использовались погреба, клетки и ямы под землей⁵.

Дальнейшее становление общественного воздействия связано с созданием тюрем. Оно приобрело материальный характер, направленный на обеспечение осужденных питанием и одеждой.

В Судебнике 1550 г. тюремное заключение впервые предусматривалось как самостоятельный вид наказания: «...на том дыке взяти перед боярином вполы да кинути его в тюрьму», и как дополнительный, в основном применяемый к порке на площади: «казнити торговою казнию, биты кнутъем, да вкинути в тюрьму»⁶. В тюрьму могли заключить по государеву приказу за злоупотребления, должностные преступления и по сыскным делам, крестьян заключали в темницу вместо барины, сына вместо отца, жену вместо мужа. «В поместьях и вотчинах имать людей и крестьян... а у которых людей и крестьян нет, и у тех имать их родственников и держать их в тюрьме»⁷.

Применение этого вида уголовного наказания в Судебнике не урегулировано, оно только обозначается общими штрихами в российском законодательстве. Судебником не устанавливаются и конкретные сроки заключения в тюрьму, т.к. встречаются такие формулировки в статьях, как «вкинути в тюрьму до смерти», «покуда порука по нем будет», «до царева, государева указу». Кроме того, не находят своего правового регулирования и условия содержания заключенных, и порядок отбывания данного вида наказания, и порядок несения службы должностными лицами⁸. И.Я. Фойницкий справедливо замечает, что «тюрьма древнейшая была лишь мерою физического захвата личности, применявшейся обыкновенно не для наказания, а до наказания. Применяясь как наказание, тюрьма

⁵ Фойницкий И.Я. Учение о наказании. СПб., 1886. С. 225.

⁶ Судебник 1550 г. П. 4, 7 // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 2 / под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. тома А.Д. Горский. М.: Юрид. литература, 1985. URL: http://www.krotov.info/acts/16/2/pravo_02.htm (дата обращения: 20.02.2013).

⁷ Акты, относящиеся до юридического быта России / Археографич. комиссия; под ред. Н. Калачева. СПб.: Тип. Импер. акад. наук. 1864. Т. 2. С. 532. URL: <http://www.prlib.ru/elfapps/pageturner2d> (дата обращения: 22.03.2013).

⁸ Например: Выбор тюремных целовальников (№ 280. 1641. Сентябрь) // Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб.: Археогр. комис., 1838. С. 288.

² От Матфея святое благовествование. Гл. 25:36, 40 // Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. Канонические. Изд. 1-е. Союз церквей евангельских христиан, 1993. С. 31.

³ Воскобойников Н.Я. Материалы по истории призрения бедных и неимущих в России // Тюремный вестник. 1893. № 10. С. 402.

⁴ Цыпин В. Церковное право. М., 1994. С. 393.

означала мучительное телесное страдание, сопровождалась наложением оков, кандалов, приковыванием к стене и отбывалась в помещениях, наименее удобных для жизни, в сырых подвалах, погребах и т.п... Тюремные сидельцы бросались в лучшем случае на солому, которая оставлялась до полного гниения... изредка государство давало тюремным сидельцам продовольствие, весьма скудное, которое приходилось пополнять собственными средствами и подаяниями частной благотворительности»⁹.

Уже в этот период встречаются интересные факты, свидетельствующие о привлечении семьи к процессу исправления осужденных. В 1648 г. царь Алексей Михайлович издает указ, в котором обязывает пашенных крестьян отдавать замуж своих дочерей и племянниц за ссыльных холостых людей. Цель – «чтоб тех ссыльных холостых людей от побегу унять и укрепить». За послушание вводятся весьма существенные экономические санкции: 1) со служилых людей, которые женятся на крестьянских дочерях и племянницах, «взимать в нашу казну по пяти рублев»; 2) а с самих крестьян, выдающих дочерей и племянниц не за ссыльных, – «имать на нас пеню большую»¹⁰. Как видно из этого указа, государь фактически обязывал использовать брак как средство предупреждения побегов ссыльных и как средство исправления их при отбывании наказания.

В Соборном уложении 1649 г. тюремное заключение находит все более широкое применение, используя и как основное наказание, и как своего рода дополнительное наказание к порке на площади: «бити их кнутом по торгом и вкинуть их в тюрьму всех на месяц»¹¹. Кроме того, закон устанавливал необходимость возводить тюремные учреждения за счет городов и уездов и принимать на службу в должности стражников желающих из

простонародья¹². Уже с середины XVII в. началось строительство тюремных учреждений. Н.Д. Сергеевский подразделял тюрьмы на три вида: 1) обыкновенные: для общих преступников (наземные деревянные сооружения, огороженные частоколом); 2) земляные: для особых преступников, «большой частью политических и религиозных – для раскольщиков и церковных мятежников, которых желали не только изолировать, но и подвергнуть наиболее строгому и суровому режиму»¹³; 3) каменные: создавались при монастырях и для этих целей употреблялись монастырские кельи, погреба и другие удобные помещения¹⁴. Но и здесь при применении к осужденному тюремного заключения государство не брало на себя обязанности его содержания. Каждый осужденный, попадая в тюрьму, платил пристава «пожелезное», независимо от того, богат он был или беден. Питание осужденных не обеспечивалось за казенный счет. Осужденные кормились либо своими средствами, либо за счет подаяния: «а которых людей на Москве и в городах, воров, разбойников и татей, и в иных злых делах, приводят и сажают их в тюрьму: и тех людей, у кого есть отцы и матери, или иные сродичи и жена и дети кормят их сами, своим. А у которых нет сродичей и кормится нечим, и из тех воров, которые в малых винах сидят, на всякий день из тю-

¹² Губной староста Максим Огибалов отписал челобитную боярину и воеводе Великого Новгорода кн. И.Б. Репнину о том, что в его половине губного стана нет тюрьмы и палача. В январе 1663 г. он получил от царя указ «тюрьму строить на Зимнегородском яму, и целовальников, и подъячих, и тюремных сторожей и палачей, выбирати с пасадов и с уездов, с сох, с дворцовых сел и черных волостей... и со всяких сошных людей; а бытии тем целовальникам и подъячим, и сторожам с подмогою же, а подмогу на всякие расходы собирать деньги с тех же посадских и сошных людей, по их договору... а сколько в то губное становое строение дано будет, и то все велети земскому дьячку в книги писати, да те книги прислати в Великий Новгород» (Память губному старосте Максиму Огибалову об устройстве на Зимнегородском яму губного стана (№ 352. 1663. 31 января) // Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. С. 378).

¹³ Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII века. СПб., 1887. С. 179. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003550698#?page=188> (дата обращения: 15.07.2013).

¹⁴ В 1687 г. Новгородский митрополит указал посадить ссыльного монаха Никифорку «в Тихвин монастырь в каменную тюрьму, и велено тое тюрьму и двери и окна заделать кирпичем, толко оставить одно окно небольшое для дачи хлеба и воды и стеречь его накрепко» (Поручения о судебных явках (№ 307. 1635–1693) // Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. С. 325).

⁹ Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием. М., 2000. С. 286.

¹⁰ Царская грамота Кузнецкому воеводе Сытину о убеждении пашенных крестьян, чтоб они дочерей и племянниц своих выдавали замуж за ссыльных холостых людей (№ 27. 1648. 30 августа) // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. IV : 1645–1676 гг. СПб. : Тип. II Отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1841. С. 60.

¹¹ Например: Соборное уложение 1649 г. Глава XXII : Указ за какие вины кому чинити смертная казнь, и за какие вины смертию не казнити, а чинити наказания. Ст. 11, 12. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961. URL: <http://hist.msu.ru/ER/Etext/1649/22.htm> (дата обращения: 19.03.2013).

рем выпускают по два человека скованных, с сторожами, собирать по людям, по торгом и по дворам милостыню, деньгами и хлебом; а что они которого дни соберут, мало или много, и то меж себя делят с товарищи все вместе и тем себя кормят»¹⁵. Поступавшие в тюрьму должны были еще платить тюремным сидельцам «влазную деньгу» – за то, что те допускали их к пользованию всеми преимуществами тюремной общины, в том числе и правом питаться добытой милостыней. Просящие милостыню колодники со следами пыток на теле, едва прикрытые лоскутами одежды, были обыденным зрелищем улицы того времени.

В 1662 г. была сделана первая попытка материального обеспечения арестантов за счет казны – введены «государево жалование», или «кормовые деньги», в размере по два алтына в день на человека: «великий Государь указал по челобитью тюремных сидельцев (выделено Е.П.) поденного корму давать... по два алтына человеку на день»¹⁶. Кормовые деньги вводились для арестантов московских тюрем с 25 октября, а для всех остальных – с 1 декабря 1662 г. Из указа следует, что на выделение казенных денег на питание арестантов повлияла общественность – прошение самих арестованных.

Как указывал Н.Д. Сергеевский, не всегда содержание, выдававшееся тюремным сидельцам, составляло «государево жалование» в полном смысле этого слова. Очень часто оно шло не из государственных доходов, а взыскивалось с различных лиц или учреждений. Так, на содержание колодников, посаженных в тюрьмы при монастырях, деньги взыскивались с крестьян монастырских

вотчин; соловецкие монахи в Сумском остроге содержались за счет монастыря, а указом 1676 г. установлено: «сидящим на тюремном дворе в Москве, беглым от господ своих людям и крестьянам “государева жалования, кормовых денег не давать, а кормить тем, чьи те беглые люди и крестьяне будут”»¹⁷.

В 1680 г. было издано постановление: «Впредь тюремным сидельцам влазного с но-вопридворных людей, которые посажены будут на тюремный двор и за решетку, брать не велено»¹⁸.

После запрета на сбор милостыни колодники подали челобитные о разрешении подати. Так, 2 мая 1704 г. тюремные сидельцы подали челобитную, в которой просили «пущать в мир против их каторжных сидельцев, чтобы им, бедным, сидя на тюремном дворе, голодную смертью не умереть»¹⁹. Аналогичная челобитная была направлена преосвященному Митрофану, где заключенные так описывают свои условия: «..сидим мы на Воронеже в остроге и правят братией на нас влазная и бьют за влазное братья нас правез безпрестанно, а влазнава нам заплатить нечем и помираем голодной и холодной смертью»²⁰.

Практика сбора колодниками подаяния сохранялась еще длительное время. Кроме того, в тюрьму приносили одежду, деньги, продукты благочестивые люди, которые время от времени посещали эти учреждения. Посещение тюрем и раздача подаяний было делом христианской милости, обязательной для каждого верующего, независимо от того, беден был человек или богат, боярин или простолюдин. Считалось святым долгом уделить часть от имеющегося и отдать ее тем, кто пребывает в темницах. Сам царь подавал пример, и накануне больших праздников, ночью, почти без свиты, скромно выходил из своих покоев, обходил тюрьмы и раздавал деньги, одежду и прочее²¹. На Пасху царь давал тюремным си-

¹⁵ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.: Археографич. комиссия, 1859. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/kotoshih.htm#747> (дата обращения: 15.07.2013). О сборе милостыни в других источниках: в выборном документе в тюремные сторожа от 29 августа 1671 г. крестьянина Якова Гаврилова Пастухова указывалось, что «быть ему Якову... в Верхотурье у тюрьмы в сторожах; и будучи в сторожах... тюремных сидельцев без указа великих государев никак никоими мерами не выпускать, и в мир ходя (выделено Е.П.) их не отпустить, и за город их не выводить, и воровать им не давать... и на кабак тюремных сидельцев не водить (выделено Е.П.) и пить не давать» (Акты, относящиеся до юридического быта России. Т. 1. С. 6).

¹⁶ Указ 25 октября 1662 г. «О даче тюремщикам на корм денег, по два алтына на человека» // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб.: Тип. II Отд-ния собственной Е. И. В. канцелярии, 1830–1851. Т. 1. С. 571. URL: http://elibrary.ru/nodes/179-t-1-s-1649-po-1675-ot-no-1-do-618-1830#page/605/mode/inspect/zoom/4_ (дата обращения: 15.07.2013).

¹⁷ Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII века. С. 199. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003550698#?page=208> (дата обращения: 15.07.2013).

¹⁸ Соловьев С. История России с древнейших времен. Книга VII: 1676–1703 гг. Изд. 5. 1889. С. 276.

¹⁹ Карнович Б.Г. Историческая записка о нищенстве и Воронежские акты. 1889. Т. 1. С. 320.

²⁰ Карнович Б.Г. Указ. соч. Т. 4. С. 165.

²¹ «...Царь и царица ходят по богадельням и по тюрьмам, и дают милостыню ж, ...дают по рублю и по полтине и меньше человеку. И тех денег расходится множество тысячью» (Котошихин Г.К. Указ. соч. Гл. I, II и XIII. С. 9. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003548094#?page=21> (дата обращения: 16.07.2013)).

дельцам крашенные яйца, на Рождество – бараньи тулупы. Подаяния по тюрьмам раздавали богатые люди, и не только в праздники, но и в дни смерти кого-либо из членов семьи, во время похорон и годовщины, а также по поводу различных торжественных семейных событий: рождения, свадеб и т.д.²²

В.Б. Романовская в одной из своих работ отмечает более глубокий смысл этой традиции. Автор указывает, что он заключался не только в материальной стороне дела. Подававшие милостыню голодному арестанту проявляли христианское милосердие, а не просто «общегуманитарную» жалость, которая возникает обычно к больному, убогому, престарелому или невинно страдающему. Милостыня преступнику являет собой акт большой духовной работы, евангельского прощения и сострадания к падшему. Этот акт имеет воспитательное значение для дающего, который осознавал при этом русскую мудрость: «От тюрьмы и от сумы не зарекайся»²³.

Таким образом, питание и материальное обеспечение лиц, находящихся в тюрьмах, фактически возлагалось на жителей поселения, на самих арестованных и их родственников, т.е. на общественность.

Имеются и свидетельства участия в данный период представителей общественности в судьбе осужденных к наказанию в виде смертной казни. Смертная казнь в XVII в. осуществлялась несколькими способами: отсечением головы, повешением, утоплением, расстрелом, четвертованием, колесованием, залитием горла расплавленным металлом и окопанием в землю.

Окопание в землю применялось к жёнам за убийство или отравление мужей. Смерть наступала не сразу, так как даже в норме закона определялось, что «...держати ея в земле до тех мест, покамест она умрет»²⁴. По описанию В.Н. Берха, в 1740 г. в Соликамске были закопаны две женщины «прожившия в сем положении одна 23, а другая 12 дней»²⁵. Нельзя не согласиться

с Н.Д. Сергиевским, который говорит о том, что «продолжительные мучения окопанных, может быть, индивидуальная обстановка отдельных случаев мужеубийства и, весьма вероятно, молодость большинства преступниц вызывали сострадание к ним в народе, невзирая на суровые нравы эпохи. Родственники убитого мужа и посторонние лица нередко бьют челом о помиловании окопанных»²⁶. Об этом свидетельствует и сама норма Уложения 1649 г.: «казнити ея такую казнию безо всякия пощады, хотя будет убитого дети, или иныя кто ближния роду его, того не похотят, что ея казнити, и ей отнюд не дати милости»²⁷. Видимо, подача челобитных со стороны близких родственников о помиловании окопанных в практике применения этого вида наказания заложила изначально смысл нормы о невозможности их помилования. Такой подход к этому виду казни подтверждается и Указом от 11 мая 1663 г., и новоуказными статьями 1669 г., где устанавливается, что жен, убивающих своих мужей, закапывать по груди в землю. Вместе с тем встречаются сведения об отступлении в практике от нормы закона: по прошению представителей духовенства и частных лиц в некоторых случаях окопанные были помилованы и отправлены в монастыри для пострига и исправления²⁸.

Из изложенного видно, что кроме материального, общественное воздействие начинает приобретать и духовное значение, которое, хотя и в единичных случаях, оказывает влияние на карательную систему. Как отмечает И.Я. Фойницкий, появляется если не любовь и уважение к человеку, то по крайней мере сожаление или сострадание к нему. В это время начинает широко практиковаться

²⁶ Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII века. С. 110. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003550698#?page=119> (дата обращения: 15.07.2013).

²⁷ Например: Соборное уложение 1649 г. Глава XXII. Ст. 14. URL: <http://hist.msu.ru/ER/Etext/1649/22.htm> (дата обращения: 23.07.2013).

²⁸ См.: Память владимирского воеводы Федора Юрлова Успенского монастыря игуменьи Мариамне о пострижении крестьянки Остиньи, которая за убийство мужа своего пробыла сутки окопанною в земле (№ 14. 1677. 11 марта) // Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссией. Т. V : 1676–1700 гг. СПб.: Тип. II Отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1842. С. 25 ; Грамота новгородского митрополита Корнилия Тихвинского монастыря архимандриту Макарию, об отдаче под начала и пострижении двух женщин, подвергнутых за уголовное преступление трехсуточному окопанию в землю (№ 80. 1682. 28 марта) // Там же. С. 127.

²² Например: Бартенев П.И. Собрание писем царя Алексея Михайловича. М., 1856.

²³ Романовская В.Б. Репрессивные органы и общественное правосознание в России XX века : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. С. 7.

²⁴ Например: Соборное уложение 1649 г. Глава XXII. Ст. 14. URL: <http://hist.msu.ru/ER/Etext/1649/22.htm> (дата обращения: 16.05.2013).

²⁵ Берх В.Н. Царствование царя Алексея Михайловича. СПб., 1831. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003542746#?page=329> (дата обращения: 17.07.2013).

царское помилование преступников, и в образовании этого института видную роль играет духовенство²⁹.

Особенно новаторским подходом к исправлению лиц, совершивших преступление, и вовлечению в этот процесс представителей общества отличалась Екатерина II. Она полагала целью наказания не столько кару, сколько нравственное изменение преступника. Поэтому в документах того времени уже встречается такое понятие, как «исправительные наказания». По мнению В.С. Иконникова, «величие императрицы утверждалось в обращении к смягчению нравов, любви к Отечеству, веротерпимости, просвещению»³⁰. Екатерина II задается двумя целями: 1) преобразованием воспитания и 2) улучшением законодательства в соответствии с современными представлениями о них. В Наказе Екатерины II говорится: «Самое надежное, но и самое труднейшее средство сделать людей лучшими есть приведение в совершенство воспитания» (ст. 248), «Правила воспитания суть первыя основания, приуготовляющия нас быть гражданами» (ст. 348)³¹. Этот подход не мог не найти своего отражения и во взгляде Екатерины II на характер и цели наказаний: «По мере как умы в обществе просвещаются, так умножается и чувствительность каждого особо гражданина; а когда в гражданах возрастает чувствительность, то надо, чтобы строгость наказаний умягчалась» (ст. 208), «Сделайте, чтоб люди боялися законов, и никого бы кроме их не боялися» (ст. 244)³². Смягчение карательных мер в законодательстве Екатерины II не переходило в послабление преступлению, напротив, преступающий законы должен был подлинно знать, что он непременно будет наказан³³. Но, говоря о цели наказания, императрица уста-

навливает необходимость «возвратить заблудшие умы на путь правый» (ст. 93)³⁴. Она считала, что данное возможно через просвещение, а просвещение является наиболее действенным средством в борьбе с преступностью и в исправлении преступников.

Екатерина II изменила организацию губернской администрации и создала приказы общественного призрения, на обязанности которых возложено было заведывание школами, больницами и собственно призрением. На первых порах средства приказов были незначительными, но уже в 1803 г. они имели в обращении 5 млн рублей и содержали несколько сотен благотворительных заведений из своих доходов. С этого времени благотворительная деятельность из частного дела становится общественным. С учреждением приказов общественного призрения возникли работные и смирительные дома. Екатерина II установила содержание заключенных за счет государственной казны³⁵, таким образом, бремя непосредственной обязанности материального обеспечения осужденных снимается с родственников, селян и других представителей общественности.

Необходимо отметить, что в период царствования Екатерины II было положено начало правовому урегулированию участия церкви в реализации уголовного наказания и исправления преступников. Так, Указом от 15 января 1763 г. «О увещании тех, кои к пыткам дойдут, учеными священниками, и о сочинении для того книжицы» и Указом от 16 августа 1764 г. «Каким образом увещевать преступников» закреплено, что к преступникам для их раскаяния необходимо применять «милосердие и увещание», которое осуществлять бу-

²⁹ Фойницкий И.Я. Научная разработка истории наказания. СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1888. С. 7.

³⁰ Иконников В.С. Значение царствования Екатерины II. Киев : Тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1897. С. 9.

³¹ Наказ ея императорского величества Екатерины II учрежденной Комиссии о составлении проекта нового уложения. М., 1809. П. 248, 348. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01002988973#?page=197>, <http://dlib.rsl.ru/viewer/01002988973#?page=228> (дата обращения: 23.07.2013).

³² Наказ ея императорского величества Екатерины II ... URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01002988973#?page=184>, <http://dlib.rsl.ru/viewer/01002988973#?page=197> (дата обращения: 23.07.2013).

³³ Лаппо-Данилевский А.С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. С. 50.

³⁴ Наказ ея императорского величества Екатерины II ... URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01002988973#?page=142> (дата обращения: 23.07.2013).

³⁵ Например, Указ от 2 марта 1775 г. «О содержании находящихся в Таганроге, Риге и Ревеле каторжных колодников, на основании бывшего в Балтийском порту положения» определял не только норму пищевого довольствия в соответствии с Указом от 1770 г., но и нормы материального обеспечения. Кроме того, Указ предусматривал разделение норм по половому признаку: «женска пола колодницам, если употреблены они будут в работу, пропитание давать хлебом и деньгами, такое ж, как и мужескому полу; когда же останутся оне без работы, то давать им один провиант», медицинское обеспечение: «в случае тех каторжных болезней пользоваться их лекарям, давая в то время на пропитание из рабочих денег половинное число, а другую половину оставлять в платеж за медикаменты» // Полное собрание законов Российской империи. Т. 20. С. 64. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/198-t-20-1775-1780-1830#page/66/mode/inspect/zoom/5> (дата обращения: 23.07.2013).

дут «ученые священники». Этими же Указами Екатерина II поручила Святейшему Синоду подготовить «особливую книжицу с довольными доводами от священного писания»³⁶ и раздавать ее колодникам. Исповедь рассматривалась как весьма действенное средство, способное привести преступника к раскаянию, и для этого Синоду необходимо было определить священников, которые будут исповедовать и наставлять преступников, и для этого «их беспрепятственно к тому допускать»³⁷.

Кроме того, есть свидетельства применения к помещикам публично церковного покаяния как дополнительного средства нравственного исправления и усиления наказания в виде заключения в тюрьму³⁸. Показательным является процесс над супругами Жуковыми, в отношении которых Екатерина II своим указом изменила приговор, вынесенный еще Елизаветой и не исполнявшийся до 1766 г., заменив рвание ноздрей, клеймение, нещадное битье кнутом на молитву и публичное покаяние. Местами покаяния были выбраны в Москве паперти церквей на улицах Басманной, Пятницкой, Арбате и Успенского собора Московского Кремля. Духовенство выработало обряд публично церковного покаяния, который проходил в дни Великого поста в 1766 г.³⁹

Нельзя не сказать и еще об одном общественном направлении, которое берет свое начало в период царствования Екатерины II, — это формирование института общественного

мнения, которое в будущем будет играть немаловажную роль в процессе исправления осужденных.

Правление Екатерины II характеризовалось бурной законотворческой деятельностью, особенно в первые годы. Екатерина понимала, что для того, чтобы завоевать доверие народа, надо принимать такие законы, которые будут поддержаны и поняты народом, а для этого необходимо разъяснять ему важность решений, но и решения должны быть известны народу⁴⁰.

В «Записках» Екатерина II пишет: «16. Дело, которое наиболее сопряжено с неудобством, это составление какого-нибудь нового закона. Нельзя внести в это достаточно обдуманности и осторожности; единственное средство к достижению того, чтобы быть осведомленным о хорошей или дурной стороне того, что вы хотите постановить, это велеть распространить слух о том на рынке, и велеть точно известить вас о том, что говорят...

17. Остерегайтесь, по возможности, издать, а потом отменить свой закон; это... лишает вас доверия народа... <...>

22. Уважение общества не есть следствие видной должности или видного места... Желаете вы этого уважения? Привлеките доверие общества, основывая свое поведение на правде и на благе общества»⁴¹.

Ярким примером проведения в жизнь такой политики является деятельность Уложенной комиссии. Эта Комиссия состояла из депутатов от правительственных учреждений, уездов, городов и других состояний, возрастом не моложе 25 лет, которым избиратели должны были дать свои наказания. В 20 губерниях было избрано 564 представителя. Всего было 203 заседания Комиссии — сначала в Москве, а затем в Санкт-Петербурге. Комиссия располагала большим количеством материалов по российскому и зарубежному законодательству, переведенных на русский язык, в комиссию были представлены мнения известных писателей и публицистов, и если Екатерина II хотела знать о желаниях жителей различных «частей своей Империи... то она могла узнать эти желания настолько, насколько собранные ею депутаты представляли собою истинных

³⁶ Указы всепресветлейшей, державнейшей, великой государыни императрицы, Екатерины Алексеевны. Январь — июль 1763 г. СПб., 1764. С. 10. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003338417#?page=20> (дата обращения: 27.02.2013); Указы всепресветлейшей, державнейшей, великой государыни императрицы, Екатерины Алексеевны. 1764 г. М.: Сенат. тип., 1793. С. 417. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003338436#?page=425> (дата обращения: 27.02.2013).

³⁷ Указы всепресветлейшей, державнейшей, великой государыни императрицы, Екатерины Алексеевны. 1764 г. С. 419. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003338436#?page=427&view=page> (дата обращения: 27.02.2013).

³⁸ Например: Об учинении наказания вдове Генерал-Майора Эттингера Елисаветы, за неумеренные побои, причиненные крестьянину, и о сообщении в Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения для учинения положенья о том, как поступать с такими, кои суровость против человека употребляют (№ 13.758. 1772. 13 февраля) // Полное собрание законов Российской империи. Т. 19. С. 446–448 URL: <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/197-t-19-1770-1774-1830#page/452/mode/inspect/zoom/4> (дата обращения: 27.02.2013).

³⁹ Подробнее: Победоносцев К. Убийство Жуковых // Исторические исследования и статьи. СПб., 1876. С. 269–324. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003589753#?page=274&view=page> (дата обращения: 27.02.2013).

⁴⁰ См.: Наказ ея императорского величества Екатерины II ... Ст. 58. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01002988973#?page=133> (дата обращения: 24.07.2013).

⁴¹ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1907. С. 629–630. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003733583#?page=652> (дата обращения: 24.07.2013).

выразителей всех отдельных частей страны. Однако... эти классы не представляли сколь-нибудь общих интересов... Поэтому понятно, что как в заявлениях депутатов, так и в наказах, врученных им, преобладали желания и нужды сословного характера. <...> Давал себя чувствовать и религиозный антагонизм в тех местностях, в которых население отличалось смешанным характером (инородцы, раскольники)»⁴².

Вместе с тем можно говорить, что именно такой подход в правлении Екатерины II заложил основы института общественного мнения. Как отмечает Исабель де Мадариага, «с Уложенной комиссии в среде поданных внедрялась идея общественного обсуждения»⁴³. По мнению А.И. Баклашова, Екатерина II «признавала значение силы мнения и кое-какие реформы осуществила под ее непосредственным влиянием. Императрица желала построить отношения власти и населения на взаимном доверии. Для этого прислушивалась к "голосам" депутатов Уложенной комиссии, временно содействовала развитию общественного мнения в печати, разрешила право представления местным обществам»⁴⁴.

Широко применялась Екатериной II практика издания указов о принимаемых милостях, в том числе и в отношении преступников, которые приурочивались к значимым событиям в жизни государства, царским торжествам и помогали в том числе стабилизировать сложную внутреннюю и внешнюю обстановку в государстве. Например, мани-

фест «О высочайше дарованных разным соловиям милостях, по заключению мира с Оттоманскою Портою» (17 марта 1775 г.)⁴⁵ предусматривал помилование преступников, принимавших участие в восстании Пугачева. Этим же манифестом осужденным к смертной казни наказание заменили ссылкой на работу, телесные наказания – ссылкой на поселение; дела по государственным преступлениям подлежали закрытию, если расследование тянулось более 10 лет, заключенных, содержащихся в тюрьме, немедленно освобождали, а также «предавались забвению» другие проступки, срок давности которых составлял более 10 лет, предавались прощению и беглые из армии, государственные крестьяне и горожане – при условии их возврата домой и сдачи властям в течение года. Аналогичные положения содержали и такие манифесты, как изданный в честь 25-летия коронации Екатерины II «О разных дарованных народу милостях» (28 июня 1787 г.) и изданные в ознаменование победы в русско-турецкой войне «О разных дарованных народу милостях» (2 сентября 1793 г.)⁴⁶.

Как видим, общественное воздействие как основное средство исправления осужденных имеет длительный исторический путь. Его зарождение обусловлено экономическими, политическими, культурными факторами, которые находили свое непосредственное отражение в формировании института уголовного наказания в процессе становления и развития Российского государства.

Библиография:

1. Акты, относящиеся до юридического быта России. – Т. 2. – СПб., 1864.
2. Баклашов А.И. Екатерина II и общественное мнение: 1762–1796 гг. : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2010.
3. Бартенев П.И. Собрание писем царя Алексея Михайловича. – М., 1856.
4. Берх В.Н. Царствование царя Алексея Михайловича. – СПб., 1831.
5. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. Канонические. – Изд. 1-е. – Союз церквей евангельских христиан, 1993.
6. Выбор тюремных целовальников (№ 280. 1641. Сентябрь) // Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. – СПб., 1838.

⁴² Иконников В.С. Указ. соч. С. 28.

⁴³ Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М. : Новое лит. обозрение, 2002. С. 478.

⁴⁴ Баклашов А.И. Екатерина II и общественное мнение: 1762–1796 гг. : дис. ... канд. ист. наук. : 07.00.02. М., 2010. С. 22.

⁴⁵ Полное собрание законов Российской империи. Т. 20. Ст. 14.274. С. 80–82. URL: <http://elibrary.ru/nodes/198-t-20-1775-1780-1830#page/84/mode/inspect/zoom/4> (дата обращения: 24.07.2013).

⁴⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т. 20. Ст. 16.551. С. 861–863. URL: <http://elibrary.ru/nodes/198-t-20-1775-1780-1830#page/84/mode/inspect/zoom/4>; Т. 23. Ст. 17.149. С. 456–460. URL: <http://elibrary.ru/nodes/201-t-23-s-1789-po-6-noyabrya-1796-1830#page/460/mode/inspect/zoom/4> (дата обращения: 24.07.2013).

7. Воскобойников Н.Я. Материалы по истории призрения бедных и неимущих в России // Тюремный вестник. – 1893. – № 10.
8. Грамота новгородского митрополита Корнилия Тихвинского монастыря архимандриту Макарию, об отдаче под начала и пострижении двух женщин, подвергнутых за уголовное преступление трехсуточному окопанию в землю (№ 80. 1682. 28 марта) // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. – Т. V : 1676–1700 гг. – СПб., 1842.
9. Записки императрицы Екатерины Второй. – СПб., 1907.
10. Иконников В.С. Значение царствования Екатерины II. – Киев, 1897.
11. Карнович Б.Г. Историческая записка о нищенстве и Воронежские акты. – Т. 1. – СПб., 1889.
12. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. – СПб., 1859.
13. Лаппо-Данилевский А.С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. – СПб., 1898.
14. Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. – М., 2002.
15. Наказ ея императорского величества Екатерины II учрежденной Комиссии о составлении проекта нового уложения. – М., 1809.
16. О высочайше дарованных разным сословиям милостях, по заключению мира с Оттоманскою Портою (№ 14.274. 1775. 17 марта) // Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 г. – Т. 20. – СПб., 1830–1851.
17. О даче тюремщикам на корм денег, по два алтына на человека (№ 328. 1662. 25 октября) // Полное собрание законов Российской империи : Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 г. – Т. 1. – СПб., 1830–1851.
18. О разных дарованных народу милостях (№ 17.149. 1793. 2 сентября) // Полное собрание законов Российской империи : Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 г. – Т. 23. – СПб., 1830–1851.
19. О содержании находящихся в Таганроге, Риге и Ревеле каторжных колодников, на основании бывшего в Балтийском порту положения (№ 14.260. 1775. 2 марта) // Полное собрание законов Российской империи : Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 г. – Т. 20. – СПб., 1830–1851.
20. Об учинении наказания вдове Генерал-Майора Эттингера Елисаветы, за неумеренные побои, причиненные крестьянину, и о сообщении в Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения для учинения положенья о том, как поступать с такими, кои суровость против человека употребляют (№ 13.758. 1772. 13 февраля) // Полное собрание законов Российской империи : Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 г. – Т. 19. – СПб., 1830–1851.
21. Память губному старосте Максиму Огибалову об устройстве на Зимнегорском яму губного стана (№ 352. 1663. 31 января) // Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. – СПб., 1838.
22. Память владимирского воеводы Федора Юрлова Успенского монастыря игуменьи Марии-амне о пострижении крестьянки Остины, которая за убийство мужа своего пробыла сутки окопанию в земле (№ 14. 1677. 11 марта) // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. – Т. V : 1676–1700 гг. – СПб., 1842.
23. Победоносцев К. Исторические исследования и статьи. – СПб., 1876.
24. Поручения о судебных явках (№ 307. 1635–1693) // Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. – СПб., 1838.
25. Романовская В.Б. Репрессивные органы и общественное правосознание в России XX века: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1997.
26. Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII века. – СПб., 1887.
27. Соборное уложение 1649 г. – М., 1961.
28. Соловьев С. История России с древнейших времен. Книга VII: 1676–1703 гг. – Изд. 5. – 1889.
29. Указы всепресветлейшей, державнейшей, великой государыни императрицы, Екатерины Алексеевны. Январь – июль 1763 г. – СПб., 1764.
30. Фойницкий И.Я. Учение о наказании. – СПб., 1886.
31. Фойницкий И.Я. Научная разработка истории наказания. – СПб., 1888.
32. Царская грамота Кузнецкому воеводе Сытину о убеждении пашенных крестьян, чтоб они дочерей и племянниц своих выдавали замуж за ссыльных холостых людей (№ 27. 1648. 30 августа) // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. – Т. IV : 1645–1676 гг. – СПб., 1841.
33. Цыпин В. Церковное право. – М., 1994.

34. Ямвлих. О Пифагоровой жизни / пер. с древнегреч. И.Ю. Мельниковой. – М., 2002.

References:

1. Akty, odnosyashchiesya do yuridicheskogo byta Rossii. – T. 2. – SPb., 1864.
2. Baklashov A.I Ekaterina II i obshchestvennoe mnenie: 1762–1796 gg. : dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02. – M., 2010.
3. Bartenev P.I. Sobranie pisem tsarya Alekseya Mikhailovicha. – M., 1856.
4. Berkh V.N. Tsarstvovanie tsarya Alekseya Mikhailovicha. – SPb., 1831.
5. Bibliya. Knigi svyashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo zaveta. Kanonicheskie. – Izd. 1-e. – Soyuz tserkvei evangel'skikh khristian, 1993.
6. Vybor tyuremnykh tseloval'nikov (№ 280. 1641. Sentyabr') // Akty yuridicheskie, ili Sobranie form starinnogo deloproizvodstva. – SPb., 1838.
7. Voskoboinikov N.Ya. Materialy po istorii prizreniya bednykh i neimushchikh v Rossii // Tyuremnyi vestnik. – 1893. – № 10.
8. Gramota novgorodskogo mitropolita Korniliya Tikhvinskogo monastyrya arkhimandritu Makariyu, ob otدache pod nachala i postrizhenii dvukh zhenshchin, podvergnutykh za ugolovnoe prestuplenie trekhsutochnomu okopaniyu v zemlyu (№ 80. 1682. 28 marta) // Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheologicheskoyu komissieyu. – T. V : 1676–1700 gg. – SPb., 1842.
9. Zapiski imperatritsy Ekateriny Vtoroi. – SPb., 1907.
10. Ikonnikov V.S. Znachenie tsarstvovaniya Ekateriny II. – Kiev, 1897.
11. Karnovich B.G. Istoricheskaya zapiska o nishchenstve i Voronezhskie akty. – T. 1. – SPb., 1889.
12. Kotoshikhin G.K. O Rossii v tsarstvovanie Alekseya Mikhailovicha. – SPb., 1859.
13. Lappo-Danilevskii A.S. Oчерk vnutrennei politiki imperatritsy Ekateriny II. – SPb., 1898.
14. Madariaga I. Rossiya v epokhu Ekateriny Velikoi. – M., 2002.
15. Nakaz eya imperatorskago velichestva Ekateriny II uchrezhdennoi Kommissii o sostavlenii proekta novogo ulozheniya. – M., 1809.
16. O vysochaishe darovannykh raznym sosloviyam milostyakh, po zaklyucheniyu mira s Ottomanskoju Portoyu (№ 14.274. 1775. 17 marta) // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. – Sobranie 1-e. S 1649 po 12 dek. 1825 g. – T. 20. – SPb., 1830–1851.
17. O dache tyuremshchikam na korm deneg, po dva altyna na cheloveka (№ 328. 1662. 25 oktyabrya) // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. – Sobranie 1-e. S 1649 po 12 dek. 1825 g. – T. 23. – SPb., 1830–1851.
18. O raznykh darovannykh narodu milostyakh (№ 17.149. 1793. 2 sentyabrya) // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. – Sobranie 1-e. S 1649 po 12 dek. 1825 g. – T. 20. – SPb., 1830–1851.
19. O sodержanii nakhodyashchikhsya v Taganroge, Rige i Revele katorzhnykh kolodnikov, na osnovanii byvshago v Baltiiskom portu polozheniya (№ 14.260. 1775. 2 marta) // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. – Sobranie 1-e. S 1649 po 12 dek. 1825 g. – T. 20. – SPb., 1830–1851.
20. Ob uchinenii nakazaniya vdove General-Maiora Ettingera Elisavety, za neumerennye poboи, prichinennye krest'yaninu, i o soobshchenii v Komissiyu o sochinenii proekta Novogo Ulozheniya dlya uchineniya polozhen'ya o tom, kak postupat' s takimi, koi surovost' protiv cheloveka upotrebyayut (№ 13.758. 1772. 13 fevralya) // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. – Sobranie 1-e. S 1649 po 12 dek. 1825 g. – T. 19. – SPb., 1830–1851.
21. Pamyat' gubnomu staroste Maksimu Ogibalovu ob ustroistve na Zimnegorskom yamu gubnogo stana (№ 352. 1663. 31 yanvarya) // Akty yuridicheskie, ili Sobranie form starinnogo deloproizvodstva. – SPb., 1838.
22. Pamyat' vladimirskogo voevody Fedora Yurlova Uspenskogo monastyrya igumen'i Mariamne o postrizhenii krest'yanki Ostin'i, kotoraya za ubiistvo muzha svoego probyla sutki okopannoyu v zemle (№ 14. 1677. 11 marta) // Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheologicheskoyu komissieyu. – T. V : 1676–1700 gg. – SPb., 1842.
23. Pobedonostsev K. Istoricheskie issledovaniya i stat'i. – SPb., 1876.
24. Porucheniya o sudebnykh yavkakh (№ 307. 1635–1693) // Akty yuridicheskie? ili Sobranie form starinnogo deloproizvodstva. – SPb., 1838.
25. Romanovskaya V.B. Repressivnye organy i obshchestvennoe pravosoznanie v Rossii XX veka: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – SPb., 1997.

26. Sergeevskii N.D. Nakazanie v rusском prave XVII veka. – SPb., 1887.
27. Sobornoe ulozhenie 1649 g. – M., 1961.
28. Solov'ev S. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. Kniga VII : 1676–1703 gg. – Izd. 5 – 1889.
29. Ukazy vsepresvetleishey, derzhavneishey, velikoy gosudaryni imperatritsy, Ekateriny Alekseevny. Yanvar' – iyul' 1763 g. – SPb., 1764.
30. Foinitskii I.Ya. Uchenie o nakazanii. – SPb., 1886.
31. Foinitskii I.Ya. Nauchnaya razrabotka istorii nakazaniya. – SPb., 1888.
32. Tsarskaya gramota Kuznetskomu vovode Sytinu o ubezhdanii pashennykh krest'yan, chtob oni docherei i plemynnits svoikh vydavali zamuzh za ssyl'nykh kholostykh lyudei (№ 27. 1648. 30 avgusta) // Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheologicheskoyu komissieyu. – T. V: 1676–1700 gg. – SPb., 1841.
33. Tsypin V. Tserkovnoe pravo. – M., 1994.
34. Yamvlikh. O Pifagorovoi zhizni / per. s drevnegrech. I.Yu. Mel'nikovoi. – M., 2002.

Статья поступила в редакцию 27 августа 2013 г.

ИМЯ В НАУКЕ

О.А. Славгородская*

КОМИССАРОВ: ВЕКТОР ЖИЗНИ

Аннотация. 14 марта 2014 г. исполнилось 75 лет Владимиру Ивановичу Комиссарову – доктору юридических наук, профессору, заслуженному юристу Российской Федерации, почетному работнику высшего образования России. В очерке рассказано о его юности, пришедшейся на суровые послевоенные годы, учебе на юридическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, работе в органах прокуратуры Саратовской области. Делом всей жизни В.И. Комиссарова стала работа в Саратовском юридическом институте имени Д.И. Курского (Саратовская государственная академия права; Саратовская государственная юридическая академия). Он был преподавателем, доцентом, профессором кафедры криминалистики, проректором по учебной работе, более 10 лет заведовал кафедрой методологии криминалистики. Стал автором нескольких монографий, учебников и множества статей по актуальным проблемам криминалистики. Долгое время возглавлял диссертационный совет Саратовской государственной академии права, был членом диссертационных советов в Воронежском, Краснодарском, Самарском государственных университетах. Воспитал три доктора и 20 кандидатов юридических наук.

Ключевые слова: В.И. Комиссаров, криминалистика, учитель, профессор, криминалистическая тактика, законность, этика предварительного следствия, научные труды, путь в науке, профессионализм, харизма.

DOI: 10.7256/1729-5920.2014.5.11710

*Что может быть честнее и благороднее,
как научить других тому,
что сам наилучшим образом знаешь?*

Марк Фабий Квинтилиан

Биография профессора В.И. Комиссарова – это, во многом, отражение истории нашей страны, его поколения и тех ключевых событий, которые составили основу жизни людей, на чью долю выпали тяжелые испытания военного и послевоенного детства, восстановления и возрождения, становления и осознания, созидания и свершений. Ученых и практиков, подаривших миру великие открытия, продолжающих передавать свой опыт и знания идущим следом за ними. Граждан России, которым мы обязаны существованием отечественной науки, созданием современной школы криминалистики благодаря тем фундаментальным научным трудам, что лежат в ее основе.

Насколько непростой была история страны, настолько непросто складывался жизненный путь будущего ученого.

Владимир Иванович Комиссаров родился в деревне Кудыкино Орехово-Зуевского района Московской области. Воспитывался старшей сестрой – обоим родителям забрала война. Отец погиб в 1941 г. в боях под Смоленском. Незадолго до Победы заболела и умерла мать, оставив пятерых детей.

С 1958 по 1962 гг. Владимир Комиссаров служил в воздушно-десантных войсках Вооруженных Сил СССР. Полк дислоцировался в Белоруссии. Именно тогда он понял, что такое настоящая мужская дружба, честность и прямота, открытость и принципиальность в общении с товарищами.

В 1964 г., после окончания вечерней школы рабочей молодежи, простой сельский паренек поступил на философский факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Увлечшись юриспруденцией, Комиссаров не побоялся отчислиться, вновь успешно прошел вступительные испытания и влился в ряды студентов юридического факультета МГУ.

© Славгородская Ольга Александровна

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистического обеспечения расследования преступлений Саратовской государственной юридической академии [kafcrim@msal.ru]

410056, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1.

Учеба в самом известном вузе страны стала не только отправной точкой при выборе будущей профессии, но и предопределила судьбу Владимира Ивановича, подарив знакомство с людьми, которые задали вектор всей его последующей жизни в науке. Именно здесь произошла встреча с выдающимся ученым, светилом отечественной криминалистики – Александром Николаевичем Васильевым, который не только привил любовь к криминалистике, но и заметил его склонность к науке, стал учителем на долгие годы. Под влиянием незаурядной личности профессора А.Н. Васильева, заложившего основы современных воззрений в области криминалистической тактики, а также предопределившего основные направления развития отечественной криминалистики в целом, проходило становление и формирование личности В.И. Комиссарова. Вряд ли в 60-е гг. прошлого века он – тогда еще очень молодой человек – задумывался о том, что его ждет собственный, яркий и весьма тернистый путь в науке.

Судьба подарила ему еще одну встречу, значение которой в жизни В.И. Комиссарова трудно переоценить. Перефразируя известное выражение, можно смело утверждать, что за спиной каждого выдающегося ученого-мужчины стоит не менее выдающаяся любящая его женщина. Встреча с именно такой Женщиной (с большой буквы) состоялась в стенах МГУ – Владимир Иванович познакомился со своей будущей супругой Галиной Константиновной Удодовой, музыковедом, философом, эстетиком. Она стала для него не только верной спутницей жизни, но и вдохновителем научных поисков и многих достижений.

Учеба окончательно укрепила уверенность Владимира Ивановича в правильности сделанного профессионального выбора и сформировала желание серьезно заниматься наукой. После успешного окончания МГУ в 1968 г. он начал свою трудовую деятельность в органах прокуратуры Саратовской области.

Работа в органах прокуратуры сложилась успешно. В.И. Комиссаров легко прошел путь от рядового следователя в районе до прокурора отдела общего надзора прокуратуры Саратовской области. Однако тяга к занятию наукой постепенно взяла верх.

В 1972 г. он начал осваивать преподавательскую деятельность в качестве сотрудника кафедры криминалистики Саратовского юридического института имени Д.И. Курского (Саратовская государственная академия права; Саратовская государственная юридическая академия). Работа в этом учебном заведении

стала делом всей жизни В.И. Комиссарова, позволила раскрыть его научно-педагогический потенциал, а также талант руководителя и организатора.

В Саратовском ордена «Знак Почета» юридическом институте имени Д.И. Курского профессор Комиссаров проделал большую научную работу. В начале карьеры он реализовал свой потенциал ученого, блестяще защитив в стенах альма-матер под руководством профессора А.Н. Васильева в 1977 г. диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Тема диссертационного исследования «Научные, правовые и нравственные основы следственной тактики» стала лейтмотивом его дальнейших научных исследований.

Защита прав участников уголовного судопроизводства, неукоснительное соблюдение принципа законности, следование нравственным основам при расследовании уголовных дел – это те киты, на которые опираются все научные изыскания В.И. Комиссарова.

Разработка ключевых аспектов следственной тактики, основанных на принципах законности, демократизации и социальной справедливости в уголовном судопроизводстве, стала базисом диссертационного исследования, представленного В.И. Комиссаровым в 1989 г. на соискание ученой степени доктора юридических наук. Успешная защита диссертации состоялась во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Генеральной прокуратуры СССР.

Научная состоятельность Комиссарова всегда сочеталась с активной жизненной позицией и стремлением оказывать позитивное влияние на происходящие процессы не только в научной, но и общественной жизни страны.

В 1983–85 гг., участвуя в оказании Советским Союзом многосторонней помощи Монгольской Народной Республике, он работал в должности ведущего специалиста юридического факультета Монгольского государственного университета. Стал автором первого учебника по криминалистике, изданного на монгольском языке. Подготовил к защите на соискание ученой степени кандидата юридических наук заведующего кафедрой Высшей следственной школы МВД МНР.

С 1996 по 1999 гг. был проректором по учебной работе Саратовской государственной юридической академии имени Д.И. Курского; с 1999 по 2013 гг. заведовал кафедрой методологии криминалистики. В качестве председателя государственной экзаменационной ко-

миссии вручал путевки в жизнь выпускникам Харьковского и Свердловского юридических институтов. Являлся членом комиссий по лицензированию и аттестации Академии ФСБ России, Кировского государственного университета, Московской государственной юридической академии, Энгельсского кооперативного института.

В 1997 г. был награжден нагрудным знаком «Почетный работник высшего образования России». В 1999 г. удостоен почетного звания «Заслуженный юрист Российской Федерации».

Отличительной чертой профессора В.И. Комиссарова является не только талант руководителя, но и ответственное отношение к своему делу, благодаря которому на каждом участке профессиональной деятельности ему всегда удается добиваться высоких результатов.

В должности заведующего кафедрой он содействовал техническому оснащению лаборатории кафедры, восстановил работу музея, созданного на базе кафедры. Под его руководством члены кафедры уделяли большое внимание использованию инновационных форм обучения студентов, организации и развитию научной студенческой работы, систематическому проведению олимпиады, круглых столов, диспутов, научных студенческих конференций, посвященных актуальным проблемам криминалистики. Кафедра неоднократно признавалась победителем по различным направлениям деятельности: учебной, научной, инновационной и общественной. Была успешно реализована аналитическая ведомственная целевая программа «Теоретические и практические проблемы обеспечения государственной защиты свидетелей при расследовании преступлений и пути их решения» в рамках федеральной программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)». Поддерживались тесные связи с криминалистами Белоруссии, Болгарии, Украины.

Под руководством В.И. Комиссарова защищены 3 диссертации на соискание ученой степени доктора и 20 диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Он много лет возглавлял диссертационный совет Саратовской государственной академии права, был членом диссертационных советов в Воронежском, Краснодарском, Самарском государственных университетах. Именно в этот период Владимир Иванович сблизился с выдающимся криминалистом

современности Р.С. Белкиным. Интересные, подчас острые, приправленные особым юмором, свойственным профессору Белкину, дискуссии о перспективах развития криминалистики позволили В.И. Комиссарову расширить границы своих научных воззрений.

Основным направлением в его научных исследованиях были и остаются изыскания в области повышения эффективности деятельности следователя, формирования и активного внедрения в практику криминалистических средств борьбы с преступностью, защиты интересов свидетелей и потерпевших. По мнению профессора Комиссарова, деятельность следователя должна четко соответствовать требованиям законности и морали, отраженным в нормах профессиональной этики следователя, соотносимой им с конкретной ситуацией расследования преступлений.

Им опубликовано более 100 научных работ, общим объемом 160 печатных листов, из них 11 монографий, в том числе монографии, изданные на монгольском языке (1984, 1987).

Профессор В.И. Комиссаров – соавтор трех учебников по криминалистике, изданных в 1993, 2007 и 2008 гг., в том числе первого в России учебника по криминалистике для бакалавров.

Его основные научные труды:

Научные, правовые и нравственные основы следственной тактики (Саратов, 1980);

Теоретические проблемы следственной тактики (Саратов, 1987);

Судебное следствие: состояние и перспективы развития (М., 2003, в соавт.);

Особенности расследования убийств, совершенных по найму (М., 2009, в соавт.);

Криминалистическая тактика: история, современное состояние и перспективы развития (М., 2009).

Фондом развития отечественного образования за книгу «Криминалистическая тактика: история, современное состояние и перспективы развития» В.И. Комиссаров был признан победителем в номинации «Юриспруденция» по итогам Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу 2009 г.

Высокое чувство ответственности, пытливый ум, оригинальность мышления и чувство юмора всегда отличали Владимира Ивановича, позволив завоевать авторитет не только среди ученых, коллег и подчиненных, но и среди широкого круга учеников, а также студентов, с интересом посещающих лекции по криминалистике, увлеченно занимающихся наукой под его руководством. Он не только внес значительный вклад в развитие отече-

ственной криминалистики, но и стал основателем научной династии. Его дочь – кандидат юридических наук, доцент Ярослава Комиссарова продолжает научные традиции, заслуженно пользуясь уважением коллег в России и за рубежом.

Встречая юбилей, В.И. Комиссаров полон творческих сил, нацелен на продолжение научного поиска, перспективы которого связаны с возможностью дальнейшей разработки актуальных вопросов следственной тактики и тактики судебного следствия.

Коллеги, ученики, юридическая общественность поздравляет Владимира Ивановича Комиссарова с юбилеем! Желают крепкого здоровья, творческих успехов, чтобы накопленный опыт, высокое мастерство, умение не только следовать времени, но и быть на шаг впереди него, позволили и дальше творить, учить и восхищать окружающих своей энергией, талантом, трудолюбием и оптимизмом!

Редакция журнала присоединяется к поздравлениям!

Материал поступил в редакцию 4 апреля 2014 г.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Т.В. Кашанина*

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ВСЕСТОРОННИЙ ВЗГЛЯД

(Рецензия на монографию: Взаимодействие гражданского общества и государства в России: правовое измерение / кол. авт.; под ред. О.И. Цыбулевской. – Саратов: Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина, 2013. – 404 с.)

Аннотация. В рецензии анализируется коллективная монография «Взаимодействие гражданского общества и государства в России: правовое измерение», посвященная 85-летию юбилею известного ученого, теоретика права, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, почетного работника высшего образования России Н.И. Матузова. Автор перечисляет проблемы, разработанные Матузовым, которые составляют его научный багаж. Отмечается, что Матузов при этом двадцать лет находился на административной работе в Саратовском юридическом институте (сейчас СГЮА) сначала в качестве декана, а затем проректора. Учитывая это, автор рецензии рассматривает созданное Матузовым в науке как подвижничество. Коллектив авторов довольно многочисленный – 35 ученых поместили свои научные материалы по проблеме, заявленной в названии книги. Вопросы гражданского общества в данной монографии рассматриваются всесторонне. Однако для детальной оценки автор рецензии выбрала исследования трех авторов, в которых анализируются следующие проблемы: 1) понимание гражданского общества; 2) правовая основа гражданского общества; 3) правовая система российского общества. **Ключевые слова:** интеграция правовых семей; критерии типологии; типология правовых семей; структура правовой системы; правовая система; конституция; структура гражданского общества; определение гражданского общества; славянская правовая семья; мировое правовое пространство.

DOI: 10.7256/1729-5920.2014.5.10544

Издание монографий в наше время – явление не частое. В связи с этим выход фундаментальной книги, посвященной гражданскому обществу и его взаимодействию с государством, следует признать радостным событием.

Авторами книги являются ученые вузов Поволжья, но не только. И не случайно. Дело в том, что «научным отцом» этих ученых, так или иначе, является доктор юри-

дических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего образования России Николай Игнатьевич Матузов. Именно в честь 85-летия ученого и написана книга учениками, составляющими костяк его научной школы права.

Монографию предваряет предисловие, в котором помещен очерк сделанного юбилеем за эти годы. Писали его ученики, которые

© Кашанина Татьяна Васильевна

* Доктор юридических наук, профессор, кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
[kashanina@mail.ru]

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

сами добились высоких результатов в науке и в профессии в целом: доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ заведующая кафедрой теории права Повожского института управления имени П.А. Столыпина О.И. Цыбулевская, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ директор Саратовского филиала ИГП РАН А.В. Малько, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ проректор по научной работе Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) В.Н. Синюков. Перечисляю регалии этих авторов столь подробно для того, чтобы подчеркнуть, что Н.И. Матузов готовит специалистов высшей пробы, которые способны встать вровень с ним и продолжить его дело.

Очерк о научном пути юбиляра, помещенный в предисловии, структурирован по времени создания работ. Он написан по-деловому, без пафоса, напыщенности и славословия, а потому вызывает большое доверие. В нем перечисляются наиболее важные из научных работ юбиляра (всего же их свыше 200), а также раскрываются главные научные идеи, выдвинутые и обоснованные Н.И. Матузовым. Один только перечень разработанных им вопросов вызывает почтение:

- субъективное право и его структура;
- законные интересы личности;
- юридические обязанности и их роль в правовом регулировании;
- правовой статус и его разновидности;
- правовая система и ее составляющие;
- концепция общерегулятивных правоотношений;
- правовой нигилизм и правовой идеализм;
- принцип «не запрещенное законом дозволено»;
- правовая политика;
- взаимодействие права и морали;
- право как мера юридической свободы и ответственности;
- юридические коллизии;
- гражданское общество и его соотношение с государством.

При этом надо учесть, что Н.И. Матузов двадцать лет находился на административной работе в Саратовском юридическом институте (сейчас СГЮА) сначала в качестве декана, а затем проректора. Получается, что созданное им в науке надо рассматривать как подвижничество, ибо все это приходилось делать за пределами жесткого рабочего дня, который существует у деканов и проректоров, т.е. за счет личного свободного времени. Далеко не всякий человек на этот способен.

Книга фундаментальна не только по объему, но, самое главное, по содержанию. В ней представлены результаты многолетних исследований ученых. Авторы не стали отнекиваться на предложение принять участие в подготовке юбилейной книги формально, а старались выложиться максимально. Книга получилась насыщенной новыми идеями и подходами.

Несмотря на то, что круг авторов достаточно широк (35 ученых представили свои научные материалы), книга по тематике получилась единой и неделимой, т.е. все ее части «работают» на заявленную в названии тему. Это дало возможность раскрыть проблему взаимосвязи гражданского общества и государства полно и всесторонне. Думается, что вряд ли в ближайшие годы кто-либо из юристов прикоснется к этой тематике: пространство «зачищено», и надо ждать накопления новых данных об объективной реальности и, соответственно, последующего их научного осмысления.

Монография имеет довольно четкую структуру и делится на две части: первая посвящена вопросам теоретико-правового взаимодействия гражданского общества и государства; вторая – отдельным институтам гражданского общества (личность, бизнес, церковь, местное самоуправление, общественные объединения, адвокатура, нотариат, семья, система образования, благотворительные организации).

Хочу остановиться лишь на тех разделах монографии и идеях, в них изложенных, которые отражают мои научные пристрастия. Это не значит, что другие части книги меня не заинтересовали. Объем рецензии, как жанра научной литературы, меня ограничивает в том, чтобы оценить идеи и других авторов.

1. Понимание гражданского общества (автор – О.И. Цыбулевская). Справедливо подчеркивается (§ 1.1. и 1.2), что понятие гражданского общества еще не устоялось. Выбрав наиболее существенное из множества определений, автор определяет его как *систему отношений, в которой участвуют индивиды, свободно и добровольно объединившиеся в добровольные ассоциации для удовлетворения своих потребностей*. Главное назначение этих ассоциаций – быть «переходным звеном» между сферой власти и частной жизнью граждан.

Определять термин гражданское общество так, как это делали много лет назад первые его исследователи (Макиавелли, Гроций, Гоббс, Кант, Гегель и др.) в настоя-

щее время уже нельзя (с. 48–49). Пришло понимание того, что гражданское общество на самом деле не столь автономно от государства, как хотелось бы. Оно контактирует с государством непосредственно, отстаивая интересы граждан. И этот контакт будет приносить плоды с большим успехом, когда он не будет носить резко конфронтационного характера. О.И. Цыбулевская подчеркивает, что государство все же должно ненавязчиво «причесывать» гражданское общество, чтобы социальный организм не пошел вразнос. Дело государства, например, запрещать националистические партии, бороться с экстремистскими организациями и т.п.

Однако если эту идею автора, правильную по сути, «примерить» на российскую действительность, то мы увидим, что она разбивается «в пух и прах»: российское государство пока далеко не всегда рассматривает гражданское общество как равного партнера и допускает во взаимоотношениях с ним злоупотребления двоякого рода.

С одной стороны, государство может открыто игнорировать общественные требования, по старинке считая народ ведомым звеном, которому крайне нужна опека со стороны государства. К примеру, сбор подписей в Интернете в количестве более 100 тыс. за отмену (или принятие) того или иного закона не производит никакого впечатления на властвующих субъектов. Более того, часто государство противодействует созданию и оформлению элементов гражданского общества. Так, если оппозиционным политическим партиям не удастся зарегистрироваться и с третьего раза (например, Республиканская партия В. Рыжкова была зарегистрирована только после решения Европейского Суда), то проправительственной партии «Народный альянс» под руководством А. Богданова удалось это сделать за один день.

С другой стороны, государство может применять тактику «удушения в своих объятьях». Можно привести пример с теми же политическими партиями. Когда пришло понимание того, что партийное строительство больше невозможно сдерживать, то была принята норма права, допускающая регистрацию политических партий при наличии всего лишь 500 членов, и в результате произошло обесценивание партийного движения.

Одним словом, России еще предстоит наладить диалог между гражданским обществом и государством. Так всегда и бывает: теория идет впереди социальной практики. Но если бы не было теоретического осмысления

взаимоотношений гражданского общества и государства, то и реформирование социальной практики носило бы спонтанный и далеко не всегда эффективный характер.

2. Правовая основа гражданского общества (авторы – А.В. Малько и К.А. Струсь). В § 1.3 затрагивается множество вопросов, посвященных гражданскому обществу: его сущностные черты (главные из которых – свобода и открытость), структура (состоит из 4 звеньев) и собственно правовая основа гражданского общества. Авторы определяют ее как *систему правовых актов, создающих с помощью принципов и иных юридических средств базу для функционирования институтов гражданского общества*.

Справедливо считая Конституцию РФ основой правового фундамента гражданского общества, они предлагают ее дополнить разделом «Гражданское общество». Он же, в свою очередь, должен, помимо определения гражданского общества, в отдельных главах раскрывать следующие его основы:

- 1) собственность, труд, предпринимательство;
- 2) общественные и религиозные объединения;
- 3) воспитание, образование, наука и культура;
- 4) семья;
- 5) СМИ;
- 6) органы местного самоуправления;
- 7) общественная палата.

Это предложение, на мой взгляд, довольно спорно. Дело в том, что конституцию считают, и справедливо, договором между обществом и государственной властью. Суть же этого договора состоит, с одной стороны, в закреплении тех целей, ради которых народ отдает власти часть своей свободы; с другой стороны – в указании властных органов, которым и поручается проводить деятельность по реализации этих целей. Таким образом, субъектами конституционного отношения являются народ (правомочный субъект) и государственная власть (обязанный субъект). Как видим, между субъектами существуют в определенном роде иерархические отношения.

По такому принципу построена и Конституция РФ. В гл. 1 сформулирован образ государства (его характеристика или основы государственного строя), в котором российский народ хотел бы проживать, а в гл. 2 перечислены права и свободы человека и гражданина, которые, по мнению граждан, позволят каждому жить в обществе достойно. В последующих главах Конституции идет прорисовка структуры власти и ее компетенции.

Авторы, предлагая ввести главу о гражданском обществе, тем самым призывают усилить характеристику правомочной стороны. Но не лучше ли обратить более пристальное внимание на обязанную сторону, тем более что социальный опыт показывает: государственная власть склонна злоупотреблять данными ей полномочиями. Анализ конституционного развития стран Западной Европы свидетельствует, что изменения в конституции, если там и производятся, то с одной целью – потуже затянуть узду на государственную власть и обезопасить общество от ее своеволия.

Есть и другая опасность в случае принятия предложения авторов о детальной характеристике гражданского общества в Конституции. Привнесение в Конституцию такого рода группы норм (констатирующих, а не обязывающих) сделает ее похожей на научный трактат. Это снизит ее действенность, которая и так пока не на высоте.

3. Правовая система российского общества (авторы – В.Н. Синюков и Т.В. Синюкова). В качестве основы для рассуждений о правовой системе России авторы взяли структурную характеристику правовой системы. Структурными элементами правовой системы являются законодательство, юридическая практика, правовая идеология, а также юристы и юридические корпорации, которые создают и обслуживают правовые институты.

Определяя векторы правового развития России, авторы прежде всего задались целью выявить местоположение современной правовой системы России на юридической карте мира. Здесь они представили читателю далеко не плоскую картину юридического мира. Авторы постарались выявить и использовать все возможные критерии типологии правовых семей:

- 1) культурологический (имеется в виду прежде всего правовая культура);
- 2) правовая традиция (или исторический способ формирования народного правосознания);
- 3) правовой стиль (или особое сочетание юридических и иных смежных средств регулирования);
- 4) социально-экономический или формационный;
- 5) географический (основанный на дихотомии «Запад – Восток»).

В результате они пришли к выводу: на юридической карте мира отчетливо обособляется славянская правовая семья, центром которой является российская правовая система.

Эту мысль В.Н. Синюков проводит уже много лет (см. его монографию «Российская правовая система»¹, выдержавшую несколько изданий). В статье же, помещенной в юбилейный сборник, аргументация относительно славянской правовой семьи усилена. В связи с этим число сторонников данной точки зрения, думается, возрастет.

Действительно, славянская правовая семья и российская правовая система в ее составе имеют специфику. В качестве специфических особенностей авторы называют: антирационализм, антиформализм правового мышления, слитность права и морали в обыденной жизни, правосудие с учетом личного положения сторон, ориентированного на примирение между ними, отсутствие автономии профессиональной юридической корпорации и др.

Однако возникает вопрос, чем обусловлены данные особенности? Скорей всего, они объективно заданы и связаны со степенью развития народов, зависящей, в свою очередь, от условий их проживания. Возьмем такую особенность, как антирационализм. Европейцы тоже были далеко не всегда рациональны, судя по инквизиционным кострам, которые пылали по всей Европе в средние века. Но развитие сознания народов европейских стран постепенно позволило перейти к рациональному осмыслению и в правовой сфере. Конечно, им было легче развиваться, поскольку, проживая в умеренном климате, люди могли заниматься сельскохозяйственным производством почти круглый год. Это давало весомый прирост материальных благ, часть которых можно было пустить и на развитие человеческого фактора. Кроме того, европейцам не надо было значительную часть создаваемых благ тратить на создание приемлемых для себя условий жизни, например, строить сберегающие тепло жилища, их обогревать и т.п. Таким образом, жесткие природно-климатические условия определяют многие из указанных черт славянской правовой семьи.

Тогда следует другой вопрос: являются ли особенности российской правовой системы раз и навсегда данными? Думается, что вряд ли здесь стоит рассуждать фаталистически. С развитием общества увеличивается интеллектуальный потенциал, что обуславливает использование новых более эффективных технологий. Глобализация многократно этому спо-

¹ Синюков В.Н. Российская правовая система. М., 2010.

собствует, ведет к созданию большего количества благ и ускоренному развитию народа.

Собственно авторы, специально не затрагивая вопрос о причинах, с которыми связана

специфика российской правовой системы, возможно именно это и имели в виду, делая свой вывод о неизбежной ее интеграции в мировое правовое пространство.

Библиография:

1. Синюков В.Н. Российская правовая система. – М., 2010.

References:

1. Sinyukov V.N. Rossiiskaya pravovaya sistema. – M., 2010.

Материал поступил в редакцию 20 декабря 2013 г.

ABOUT THE AUTHORS, ANNOTATIONS AND KEYWORDS

PHILOSOPHY OF LAW *On the lawful grounds of legal conscience*

DEMCHENKO, Tamila Ivanovna – PhD in Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Northern Caucasian Federal University
[tamila-d23@mail.ru]
355000, Russia, Stavropol, ul. Pushkina, 1.

Review: *The article is devoted to the characteristics of the lawful grounds of legal conscience, which concern understanding the truth of legal conscience, its comprehensive image. According to the discoveries, made by the representatives of Russian and foreign natural and humanitarian sciences regarding quantum mechanics, holographic status of the Universe, informational and microleptonic fields the following conclusions are made: these laws serve as fundamental basis for the conscience in general and legal conscience in particular, specifically, in its interaction with the public law matters, them being a part of the material world and being recognized as an element of the least fundamental part of being under these laws. Being at the lower level they are secondary in comparison to legal conscience. There is need for the legal science and practice to recognize legal conscience as superfine energy, information as a field structure. It should facilitate more comprehensive understanding and improvement of legal conscience and its active use for achieving the goals of state and law.*
Keywords: *relative legal conscience, lawful bases of legal conscience, universal legal conscience, comprehensive understanding of legal conscience, legal conscience as an energy, information.*

POLITICS AND LAW *Chronicles of the Georgian reforms*

MISHINA, Ekaterina Avgustovna – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Faculty of Law of the National Research University – Higher School of Economics.
[e.mishina@gmail.com]
119017, Russia, Moskva, Malaya Ordynka, 17.

Review: *The article is devoted to the key milestones of the development of Georgia after it left the USSR. The author consecutively analyzes the periods of rule of Z. Gamsakhurdia, E. Shevarnadze, and M. Saakashvili. The author provides an overview of constitutional formation of the independent state of Georgia. Most attention is paid to the Georgian reform after M. Saakashvili became the President. The author provides detailed evaluation of the stages of reform of the current Constitution, analyzing the tendencies in the changes of the balance among the branches of government. The author recognizes success of the police reform (Soviet type militia was transformed into the police force, which was oriented on the service to the people), the road police reform (currently road patrol functions instead), anti-corruption changes in the system of the Ministry of Internal Affairs, as well solving the problem of criminal bosses, when the solution actively involved international experience. The results of the reform included the abrupt lowering of the corruption level, greater trust of people to the police, democratization of the political regime.*
Keywords: *Gamsakhurdia, Shevarnadze, Saakashvili, Georgia, political regime, elections, independency, rule, the Constitution, constitutional reform, separation of powers.*

THEORETICAL PROBLEMS OF BRANCHES OF LAW *Environmental security as a legal category*

KRASNOVA, Irina Olegovna – Doctor of Law, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Kutafin Moscow State Law University
[ikrasnova@mail333.com]
123286, Russia, Moskva, Sadovaya-Kudrinskaya, 9.

Review: The author discusses historical roots of the legal matter of environmental security, defining the problems of legal regulation, providing characteristics of the international legal policy in this sphere and its influence upon the development of environmental law of Russia regarding environmental security regulation. The article includes evaluation of the terms such as industrial, radiation, chemical and biological security, environmental security in emergency situations. The article also contains detailed analysis of normative legal acts regulating the environmental security relations, revealing the defects of legal regulation. The article also includes analysis of the issue of correlation between the terms "protecting the environment" and "environmental security" in environmental legislation. Finally, the author substantiates her own approach towards understanding "environmental security" as the title of an institution of environmental law, defining its contents and possible perspectives of its development.

Keywords: jurisprudence, dangerous industrial objects, radiation security, environmental security, environmental emergency situations, protection of the environment, industrial security, the science of environmental law, institution of environmental security, genetically modified organisms.

Closed form of preliminary hearings on criminal cases: a critical evaluation

SHIGUROV, Aleksandr Viktorovich – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Forensic Studies of the Mordovian State University named after N.P. Ogarev [arshigurov@mail.ru]
430005, Russia, Saransk, ul. Bolshevitskaya, 68.

Review: The article is devoted to the studies of the norm on preliminary hearings at the stage of preparation of a criminal case for the judicial hearing in a form of a closed judicial hearing. In the opinion of the author prohibition for the persons not being parties to the case to be present in the judicial hearing cannot be substantiated with the secrecy of issues being discussed. Analysis of the requirements of the European Convention on publicity of judicial hearings and the category of "justice" in the Russian legislation allowed the author to draw a conclusion that the justice is being implemented in a preliminary hearing when the decision is made that the criminal case or criminal prosecution are terminated, or the evidence is excluded. Such a position is substantiated with the following. First of all, in the opinion of the author termination of the criminal case or criminal prosecution involves legal evaluation regarding guilt (lack of guilt) of a criminal defendant. Secondly, evaluation of admissibility of evidence and lack of guilt of a criminal defendant are elements of judicial activity on implementation of justice. The position of the court on admissibility of evidence is expressed in a separate decision, made in writing at the preliminary hearing, and it also should be included in the judicial sentence. Accordingly, resolution of a petition of a party on exclusion of an inadmissible evidence by the court at the preliminary hearing is also one of the stages of implementing justice. The author draws a conclusion that the legislator should use the same approach for both preliminary hearings and other types of hearings: they should generally be open for the public, but may be closed based upon the conditions provided by law.

Keywords: criminal judicial proceedings, preliminary hearing, court, justice, openness, publicity, termination of a criminal case, exclusion of evidence, judicial proceedings, presumption of innocence.

INTERNATIONAL PUBLIC LAW

The Westphalian Peace Treaty: the problems of fighting the emerging terrorism

CHERNYADIEVA, Natalia Alekseevna – PhD in Law, Associate Professor of the Department of International Law of the Perm State national Research University [chernyadnatalya@yandex.ru]
614990, Russia, Perm, ul. Bukireva, 15.

Research is done with the financial support of the Russian Humanitarian Sciences Foundation within the framework of the scientific research project ("Stages of the Formation of Universal Standards and Approaches in Fighting International Terrorism"), project N. 14-03-00128. Review: The Westphalian Peace Treaty laid the foundation for the formation of the modern international sphere. It formed the fundamentals (principles) of the international law. The article is devoted to establishing the historical factors involved in the Westphalian Treaty, which facilitated formation of the international terrorism. The object of studies was the process of formation and development of the international public law for the purpose of defining the legal norms and principles, that allowed for the terrorism to enter the international level. The study is based upon the primary sources: the

texts of two treaties, which are united by the title of the Westphalian Peace Treaty. The article contains comprehensive interdisciplinary studies, that is why, the author applied comparative legal and comparative historical methods. Taking into account the specific features of scientific research, which is aimed at revealing similarities in differences in social and political matter of predecessors and companions of terrorism. The applied principle of historicism allowed to follow the starting stage, when the conditions for the terrorism have formed in the international sphere. The author also used diachronic comparison in order to find prerequisites for the terrorism in the international reality, and the synchronic comparison in order to find out general, specific and singular features in the evaluation of terrorism in various states, viewing them as an embodiment of heritage of the Westphalian Treaty. For the first time the Westphalian Treaty is analyzed as a primary basis for the global legal order and a historical prerequisite for the current international security crisis. It is shown that the Westphalian Treaties (Munster and Osnabruck Treaties) provide for the principles of sovereignty and equality of states, double standards in foreign policy, legalization of wars as means of foreign policy, the Treaties define the range of subjects of international law, providing for the monopoly of states for legalized violence.

Keywords: international terrorism, principles of international law, Westphalian Treaty, conditions and prerequisites, sovereignty, principles of equality, subjects of international law, violence, history of international law, international security.

ISSUES OF LEGAL PRACTICE

Specific features for the limits to the judicial proceedings in criminal cases involving trial by jury

NASONOV, Sergey Aleksandrovich – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedural law of the Kutafin Moscow State Law University
[sergei-nasonov@yandex.ru]
123995, Russia, Moskva, Sadovaya-Kudrinskaya, 9.

The article is prepared in the process of scientific research work within the framework of the Federal Targeted Program "Scientific and Scientific – Pedagogical Cadres of the Innovative Russia" for 2009-2013.

Review: The article is devoted to the specific features of the judicial proceedings when the criminal case is tried by a jury. First specific features concerns "separation" of the position of the prosecution into elements, which have to be evaluated by the jury and which are examined by the court only after the verdict. The second specific feature involves a special procedural document – a questionnaire, which presents the factual basis for the accusation (and often for the defense as well). The second range of problems regards provisions in the Criminal Procedural Code of the Russian Federation allowing the parties to provide specialized and alternative questions for the jury, which may alter the contents of the accusation. The article is completed by the analysis of the problems regarding correspondence between the formulation and legal qualification of the crime in the court decisions based upon the factual circumstances established by the jury verdict.

Keywords: jurisprudence, limitations to the judicial proceedings, trial by jury, verdict, court decision, altering the accusation, questionnaire, accused, accusation, jury.

DISCUSSION STAND

Constructive protest in constitutional law: an idealized myth or a potential reality?

RIEKKINEN, Maria Aleksandrovna – Doctor of Sociology, Researching Professor of the Åbo Akademi University, Finland; Tyumen State University
[mpimanov@abo.fi]
Gezeliusgatan, 2; Abo Akademi, 20500 Turku, Finland

Review: This article contains an attempt to provide definition and contents of the category "constructive protest" as a mechanism for the implementation of the right to participate in the affairs of the state, as guaranteed by Art. 32 of the Constitution of the Russian Federation. According to her concept the protest should be aimed at achievement of the final result: provision of a specific request to the public government bodies or a possible solution of a specific public law problem. The author recognizes only peaceful actions as legitimate protest, considering any violations of public and legal order in the process of expressing disagreement to be unlawful and to be punished by the law. She makes a conclusion that the sanctions for the violation of the procedure for the protest expression cannot serve as the only stimulating means for the citizens to express

constructive protest. The goal to improve legal culture of the citizens is one of the most important issues in the path of optimizing the dialog between the state and civil society.

Keywords: constructive protest, political rights, participation in government, gatherings of persons, legal culture, abuse of right, petitions, expressing disagreement, the Constitution of the Russian Federation, democratic state.

FIGHTING CRIME

International legislation in the sphere of prevention of drug crimes committed by juveniles or against juveniles

GOTCHINA, Larisa Vladimirovna – Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the St. Petersburg State University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

[lgotchina@yandex.ru]

198206, Russia, St. Petersburg, ul. Pilyutova, 1.

Review: International legislation in the sphere of prevention of drug crime defines national anti-narcotic policy of the states. It is aimed at bringing the national legislations into accordance with the model laws of the UN and the CIS on fighting unlawful turnover of controlled substances and abuse of such substances. Ratified international conventions serve as a limiting factor against termination of national control over narcotic drugs, and they protect children, teenagers and the youth from abuse of narcotic substances and drug crime. However, in some states legalization of marijuana is being lobbied by introduction of the state regime of controlled tolerance towards it.

Keywords: youth drug crime, international cooperation, institutional interaction, conventional interaction, illegal turnover of drugs, transnational crime, marijuana legalization, fighting organized crime, aiding the youth, prophylactic activity.

HISTORY OF STATE AND LAW

The sources for the formation of public influence as the main force for the correction of the sentenced persons

POPOVA, Elena Eduardovna – PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the International Law Institute

127427, Russia, Moskva, Kashenkin Lug, 4.

Review: The development of the public influence as means for the correction of the sentenced persons is closely connected to the development of the institution of the criminal punishment and it is most clearly reflected in the history of formation of prisons. In various periods of development of the Russian state the character of participation of the society in the fate of the sentenced persons changed. It was procedural and material at the time of the rule of Tsar Ivan the Terrible; it was material and spiritual at the time of Tsar Alexis Mikhailovich, the innovative approaches to corrections of criminals and involvement of the public were typical for the rule of Catherine the II (the institutions of parole and charitable activities were developing at the time, and so were the law-making and the institution of public opinion).

Keywords: society, criminal punishment, charity, correction of the sentenced persons, implementation of criminal punishment, public influence, correctional means, correctional influence, criminal penal law, prisons.

NAME IN SCIENCE

Komissarov: life vector

SLAVGORODSKAYA, Olga Aleksandrovna – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Forensic Guarantees of Crime Investigation of the Saratov State Law Academy

[kakrim@msal.ru]

410056, Russia, Saratov, Volskaya, 1.

Review: On March 14, 2014 Vladimir Ivanovich Komissarov celebrated his 75th anniversary. V.I. Komissarov is Doctor of Law, Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Education of Russia. The article contains the story of his youth in the hard post-War years, his studies at the Law School of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov, his work in the prosecution bodies of the Saratov

region. The main landmark of his professional life was his work in the Saratov Law Institute named after D. I. Kursky (Saratov State Academy of Law, Saratov State Law Academy). He was a lecturer, an Associate Professor, a Professor of the Department of Forensic Studies, Vice-Rector on Teaching Issues, for over a decade he was the chairman of the Department of Methodology of Forensic Studies. He is the author of several monographs, manuals and numerous articles on topical problems of forensic studies. For a long time he was the head of the Dissertation Council of the Saratov State Law Academy, and he was a member of the Dissertation Councils of the Voronezh, Krasnodar and Samara State Universities. He has been the scientific advisor for 3 Doctors of Law and 20 PhDs in Law.

Keywords: V.I. Komissarov, forensic studies, lecturer, professor, forensic tactic, lawfulness, ethics of preliminary investigation, scientific works, path in science, professionalism, charisma.

BOOK SHELF

Civil society: a comprehensive view

KASHANINA, Tatiana Vasilievna – Doctor of Law, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University
[kashanina@mail.ru]
123995, Russia, Moskva, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9.

(Review on the monograph: Interaction between the civil society and state in Russia: the legal dimension/ group of authors, ed. by O.I. Tsibulevskaya. – Saratov; Povolzhsky Institute of Administration, 2013- 404 p.).

Review: The article is devoted to the collective monograph "Interaction between the civil society and state in Russia: the legal dimension", which was devoted to the 85th anniversary of the renowned scientist, legal theory scholar, Doctor of Law, Professor, Merited Scientist of the Russian Federation N.I. Matuzov. The author lists the topical issues, which Matuzov worked with, forming his "scientific luggage". It is noted that for 20 years Professor Matuzov held an administrative position at the Saratov Law University (currently, the Saratov State Law Academy), first as a dean, and then as a vice-rector. Considering the above, the author of the review recognizes input into science of N.I. Matuzov as a selfless devotion to legal science. The group of authors is rather large. 35 scientists provided their scientific materials within the framework of the topic of the book. The monograph provides a comprehensive overview of the key problems of civil society. The author of the review chooses three works, which are devoted to the following problems: 1) understanding of civil society; 2) legal basis for civil society; 3) legal system in the Russian society.

Keywords: integration of legal families, typology criteria, typology of legal families, structure of the legal system, legal system, constitution, structure of civil society, definition of civil society, the Slavic legal system, global legal area.

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ И ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ МАТЕРИАЛАМ И ИХ ОФОРМЛЕНИЮ

Более подробная информация содержится на сайте МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина) в разделе «Издательская деятельность», «Научные журналы» http://msal.ru/primary-activity/publishing/scientific_journals/lex_russica/

1. В Журнале публикуются результаты научных исследований и научные сообщения Авторы, изложенные в форме научных статей или рецензий в соответствии с тематикой Журнала (далее – статья).
2. К сотрудничеству приглашаются Авторы – ведущие специалисты, ученые и практики. При прочих равных условиях преимущественное право на опубликование имеют:
  - профессорско-преподавательский состав МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина) – перед сотрудниками иных вузов и научных учреждений;
  - лица, имеющие учёные степени, – перед аспирантами и соискателями.
3. Один Автор может опубликовать в течение года не более трех своих статей. Все исключения необходимо заранее согласовывать с редакцией.
4. **Направление Автором статьи для опубликования в Журнале считается акцептом**, т.е. согласием Автора на заключение Лицензионного договора о передаче права использования статьи в журнале «Lex Russica». Содержание договора опубликовано на сайте МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина).
5. Автор направляет в редакцию Журнала статью согласно условиям и порядку предоставления и опубликования статей, а также требованиям к оформлению статей, размещенным на сайте МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина). **При несоблюдении указанных требований редакция оставляет за собой право вернуть статью автору без рассмотрения.**
6. Статья направляется в редакцию через сервис **online-редакция NOTA BENE**. Автору необходимо зарегистрироваться в системе, указав все запрашиваемые данные. **Для аспирантов и соискателей** обязательна для заполнения информация о научном руководителе / консультанте, его контактная информация (в поле «Дополнительные сведения»). В дальнейшем для отправки очередной статьи заново вводить эти данные не потребуется. При добавлении новой статьи откроется окошко регистрации статьи, где приводятся все данные о статье (соавторы, название статьи, название журнала, название рубрики, ключевые слова на русском, аннотация на русском, библиография на русском). Текст статьи прикрепляется к регистрационной форме в виде файла, сохраненного в любой версии Word с расширением .doc, .docx или .rtf.
7. Требования к содержанию и объему статьи:
  - объем статьи должен составлять от 15 до 25 тыс. знаков (с пробелами, с учетом сносок) или 10–15 страниц А4 (шрифт – Times New Roman, высота шрифта – 14 пунктов; межстрочный интервал – полуторный, абзацный отступ – 1,25 см, поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, верхнее и нижнее – 2 см). Опубликование материалов меньшего или большего объема должно согласовываться с редакцией Журнала;
  - статья должна быть написана на актуальную тему, отвечать критерию новизны, содержать определенное новаторство в подходе к изучаемой теме/проблеме;

- в статье должны быть отражены результаты научного исследования, основанного на анализе теоретических конструкций, нормативных актов, материалов правоприменительной практики;
  - материал, содержащийся в статье, не должен быть только описательным, констатировать существующее положение вещей (статьи, значительная часть которых содержит воспроизведение нормативного материала, будут отклоняться);
  - в материале должна быть соблюдена фактологическая и историческая точность;
  - необходимо обращать внимание на аккуратное использование заимствованного материала, точность цитирования.
8. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
9. Следует точно указывать источник приводимых в рукописи цитат, цифровых и фактических данных.
10. При оформлении ссылок необходимо руководствоваться **библиографическим ГОСТом 7.0.5-2008**. Ссылки оформляются в виде постраничных сносок (размещаются в тексте как подстрочные библиографические ссылки), нумерация сплошная (например, с 1-й по 32-ю). Сноски набираются шрифтом Times New Roman. Высота шрифта – 12 пунктов; межстрочный интервал – одинарный. Знак сноски в тексте ставится перед знаком препинания (точкой, запятой, двоеточием, точкой с запятой). Пример оформления смотрите на сайте МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина).
Ссылки на иностранные источники следует указывать на языке оригинала, избегая аббревиатур и по возможности максимально следуя таким же требованиям, как и при оформлении библиографии на русском языке.
Ссылки на электронные ресурсы следует оформлять в соответствии с **библиографическим ГОСТом 7.82-2001**. Необходимо указывать заголовок титульной страницы ресурса, <в угловых скобках> полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
11. При оформлении списка литературы (библиографии) необходимо руководствоваться **библиографическим ГОСТом 7.1-2003**. В библиографическом списке не указываются правовые источники (нормативные акты, судебные решения и иная правоприменительная практика). Пример оформления смотрите на сайте МГЮА (Университет имени О.Е. Кутафина).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

ПИ № 77-14596 от 7 февраля 2003 г.

ISSN 1729-5920

Телефон редакции (8-499)244-85-56

Почтовый адрес редакции: 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

E-mail: lexrus@msal.ru.u

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Объем: 15,62 усл.печ.л., формат 60x841/8. Подписано в печать 28.05.2014 г.

Тираж 1000 экз. Печать офсетная. Бумага офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов.

Первая оперативная типография, 115114, г. Москва, 2-й Кожевнический пер., 12.

Подписка на журнал возможна с любого месяца

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 11178

ООО «НБ-Медиа»

Тел./факс (495) 424-26-02.; E-mail: w.danilenko@gmail.com

Почтовый адрес редакции: 117465, Россия, Москва, ул. Генерала Тюленева 31/1-210

Любой журнал или статью можно заказать на сайте издательства www.nbpublish.com

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Lex Russica» обязательна. Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за достоверность информации в рекламных объявлениях несут рекламодатели.

